

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

4 (22) / 2014

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

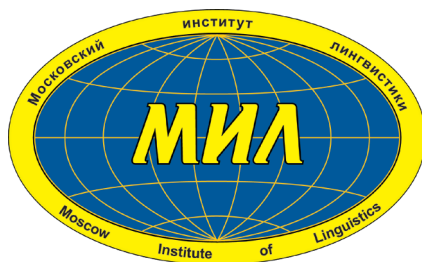
2014

4 (22)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2014
4 (22)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2014
4 (22)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Виноградов Виктор Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Караулов Юрий Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра русского языка Московского государственного лингвистического университета, Москва, (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2014

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2014

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2014

© Авторы, 2014

Подписано в печать 15.12.2014. Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Зак. № 0221. Усл. печ. л. 15,3. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

---

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS
Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Viktor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Yury N. Karaulov, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Scientific Russian Language Centre of Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovsky, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied researches.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights are reserved.

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2014

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2014

© Moscow institute of linguistics, 2014

© Authors, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

70 лет А.М. Шахнаровичу Сигал К.Я. (<i>Москва, Россия</i>) А.М. Шахнарович и современная психолингвистика.....	9
Шахнарович А.М. (<i>Москва, Россия</i>) Семантика в онтогенезе речи...	16

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тарасов Е.Ф. (<i>Москва, Россия</i>) Прологомены к теории языкового сознания.....	24
Кирилина А.В. (<i>Москва, Россия</i>) Понятие динамического объекта в постнеклассической лингвистике.....	36
Лобанова Л.П. (<i>Москва, Россия</i>) Языковая картина мира в концепции И.Г. Гердера.....	47
Гольдин В.Е., Слобнова А.П. (<i>Саратов, Россия</i>) «Словарное» и «психолингвистическое» представление значений: поиски соответствий.....	56
Чернышова Е.Б. (<i>Борисоглебск, Россия</i>) Теоретические основы исследования оценки в обыденном языковом сознании.....	68
Кирсанова И.В. (<i>Уфа, Россия</i>) Эмоциональная составляющая «контртекста» как элемент смыслообразования в теории текста и смысла.....	81
Нистратов А.А., Синячкин В.П. (<i>Москва, Россия</i>) Гендерные различия восприятия ценностей.....	94
Ощепкова Е.С. (<i>Москва, Россия</i>) Ценности «богатство» и «бедность» в языковом сознании русских.....	102
Степанова А.А., Маховиков Д.В. (<i>Москва, Россия</i>) Характеристика имен собственных носителями обыденного языкового сознания.....	118
Белов В.А. (<i>Череповец, Россия</i>) Типы синонимических рядов.....	125

ДИСКУССИИ

Смит Дэвид Хортон (<i>Брэндентон, Флорида, США</i>) S-Теория: объяснения индивидуального поведения человека (перевод с английского Д.Б. Никуличевой).....	138
--	-----

Трибуна молодых ученых

Друцэ А.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Стратегии и тактики уклонения от ответа в современном дипломатическом дискурсе.....	158
Куликов С.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Однореферентные оценочные слова и их формализация (на примере этнофобонимов).....	166

РЕЦЕНЗИИ

Арушанова А.Г., Рычагова Е.С., Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Проблемы развития речи в психолингвистическом и лингводидактическом освещении. – М.: Ключ-С, 2014. – 341 с. (<i>И.А. Арсеньева, Москва, Россия</i>).....	174
Калюта А.М. Словарь ассоциативных норм турецкого языка. – Минск: БГУ, 2014. – 207 с. (<i>А.П. Клименко, Минск, Беларусь; И.А. Бубнова, Москва, Россия</i>).....	178

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	181
ИНФОРМАЦИЯ	183

CONTENTS

OUR ANNIVERSARIES

- On the 70th Anniversary of Professor Shakhnarovitch
Kirill Ya. Seagal (*Moscow, Russia*) Aleksandr M. Shakhnarovitch
and Modern Psycholinguistics.....9
- Aleksandr M. Shakhnarovitch** (*Moscow, Russia*) Semantics in the
Ontogenesis of Speech..... 16

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

- Evgeny F. Tarasov** (*Moscow, Russia*) The Prolegomena to the Language
Consciousness Theory.....24
- Alla V. Kirilina** (*Moscow, Russia*) The Concept “Dynamic Object” in
Post-non-classical Linguistics.....36
- Lidia P. Lobanova** (*Moscow, Russia*) Linguistic Worldview in Herder’s
Conception.....47
- Valentin E. Goldin, Alefina P. Sdobnova** (*Saratov, Russia*) “Lexicographical”
and “Psycholinguistic” Representation of Meanings: Search for a Match.....56
- Elena B. Chernyshova** (*Borisoglebsk, Russia*) Theoretical Bases of Research
of the Assessment in Ordinary Language Consciousness.....68
- Inna V. Kirsanova** (*Ufa, Russia*) Emotional Constituent of “Counter-text”
as a Meaning Producing Element in Text and Meaning Theory.....81
- Aleksandr A. Nistratov, Vladimir P. Sinyachkin** (*Moscow, Russia*)
Gender Distinction Perception of Values.....94
- Ekaterina S. Oshchepkova** (*Moscow, Russia*) Universal Values “Wealth”
and “Poverty” in the Language Consciousness.....102
- Anna A. Stepanova, Denis V. Makhovikov** (*Moscow, Russia*) Characteristics
of Proper Names in the Ordinary Language Consciousness.....118
- Vadim A. Belov** (*Cherepovets, Russia*) Types of Synonymic Rows.....125

DISCUSSIONS

- David Horton Smith** (*Bradenton, Florida, USA*) S-Theory: Explaining
Individual Human Behavior (translated from English by Dina B. Nikoulitcheva).....138

YOUNG SCIENTISTS’ STUDIES

- Anna J. Drutse** (*Moscow, Russia*) Deviation Strategies and Tactics in a
Modern Diplomatic Discourse.....158
- Sergey Yu. Kulikov** (*Moscow, Russia*) Single-reference Opined Words and
their Formalization (the Case of Ethnophobonyms).....166

REVIEWS

- Alla G. Arushanova, Elena S. Rychagova, Kirill Ya. Seagal, Nadezhda M.
Yuryeva** Problems of Speech Development in Psycholinguistics and Linguadidactics.
– M.: Kluch-S, 2014. – 341 p. (*Irina A. Arsenyeva, Moscow, Russia*).....174
- Aleksandr M. Kalyuta** Turkish Associative Dictionary. – Minsk: BGU, 2014.
– 207 p. (*Anna P. Klimenko, Minsk, Belarus; Irina A. Bubnova, Moscow, Russia*).....178

- NOTES ON CONTRIBUTORS**.....181
- INFORMATION**.....183

1944 – 2001

3 ноября 2014 года исполнилось бы 70 лет Александру Марковичу Шахнарвичу – незабвенному Шаху, как его называли в Институте языкознания во времена его ученого секретарства и зам. директорства, веселому, жизнерадостному и энергичному Саше, каким его запомнили все, кто хоть один раз попал в свое время в маленькую комнатку на втором этаже на Волхонке, которую «новорожденная» Группа психолингвистики и теории коммуникации делила с институтским машбюро. Он был одним из тех, кто стоял у истоков отечественной психолингвистики, кто весело и самозабвенно делал эту науку, кто остался в ней навсегда. Вечная ему память!

К.Я. Сигал

УДК 81'23

А.М. ШАХНАРОВИЧ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА

В статье рассматривается психолингвистическая концепция выдающегося российского ученого А.М. Шахнаровича. К важнейшим его достижениям отнесены представления о семантическом компоненте языковой способности, о механизмах онтогенеза значения, о функциональном генезисе текста. Кроме того, отмечается вклад А.М. Шахнаровича в теорию лингвистического эксперимента.

Ключевые слова: эксперимент в психолингвистике, онтогенез речи, языковая способность, семантика в детской речи, психолингвистический анализ текста.

Kirill Ya. Seagal

ALEKSANDR M. SHAKHNAROVITCH AND MODERN PSYCHOLINGUISTICS

The article is devoted to the psycholinguistic conception of outstanding Russian scholar Aleksandr M. Shakhnarovitch. The ideas of semantics in language ability, ontogenesis of meaning, and functional genesis of text are among the most important results of his studies. Moreover, the contribution of Aleksandr M. Shakhnarovitch to the theory of linguistic experiment is emphasized.

Keywords: experiment in psycholinguistics, the ontogenesis of speech, language ability, semantics in the language of children, psycholinguistic analysis of text.

3 ноября 2014 года исполнилось бы 70 лет со дня рождения выдающегося отечественного психолингвиста доктора филологических наук профессора Александра Марковича Шахнаровича, который стоял у истоков психолингвистики в СССР.

По словам А.А. Леонтьева, центром научных интересов А.М. Шахнаровича «с самого начала стала – и оставалась до самых последних его дней – психолингвистика детской речи. В сущности, он ее и создавал в нашей стране» [Леонтьев 2001(а): 6]. Научное творчество А.М. Шахнаровича, действительно, представляет собой довольно цельную конструкцию, в которой все было ориентировано на познание закономерностей онтогенеза речи и коммуникативных форм речевого общения, на раскрытие тончайших психолингвистических механизмов становления языковой способности в дошкольном детстве.

Подход к решению этой фундаментальной научной проблемы, безусловно, нельзя было разработать в рамках «чистой» лингвистики, из которой, как это ни странно кажется сегодня, был удален тот, чья деятельность и чье бытие в социуме принципиально невозможно без языка, т.е. человек говорящий и слушающий. Поэтому А.М. Шахнарович в поисках неизбежного методологического синтеза обратился к психологическим обоснованиям и к психологическим методам, которые способствовали бы выработке объяснительных процедур в теории детской речи,

понятой не как лингвистическое описание речевой продукции детей, а как объяснительная в своей основе психолингвистика развития.

Согласно оценке Е.С. Кубряковой, «работая на стыке двух наук – лингвистики и психологии – он (А.М. Шахнарович. – К.С.) как бы предвидел, что дает их объединение и интеграция, и – что еще важнее – подготовил почву для широкого распространения всего когнитивного направления в современной лингвистике» [Кубрякова 2001: 687].

Предмет психолингвистики как особой междисциплинарной, или «стыковой», науки А.М. Шахнарович рассматривал на протяжении всей своей жизни в этой науке как «изучение природы и структуры языковой способности человека и ее реализации в речевой деятельности» [Шахнарович 2001: 234].

Важно отметить, что А.М. Шахнарович практически не употреблял такой термин-понятие, как «языковое сознание», с которым все чаще связывают теперь предмет современной психолингвистики. Вполне вероятно, что А.М. Шахнаровичу было близко следующее замечание А.А. Леонтьева: «...эпитет “языковой” в словосочетании “языковое сознание” не должен вводить нас в заблуждение... Изображать язык (в традиционно-лингвистической его трактовке) как то, что опосредует отношение человека к миру, – значит, попадать в порочный круг» [Леонтьев 2001(б): 114].

На самом деле, моделирование онтогенеза речи в рамках психолингвистики, – ведь эту задачу решал А.М. Шахнарович прежде всего, – довольно трудно осуществлять как сводя всю эту деятельность ребенка исключительно к ее лингвистической стороне, так и вовсе отвлекаясь от языка как системы, обобщенной и отраженной в психике ребенка. Поэтому в фокусе внимания А.М. Шахнаровича находится такое синтетическое, двуединое в своей сущности, подлинно психолингвистическое образование, как языковая способность, и не случайно именно А.М. Шахнаровичу удалось создать довольно стройное учение о языковой способности, вполне обоснованно включенное в теорию речевой деятельности – отечественный вариант психолингвистики.

Входя в новую для него науку, в которой, по словам его учителя А.А. Леонтьева, «буквально с первых месяцев он гигантскими шагами начал становиться профессионалом-психолингвистом» [Леонтьев 2001(а): 5], А.М. Шахнарович испробовал, как бы отыскивая свой материал и свой путь, весьма разнородную психолингвистическую проблематику. Ему принадлежат труды по речевой патологии при шизофрении, по восприятию рекламы, по речевым аспектам криминалистической экспертизы, по обучению иноязычной речи.

Публикацией, сделавшей молодого ученого известным всей стране, стал первый обобщающий труд отечественных психолингвистов – коллективная монография «Основы теории речевой деятельности» (1974 г.), где А.М. Шахнаровичу принадлежит глава «Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования». Эта работа написана молодым человеком, пришедшим в психолингвистику всего пять лет назад, но догадаться об этом по самому тексту невозможно: здесь видна рука зрелого ученого, способного на тончайшие методологические замечания и на глубокие обобщения и выводы. На наш взгляд, это уже тот А.М. Шахнарович, которого мы знали и у которого мы учились.

Е.С. Кубрякова в своих воспоминаниях отмечала: «...он (А.М. Шахнарович – К.С.) не раз возвращался к вопросу о роли эксперимента в психолингвистике и всегда находил новые слова, чтобы сказать о методах его проведения, об оценке результатов и их перепроверке, сам ставил новые эксперименты и заставлял проводить их и в школе, и в детских садах, и в студенческой среде» [Кубрякова 2001: 686].

Размышления А.М. Шахнаровича о лингвистическом эксперименте достойны отдельного, самостоятельного рассмотрения, причем на широком историографическом фоне, так как этот метод долго был окружен в нашей науке ореолом неприятия или сомнения и, по сути дела, не воспринимался всерьез за пределами экспериментальной фонетики (см. в связи с этим [Сигал, Юрьева 2009]). Не имея возможности сделать это в данной статье, остановимся только на тех первостепенных по своей важности тезисах, в которых А.М. Шахнарович обнаруживает гносеологическую специфику метода эксперимента в психолингвистике.

По А.М. Шахнаровичу, лингвистический эксперимент позволяет «искусственно вызвать явление, подлежащее изучению, с тем чтобы, наблюдая за этим явлением, более глубоко и полно его познать» [Шахнарович 1974: 129]. В сравнении с экспериментом вообще такой эксперимент «отличает то, что лингвистика имеет дело с самими фактами, процессами, сторонами языковой системы, но не с их отображенными характеристиками. Иначе говоря, лингвистический эксперимент имеет дело всегда с изучением прямым образом отображаемых свойств явлений» [там же: 130]. «При этом, – подчеркивает А.М. Шахнарович, – собственно лингвистические данные могут не всегда совпадать с теми, которые получаются в результате психологического (точнее – психолингвистического) “поворота” эксперимента» [там же: 133].

Отмечая то обстоятельство, что лингвистический эксперимент должен рассматривать языковые явления в единстве трех аспектов, выделенных Л.В. Щербой, ученый пишет: «Однако на индивидуальную речевую систему влияют внутренние и внешние факторы, под воздействием которых она не сводится к простой актуализации языковой системы» [там же: 134]. Тем самым ставится вопрос о социально-психологической детерминации лингвистического эксперимента на всех уровнях и этапах его организации.

А.М. Шахнарович напоминает о том, что в практике лингвистического эксперимента для максимальной объективизации данных испытуемому обычно предлагают либо повторить свою реакцию или оценить реакцию другого испытуемого, либо ответить на вопрос о тождестве или нетождестве тех или иных отрезков речи. По мысли А.М. Шахнаровича, «наиболее естественными были бы данные, полученные не прямым путем – в максимально естественных условиях живой непринужденной беседы (снятой своего рода “скрытой камерой”). В ходе такой беседы происходит экстериоризация психологически реальных элементов системы языка, они приобретают функциональную определенность. Кроме того, обратная связь, которая устанавливается при общении, позволяет по реакции собеседника объективировать получаемые данные» [там же: 132].

Отсюда следует, что беседа представляет собой прототипическую форму лингвистического эксперимента, в чем-то «редуцируемую» в разных экспериментальных методиках [Сигал 2014]. Однако беседа – это еще и та форма осуществле-

ния экспериментального общения, применение которой предсказуемо и неизбежно в работе с детьми дошкольного возраста.

Несмотря на то, что среди размышлений А.М. Шахнаровича об эксперименте в психолингвистике здесь ничего не сказано о детской речи, не приходится сомневаться в том, что именно экспериментальная работа с детьми дошкольного возраста побудила ученого к рефлексии над методом лингвистического эксперимента. При том, что в детской психологии над речью только наблюдали, устанавливая нестрогие зависимости одних явлений от других, «смаковали» отдельные факты, запечатленные в материнских дневниках, психолингвистика развития, взяв на вооружение метод лингвистического эксперимента, получила возможность объективировать «зоны ближайшего развития» (Л.С. Выготский), вызывая к жизни те языковые явления, которых, по сути дела, еще нет в речевой продукции детей, но которые уже подготовлены к функционированию в ходе когнитивного и собственно речевого развития дошкольников.

Все это было показано в кандидатской диссертации А.М. Шахнаровича «К проблеме психолингвистического анализа детской речи» (1974 г.), а затем – еще в большей мере – в его докторской диссертации «Семантика детской речи. Психолингвистический анализ» (1985 г.).

Поставив в центр своих научных интересов детскую речь как проблему психолингвистики, А.М. Шахнарович сосредоточил свое внимание на становлении семантики в дошкольном детстве как процессе развития категоризации в мышлении и речи ребенка, на природе и структуре языковой способности человека и на месте семантического компонента в ней, наконец, на когнитивных и коммуникативных особенностях текста как инструмента речевого общения. Освещение этих вопросов строилось у А.М. Шахнаровича на солидном экспериментальном материале и, главное, на единой методологической платформе теории речевой деятельности, где онтогенез речи рассматривается с позиции материалистического подхода. Полагаем, что теоретические представления по каждому из этих вопросов являются неоценимым вкладом А.М. Шахнаровича в современную общую психолингвистику.

Ключевым и, что особенно важно отметить, во многом аксиоматичным тезисом в психолингвистике развития А.М. Шахнаровича служит мысль о том, что «при овладении языковой действительностью и речевыми действиями образная связь означаемого и означающего является глобальной характеристикой процесса развития речи, свойственной всем уровням языка» [Шахнарович 2009: 166]. В целом ряде психолингвистических экспериментов, поставленных как самим А.М. Шахнаровичем, так и его учениками (Л.И. Гараевой, Н.М. Юрьевой и др.), были обнаружены, с одной стороны, прагматическая ориентировка детей на звуковую форму слова, а с другой стороны, довольно долго сохраняющаяся тенденция к наделению звуковой формы слова мотивированным значением. При этом в основу подобной мотивации кладется не некая воображаемая наглядность, но наглядно-образный субстрат, возникший в психической жизни ребенка из его опыта действий с разными предметами, т.е. из его предметно-практической деятельности. Об этом свидетельствует не только детское словотворчество, т.е. образование по продуктивным моделям таких слов, которые отсутствуют в инпуте, но и семантические толкования производных слов (полностью узуальных или с окказиональными корнями и узуальными аффиксами), к которым ребенка побуждает экспериментатор в условиях беседы-игры.

Вместе с тем развитие речи состоит, по А.М. Шахнаровичу, в том, что «вместо деятельности с предметами возникает деятельность со знаками, замещающими предметы и обладающими социально заданными значениями» [там же: 233], т.е. в том, что на смену психологическому опосредованию значений в наглядных образах и представлениях приходит их связь с конвенциональными понятиями. В духе Л.С. Выготского, согласно которому в слове воедино «слиты» общение и обобщение, именно этот психолого-семиотический процесс рассматривается А.М. Шахнаровичем в качестве механизма вербальной социализации ребенка.

Синтаксис в аспекте психолингвистики развития предстает у А.М. Шахнаровича как переход от «голофразы», т.е. однословного предложения, к предикативно расчлененному предложению с формально маркированными синтаксическими отношениями. Развитие синтаксиса в детской речи состоит, по А.М. Шахнаровичу, в столкновении и развитии двух форм синтаксирования – фазического и семантического (Л.С. Выготский). Первое из них соотносится с синтаксическими отношениями и включает в себя систему форм выражения и операции программирования, второе связано с предикативностью (в психологической ее трактовке) и с построением программы высказывания на основе знаний о действительности. Как писал А.М. Шахнарович, «формирование двух типов синтаксирования основывается на развитии деятельности ребенка. Деятельность развивается от манипуляций предметами и неотделения признаков и действий от предметов к предметным действиям («моей» деятельности), а затем к отчуждению себя в предметной деятельности...» [Шахнарович 2001: 348].

Кстати сказать, с точки зрения общей психолингвистики могли бы оказаться эвристически ценными размышления о функционально-генетических отличиях «голофраз» от однословных предложений, закрепленных в синтаксической системе языка.

Исследования детской речи позволили А.М. Шахнаровичу с более конкретных позиций подойти к объяснению природы и структуры языковой способности человека, т.е. того психофизиологического механизма, который обеспечивает овладение и владение языком. Для нужд металингвистической лексикографии А.М. Шахнарович охарактеризовал языковую способность как «систему неосознаваемых правил речевой деятельности, по которым реализуется “индивидуальная система языка” (Л.В. Щерба)», «представляющую собой иерархизированную систему компонентов, служащих интериоризированным обобщенным отражением уровней системы языка» и «реализующуюся по специфическим правилам в соответствии с коммуникативной задачей и деятельностной ситуацией» [Васильева, Виноградов, Шахнарович 1995: 149].

По А.М. Шахнаровичу, языковая способность не является врожденной, биологической предпосылкой нормального овладения языком служит созревание соответствующих структур, но в них не содержатся ни правила языкового поведения, ни знания о языке, поэтому ребенок не рождается с готовыми «глубинными структурами», они формируются у него по мере активной деятельности по овладению окружающим миром, социальной в своей сущности (см. [Шахнарович 2001: 236–245], где дана обстоятельная критика концепции Н. Хомского).

А.М. Шахнарович считал, что ««стержнем» языковой способности является семантический компонент, на основе которого производится выбор элементов всех других компонентов языковой способности и контролируется адекватность этого выбора» [Шахнарович 1985: 28]. Психолингвистический анализ разнообразных фактов

детской речи, полученных как в прямых наблюдениях, так и экспериментальным путем, привел ученого к мысли о том, что семантический компонент «пронизывает» всю схему порождения речи и имеет особые задачи на каждом этапе создания высказывания, а также о том, что семантический компонент задает перформатив, в котором фиксируются несобственно языковые, т.е. интенционально-коммуникативные, характеристики высказывания [там же: 14].

По А.М. Шахнаровичу, «семантический компонент языковой способности берет начало из внешней деятельности и представляет собой результат обобщения и “вращения” действий. При этом, естественно, фоном процесса “вращения” остается языковая форма, черпаемая из опыта общения и “задаваемая” материальной стороной знака. Правила выбора семантически значимых формальных компонентов речевой деятельности определяются значением тех элементов ситуации, которые выделяются в деятельности и закрепляются в виде образов-эталонов» [Шахнарович 1985: 27]. «...образы-эталоны формируют некоторую систему, “фильтр”, “сетку”, через которую пропускается опыт индивида, полученный главным образом в процессе общения» [Шахнарович 2001: 447].

Идея А.М. Шахнаровича об эталонах крайне важна для психолингвистики в наши дни, когда, с одной стороны, представления о семантике становятся все более «размытыми» и все менее операциональными, а с другой стороны, «деавтономизация» значения приводит к его отождествлению с личностными знаниями.

Психолингвистический взгляд на текст как на реализацию в коммуникативном акте структурных компонентов языковой способности дал возможность А.М. Шахнаровичу предположить, что за текстом стоит целая иерархия программ его порождения: внутренних (семантическая, смысловая, когнитивная, пресуппозитивная) и внешних (лексическая, морфологическая, синтаксическая) [Шахнарович 2001: 223–224]. В порождении текста названные программы образуют функциональное единство, обеспечивающее отражение фрагмента объективного мира; в уже созданном тексте иерархия программ преобразована в «поверхностную» структуру текста. При этом языковые средства, использованные для интеграции отрезков текста, для указания на присутствии субъекта речи и т.д., образуют сильные позиции текста как превращенной формы, концентрированно отображающие взаимодействие внешних и внутренних программ.

А.М. Шахнаровичу принадлежит также мысль о том, что «развернутый текст коммуникативного акта содержит в себе в “снятом” виде всю историю онтогенетического формирования языковой способности» [Шахнарович 2004: 37]. Поэтому вполне объяснима его идея о том, что в смысловом плане любой текст представляет собой «голофразу» [Шахнарович 2001: 681]. По-видимому, это самое точное объяснение целостности текста, намеченное еще у Л.С. Выготского. Проекция текста в онтогенез речи может служить также объяснительной процедурой для внутренней речи, для эмпирических «сдвигов» в осуществлении речевых действий и т.д.

Важно отметить, что психолингвистическая концепция А.М. Шахнаровича, о которой в настоящей статье удалось рассказать только в самом общем плане и не вдаваясь в весьма значимые детали, имеет огромное прикладное значение. В этом не раз убеждались те лингвисты и лингводидакты, которым приходилось строить модели обучения родной и иноязычной речи и, что самое главное, проверять их в эксперимен-

тальном плане [Арушанова, Рычагова, Сигал, Юрьева 2014; Мощинская 2001: 692]. Многие идеи А.М. Шахнаровича могли бы получить новый импульс теоретического развития в современной психолингвистике. В частности, здесь имеется в виду идея семантического компонента языковой способности в ее применении не только к устной речи, которой неизбежно ограничивается сфера наблюдений при анализе речи в дошкольном детстве, но и к письменной речи.

Литература

Арушанова А.Г., Рычагова Е.С., Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Проблемы развития речи в психолингвистическом и лингводидактическом освещении / А.Г. Арушанова, Е.С. Рычагова, К.Я. Сигал, Н.М. Юрьева. – М.: Ключ-С, 2014. – 341 с.

Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов / Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.М. Шахнарович. – М.: Русский язык, 1995. – 175 с.

Кубрякова Е.С. Из воспоминаний об А.М. Шахнаровиче / Е.С. Кубрякова // Шахнарович А.М. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. – М.: Гуманитарий, 2001. – С. 686–687.

Леонтьев А.А. О Саше Шахнаровиче / А.А. Леонтьев // Шахнарович А.М. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. – М.: Гуманитарий, 2001(а). – С. 5–6.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. – М.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001(б). – 448 с.

Мощинская Н.В. Методика: поиски путей / Н.В. Мощинская // Шахнарович А.М. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. – М.: Гуманитарий, 2001. – С. 691–694.

Сигал К.Я. Лингвистический эксперимент как дискурс / К.Я. Сигал // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Материалы II Международной научной конференции. Ч. I. – М.: МГЛУ, 2014. – С. 127–129.

Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях / К.Я. Сигал, Н.М. Юрьева. – М.: Ключ-С, 2009. – 240 с.

Шахнарович А.М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования / А.М. Шахнарович // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С. 129–134.

Шахнарович А.М. Семантика детской речи. Психолингвистический анализ. Автореферат дис. ... докт. филол. наук / А.М. Шахнарович. – М.: ИЯз АН СССР, 1985. – 40 с.

Шахнарович А.М. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников / А.М. Шахнарович. – М.: Гуманитарий, 2001. – 727 с.

Шахнарович А.М. Избранные статьи / А.М. Шахнарович // Проблемы экспериментальной лингвистики и онтогенеза речи: К 60-летию А.М. Шахнаровича. – М.: Гуманитарий, 2004. – С. 9–42.

Шахнарович А.М. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе / А.М. Шахнарович // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. 2-е изд. – М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 148–233.

А.М. Шахнарович

УДК 81'23

СЕМАНТИКА В ОНТОГЕНЕЗЕ РЕЧИ

В статье рассмотрены спорные и нерешенные проблемы психолингвистической теории семантики, показаны истоки семантики в онтогенезе речи и когнитивные механизмы текста как инструмента общения.

Ключевые слова: семантика, онтогенез речи, текст как инструмент общения.

Aleksandr M. Shakhnarovitch

SEMANTICS IN THE ONTOGENESIS OF SPEECH

In the paper, some disputable and unresolved problems of the psycholinguistic theory of semantics are considered. Besides, the sources of semantics in the ontogenesis of speech and the cognitive mechanisms of text as a means of communication are presented here.

Keywords: semantics, the ontogenesis of speech, text as a means of communication.

В известном тезисе Л.С. Выготского о слове как единстве обобщения и общения, коммуникации и мышления заложены основы психолингвистического исследования проблемы значения – и не только слова, но и языковых единиц более высоких уровней [Выготский 1982]. Каждая из значимых единиц языка имеет два аспекта: коммуникативный и когнитивный. В зависимости от условий коммуникации, от коммуникативных задач, от структуры текста, участвующего в коммуникативном акте, и ряда других обстоятельств коммуникативные и когнитивные аспекты языковых единиц выступают на ведущем или фоновом уровне [Бернштейн 1990]. Структуры передаваемых в акте коммуникации задач (когнитивные содержания) небезразличны к структурам сообщений, языковых форм, в которых эти знания (содержания) чередуются.

Современные функциональные представления грамматики предлагают изучение грамматических форм «от функции», т.е. в связи с выполняемой этими формами ролями в реализации коммуникативного намерения. Семантические проблемы в функционально-грамматическом плане могут быть решены только с учетом того обстоятельства, что между реальной действительностью и отражающим эту действительность языковым выражением находится сознание человека, формирующее когнитивные содержания. Деятельность сознания по отражению тех компонентов ситуации, которые должны быть выражены языковыми средствами, в известной мере определена индивидуальной классифицирующей системой (иначе – системой эталонов), складывающейся в процессе онтогенетического развития индивида и имеет, видимо, «надязыковой» характер.

Эволюция системы эталонов по мере онтогенетического развития предполагают разное представление языкового значения: наглядно-образное, предметное, операциональное, понятийное [Выготский 1982].

Эти способы представления языкового значения не исчезают по мере расширения знаний о предметном мире и увеличения опыта, но определяют реализацию языковых функций в разных по когнитивной и коммуникативной сложности ситуациях общения.

Формирование индивидуальной классифицирующей системы, функционирование значения в этой системе, репрезентация того или иного вида значения в реальных языковых формах в зависимости от выполняемого ими коммуникативного задания и составляют проблематику психолингвистического исследования значения.

Подойти к анализу внутренней организации речевой деятельности можно с разных сторон и посредством разных методов. Однако, как показала практика психолингвистических исследований, оптимальным является анализ процессов становления и развития речевой деятельности в онтогенезе. Объясняется это тем, что в онтогенезе скрытые от прямого наблюдения и автоматизированно, свернуто протекающие процессы оказываются расчленены, развернуты, представлены в деавтоматизированном виде, а поэтому легко наблюдаются. Простота наблюдения этих процессов и сравнительная простота фиксации явлений детской речи давно привлекали к ней внимание исследователей разных областей знания. При этом всем казалось, что то, что просто увидеть, просто и объяснить. Каждый, у кого были дети, как ему представляется, может объяснить, почему то или иное явление языка возникает вслед за другим явлением или предшествует ему, каковы закономерности появления того или иного феномена детской речи. Между тем, как следует из психолингвистического анализа развития речи, онтогенез мыслеречедеятельности – это сложный процесс со множеством разнообразных и противоречивых линий развития, в котором пересекаются общепсихическое и, безусловно, когнитивное развитие ребенка.

Нет необходимости упоминать о том, что развитие речи вызывает к жизни развитие множества психических функций, взаимодействующих с речью и вступающих в сложные отношения между собой.

Все сказанное дает основания считать, что столь сложный феномен, как детская речь, заслуживает специального рассмотрения в аспекте проявления внутренних закономерностей строения и протекания мыслеречедеятельности. Надо отметить еще один важный момент. Он заключается в том, что детская речь при ее изучении психолингвистическими методами дает возможность увидеть, как строится очень сложный и неясный до настоящего времени процесс овладения языком.

Процесс формирования мыслеречедеятельности в онтогенезе рассматривается как развитие, в частности, связей между языковыми знаками и действительностью. Эти связи проявляются по мере качественного изменения познавательных способностей ребенка, по мере усложнения (и расширения) круга коммуникативных ситуаций и предметной деятельности, которая обслуживается общением. Совершенствование названных связей – центральный процесс развития речи, неотделимый от общепсихического развития.

С одной стороны, анализ генезиса речевой деятельности, языковой способности человека – это анализ процессов и механизмов соотношения коммуникативных и когнитивных структур, соотношения речемыслительной и предметно-

практической деятельности и т.п. С другой стороны, это анализ самих языковых единиц, потому что значение – центральная категория онтогенеза речи и мышления, и понимание генезиса значения является одним из условий выявления внутренних закономерностей становления и развития языковой способности человека.

Среди множества идей о рассматриваемом предмете, имеющих в работах Л.С. Выготского, принципиальными являются, на наш взгляд, следующие. Во-первых, представление о речевой деятельности как о деятельности знаковой. Во-вторых, подход к развитию речи как к процессу, непосредственным образом связанному с общепсихическим развитием, с практической деятельностью, с формированием социальных норм поведения. В-третьих, положение о том, что развитие знакового обозначения в речевой деятельности по своей сути есть результат обобщения посредством языкового знака. В-четвертых, утверждение, что все, принадлежащее системе высших психических функций, сначала было экстерииоризовано и «поделено» между двумя людьми [Выготский 1983].

Значение является своего рода способом закрепления опыта употребления данного предмета или знака в общественной практике. Поэтому для каждого индивида значение объективно (= интерсубъективно). Вслед за А.А. Леонтьевым мы считаем, что усвоение значения является определяющим способом опосредования индивидуального поведения общественным опытом [Леонтьев 1974].

Генеральной линией развития речи является обобщение языковых явлений на основе развития социальной по природе практической деятельности детей. На каждом этапе развития обобщение характеризуется некоторыми особенностями, определяемыми характером обобщаемого материала, уровнем развития предметных действий и способом обобщения (наглядное представление – общий образ – понятие).

Согласно некоторым теориям [McNeill 1970; Хомский 1972], формирование функциональных структур речевого поведения в процессе развития ребенка – это реализация заложенной генетически, врожденной программы. Однако существуют и другие точки зрения, согласно которым детерминизм развития высших психических функций отражается в речи ребенка и его практических действиях [Человеческий фактор в языке 1991]. Изложенные выше теоретические положения приводят к пониманию того, что за овладением всеми уровнями системы языка стоят предметно-практические действия, реализуемые в деятельности общения. Практическая деятельность детерминирует овладение языковой системой так же, как функционирование системы языка детерминирует ее значения.

По мнению Дж. Брунера, язык представляет собой «специализированное и конвенционализированное развитие кооперативного действия» и усваивается как «инструмент для регуляции совместной деятельности и совместного внимания» [Брунер 1984: 76]. Как показывают многочисленные наблюдения, уже с первых дней жизни младенца находящегося в контакте с ним взрослые имеют тенденцию интерпретировать первые внешние формы поведения ребенка (плач, двигательную активность и др.) как некоторые сигналы, производимые интенционально и направленные на достижение конкретной цели. Проявления определенных физиологических состояний воспринимаются взрослыми как целенаправленные коммуникативные действия, что находит свое выражение в том, что взрослые обращаются с

речью к младенцам, находящимся на доречевом этапе развития, столь же часто и в таком же объеме, как и к детям, владеющим речью.

Как показали исследования онтогенеза речи, коммуникативные номинации и когнитивные содержания развиваются раздельно, но в тесной взаимосвязи. Когнитивные структуры функционально нужны главным образом для передачи знания, что возможно только в акте общения. Вступление в отношения общения требуют совпадения двух типов структур: языковой способности и когниции. По мере того как индивид развивается, коммуникативные единицы и когнитивные содержания вступают во взаимодействие, являясь основанием новых психических содержаний, появляющихся с развитием речи.

Результаты когнитивных процессов и наименований явлений и предметов окружающего мира с целью передачи в акте коммуникации фиксируются в эталонах, определяющих компоненты языковой способности.

Первый этап овладения языком заканчивается у ребенка к тому моменту, когда он научается использовать некоторое количество лексического и грамматического материала в коммуникативных целях в практической (игровой) деятельности. Разделение практической деятельности на этапы в значительной степени, разумеется, условно, поскольку протекает она непрерывно. Однако определенные этапы развития познавательных процессов все же позволяют проводить подобное разделение, основанием для чего является, на наш взгляд, последовательное расширение когнитивного пространства, в котором осуществляется деятельность ребенка, а также формирование и развитие на каждом этапе новых личностных языковых систем, которые характеризуются появлением новых систем языковых эталонов.

На первом этапе развития языковой способности происходит образование эталонов, обеспечивающих ребенку использование языка в каждодневной деятельности. Речь на этом этапе, подчеркнем еще раз, крайне ситуативна и не может существовать помимо конкретно-предметной ситуации.

На втором этапе развития языковой способности происходит переход на иной уровень: языковые средства отделяются от конкретных предметов, частей ситуации, от непосредственно воспринимаемого хода вещей и начинают употребляться для обозначения ситуаций, не совпадающих с осью «я – ты – здесь – сейчас».

Инвентарь эталонов, характеризующих второй этап, включает в себя системы эталонов, обеспечивающих переход от ситуативности к внеситуативности речи, эталоны дейксиса, локально-темпоральных отношений и др. Они формируются, по-видимому, путем образования понятийных категорий, служащих ядром, вокруг которого группируются разноуровневые языковые средства выражения этих категорий.

В это время происходит не только появление новых систем эталонов, но и существенное расширение уже сформированных, например, системы эталонов на восприятие предлогов, а также флексий и других аффиксов. Языковое развитие на данном этапе проходит в такой же последовательности, что и на первом этапе, однако речь выступает уже не просто в виде «инструмента». Выход в пространственно-временной мир, удаление от ситуации общения, осознание себя частью этого мира, ориентирование в нем завершает наглядно-действенный период овладения языком. Язык становится мощным средством, фокусирующим когнитивные процессы, под-

готовящая последующие этапы познавательного развития.

Второй этап развития языковой способности, скорее всего, является универсальным и обязательным в развитии любого ребенка в любом обществе и подготавливает выход в следующее когнитивное пространство – социально-коммуникативное.

В онтогенезе речи выход в социально-коммуникативное пространство происходит в результате развития опыта речевого общения ребенка в социуме и определяется частотой его контактов с различными коммуникантами в ситуациях, отмеченных самыми разными социальными параметрами.

Как и на предыдущих этапах, выход в новое социально-коммуникативное пространство сопровождается модификацией, расширением имеющихся систем эталонов и появлением новых. К их числу относятся типологизация ситуаций общения, осознание конвенциональных языковых форм для каждого типа ситуаций, вычленение их параметров, соотнесение языковых форм с определенным выбором таких параметров, выявление взаимоотношений параметров, преобладание одних над другими и т.п. На этом этапе развития языковой способности ребенок приобретает статус языковой личности, усваивая правила и нормы языкового поведения, т.е. адекватного речевого поведения в типовых ситуациях общения.

При некотором сходстве отдельных черт развития языковой способности на каждом этапе следует отметить и существенные отличия. Прежде всего это жесткая зависимость развития языковой способности от успешности познавательной деятельности ребенка. На каждом этапе доминирующей в развитии языковой способности выступает какой-то один вид деятельности, который, впрочем, играет значительную роль и на последующих этапах, но где он выступает уже в роли фонового, вспомогательного средства.

Так, на первом этапе преобладает предметно-практическая деятельность. Отсюда – ситуативность речи, ее «инструментальный» характер. На втором этапе наряду с предметной деятельностью на развитие речи оказывает влияние когнитивная деятельность. Мыслительное творчество, развитие памяти и воображения позволяют речи быть уже не столько инструментом практической деятельности, сколько средством или даже мотивом для нее. На третьем этапе решающая роль в развитии языковой способности принадлежит коммуникативной деятельности, поставляющей материал для обобщений, анализа и усвоения норм социально-вербального поведения.

Краткое рассмотрение основных путей формирования языковой способности человека приводит нас к выводу об органическом соединении процессов познания и коммуникации.

Любой интимный психолингвистический процесс не может не найти некоторого внешнего проявления, не может не иметь результатом некоторой совокупности действий. Не принципиально, какие это действия – речевые или предметно-практические. К речевым можно отнести действия по построению текста как результата мыслеречедеятельности и одновременно ее инструмента в ситуациях общения.

Специфической особенностью развития средств общения в онтогенезе является переход от целостных, нерасчлененных средств кодирования ситуации ко все

более аналитическим [Человеческий фактор в языке 1991]. Это можно проследить при анализе семантических изменений при переходе от однословных высказываний к многословным. На этапе однословных высказываний «голофраза» фиксирует всю ситуацию, в которой реализуется коммуникативный акт целиком. Однословное высказывание ребенка может рассматриваться как своеобразный текст, синкретически включающий в себя все необходимые компоненты коммуникативного акта как потенциальные возможности. Ср. у Л.С. Выготского: «первичное слово... – это, скорее, образ, скорее, картина, умственный рисунок понятия, маленькое повествование о нем. Оно – ... художественное произведение» [Выготский 1983: 67].

В процессе перехода к многословным высказываниям «репертуар» коммуникативных возможностей речевой деятельности расширяется. Речевая деятельность начинает осуществляться конвенциональными, символическими средствами языковой системы. В основе этого процесса лежит изменение когнитивных структур, опосредующих деятельность индивида, что связано с развитием формально-логического мышления. В результате в текстах как средствах коммуникативного взаимодействия эксплицитно представлены как компоненты языковой способности, так и когнитивные структуры. Вместе с тем развернутый текст коммуникативного акта содержит в «снятом» виде всю историю онтогенетического формирования языковой способности.

В плане обсуждаемой проблемы интерес представляет выделение тех компонентов языковой способности и когнитивных структур, которые связаны с реализацией в коммуникативном акте единиц, обеспечивающих одновременно целостность содержательной структуры текста и аналитическую расчлененность стоящей за текстом реальности. Оба эти компонента в конкретных коммуникативных актах неразрывно связаны, что и обеспечивает нормальное протекание общения посредством речевой деятельности, продуктом которой является текст.

Одновременно текст служит коммуникативным средством реализации целостности содержательной стороны когнитивных структур. По своей семантике текст восходит к «голофразе» детской речи, содержит в себе всю «картину» ситуации общения в ее единстве и нерасчлененности. Когнитивным механизмом, который лежит в основе порождения текста, является актуально-семантический аспект речевого поведения. Когнитивной единицей процесса общения служит образ, или эталон. При порождении текста коммуникативного акта он расчленяется на составляющие элементы с помощью имеющихся у коммуникантов языковых средств, а при восприятии текста – реконструируются.

По мнению У. Чейфа, «четко определенной или автономной семантической структуры, лежащей в основе речи (или предложения), не может существовать. Речь – это творческий процесс, посредством которого лежащее в ее основе знание... выкристаллизовывается в пропозиционные и языковые структуры» [Чейф 1975: 72].

Все вышеизложенное позволяет соотнести коммуникативный аспект с прагматическим компонентом текста, а когнитивный аспект – с семантическим. Однако неоднозначность и нестабильность этих компонентов даже в рамках одного и того же текста в разных ситуациях его употребления делает необходимым введение понятий смысла и значения текста. Смысл определяется отношениями адресата / адресанта и текста, а значение – действительности и текста. Тогда можно предполо-

жить, что значение текста корреспондирует с понятием когнитивного компонента, а смысл текста – с понятием коммуникативно обусловленной семантической структуры текста. Вместе эти компоненты составляют «глубинную» структуру текста. «Поверхностная» же структура текста воспринимается непосредственно и служит своего рода «ключом» к «глубинной».

В системе отношений «адресант – текст – адресат» взаимодействуют и «сталкиваются» несколько программ, которые реализуются в самом тексте как продукте речевой деятельности. Формирование и реализация этих программ определяют и «внешнюю» по отношению к адресату структуру текста, и его «внутреннюю» структуру. Эти программы относятся к разным сферам и составляют иерархию. К внутренним программам можно отнести семантическую, смысловую, когнитивную, пресуппозитивную программы. Внешними являются лексическая, морфологическая и синтаксическая программы. Однако в действительности все эти программы находятся в тесном взаимодействии и могут быть разделены только для целей анализа.

Семантическая программа предусматривает специальную работу сознания по анализу действительности. Она завершается выбором компонентов объективного мира с целью последующего их обозначения языковыми средствами. Одной из ее задач является выстраивание некоторой семантической перспективы текста, его семантических «вех».

Смысловая программа вторична по отношению к семантической. Она определяет смысловую структуру текста и базируется на отношении «адресант – текст».

Когнитивная программа, определяющая когнитивную структуру текста, базируется на картине мира в сознании адресанта и ориентирована на подобную картину мира в сознании адресата. Данная программа опирается на функционирование системы когнитивных эталонов, которые определяют квалификацию и отбор элементов действительности, их оценку и приписывание им атрибутивных признаков. Тесно связанная с когнитивной пресуппозитивная программа, основываясь на уже выстроенной цепочке отобранных элементов ситуации, служит для их организации в тексте.

Таким образом, текст в психолингвистическом аспекте может быть представлен как продукт и средство реализации коммуникативной задачи, возникающей одновременно перед обоими участниками коммуникативного акта – адресантом (автором) и адресатом (реципиентом). У каждого из них формируются собственные прагматические установки: у первого – на адекватную передачу информации, у второго – на адекватное ее понимание. «Столкновение» этих установок определяет содержательную структуру текста и иерархию тех компонентов, которые составляют эту структуру, делая текст инструментом коммуникации.

Литература

Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность / Н.А. Бернштейн. – М.: Наука, 1990. – 395 с.

Брунер Дж. Онтогенез речевых актов / Дж. Брунер // Психолингвистика. – М.: Прогресс, 1984. – С. 21–49.

Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собр. соч. в 6-ти тт. Т. II. – М., 1982. – С. 5–361.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций / Л.С. Выготский // Собр. соч. в 6-ти тт. Т. III. – М., 1983. – С. 18–297.

Леонтьев А.А. Формы существования значения / А.А. Леонтьев // Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. – С. 5–20.

Леонтьев А.А. Исследование детской речи / А.А. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С. 312–317.

Хомский Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 121 с.

Чейф У. Значение и структура языка / У. Чейф. – М.: Прогресс, 1975. – 431 с.

Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.

McNeill D. The acquisition of language / D. McNeill. – N.Y.: Harper & Row, 1970. – 234 p.

Е.Ф. Тарасов

УДК 81'23

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ¹

Автор делает попытку очертить методологические основания для исследования проблем языкового сознания. В качестве такого основания он предлагает общепсихологическую теорию деятельности А.Н. Леонтьева, в структуре которой разработано представление о чувственном познании и собственно опознании, объясняющем чувственный образ. Теория языкового сознания строится для нужд объяснения процессов перехода от чувственного образа и образа сознания к их речевому овнешнению.

Ключевые слова: методологические основания общепсихологическая теория деятельности, чувственный образ, образ сознания, производство и восприятие речи.

Evgeny F. Tarasov

THE PROLEGOMENA TO THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS THEORY

The author attempts to clarify the methodological grounds for the language consciousness studies for which the author proposes A. Leont'ev general psychological activity theory. This theory develops the concept of sense cognition and the concept of recognition per se, explaining the sense image. The language consciousness theory is developed to explain the processes of transition from a sense image and a consciousness image to the speech utterance.

Keywords: methodological grounds, general psychological activity theory, sense image, consciousness image, speech generation and perception.

Проблема сознания – это многоаспектная проблема, решаемая как в философии, так и в рамках позитивных наук и имеющая, без всякого преувеличения, самую обширную литературу. Поэтому целесообразно с самого начала обозначить, что можно и чего нельзя ожидать от этой конкретной статьи. Намеренно отказываясь даже от простого перечисления тем, входящих в предметную область теории языкового сознания, постараемся только указать, какие аспекты проблемы сознания стали объектом анализа в нашей статье. Нас, в первую очередь и почти исключительно, интересуют проблемы языкового и неязыкового сознания.

Мы исходим из того, что сознание включено в познавательную активность людей, которая начинается с *процесса восприятия*, приводящего к конструирова-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 14-04-12021в «Информационно-исследовательская база современного русского языка по материалам словаря-справочника "Общечеловеческие ценности в русском языковом сознании"», а также гранта Президента РФ «Научная школа "Русская языковая личность: динамика этнокультурного языкового сознания (конец XX – начало XX века)"» № 5740.2014.6, 2014-2015 гг.

нию *чувственного образа* объекта восприятия, и продолжается *процессом сознания*, где *чувственный образ* становится *объектом рефлексии субъекта* познания и объясняется при помощи *культурных предметов*, специально созданных человеком в качестве инструментов познания и функционирующих как знаки (как квазипредметы), и которые являются средством выхода за пределы *чувственного познания* в мир, созданный *человеком*.

В качестве знаков, обслуживающих сознание, используются также и языковые знаки, которые суть *средства оречевления* как *чувственных образов*, так и *собственно образов сознания*.

На философском уровне исследования проблемы сознания целесообразно исходить из теории, трактующей сознание как *идеальную реальность*, которая является образом феноменологической реальности, соответствующей положению вещей в мире.

Отечественная школа психологии сознания (Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, М.К. Мамардашвили, С.Л. Рубинштейн и др.) исходит из того, что сознание – это идеальное знание, существующее *до* и *вне* отдельного индивида, конструируемое в деятельности членов социума в виде предметной культуры, идеальной формой которой является само сознание. Кроме того, сознание – это идеальный феномен, «живущий» за пределами нашего мозга, хотя для функционирования сознания необходим действующий мозг. Анализ функций мозга и его нейронного строения не приближает исследователя к пониманию сознания, т.к., по остроумному замечанию В.П. Зинченко, «мозг – такая же загадка и тайна, как и сознание, но это разные тайны, а не одна» [Зинченко 2009: 892]².

Объектом нашего исследования являются процессы производства речи, когда *чувственные образы* или объясняющие их *образы сознания* оречевляются при помощи языковых знаков, и процессы восприятия речи, когда образы языкового сознания, формируемые реципиентом в процессе восприятия тел языковых знаков, позволяют сконструировать чувственные образы или образы сознания, отображающие в сознании реципиента реальное положение дел в мире.

Предметная область *языкового и неязыкового сознания* очерчивает активность исследователя по установлению отношений между сенсорными признаками предметов, чувственными образами и объясняющими их образами сознания, с одной стороны, и языковыми знаками и их значениями, с другой стороны.

Анализ работ по психологии сознания легко приводит к мысли, что деятельностный подход к исследованию сознания не знает альтернатив, в частности, для решения проблем вербальной объективации образов сознания.

Центральное место в деятельностном подходе к исследованию сознания занимает принцип предметности, развитый прежде всего в работах А.Н. Леонтьева. Согласно этому принципу деятельность является предметной, если она на-

---

² А. Ревонсуо, автор интегративного обзора основных ныне существующих теорий сознания, относит подобные представления о сознании к теориям виртуальной реальности, которые соответствуют «наивно-реалистичной концепции мира», составляющей содержание образа мира профанных носителей культуры, являющихся, однако, реальными создателями сознания социума, для членов которого содержание сознания локализуется не в мозге, а там, где им кажется, т.е. на поверхности реально воспринимаемых предметов [Ревонсуо 2013: 226].

правлена на предмет в жизненных отношениях человека. Принцип предметности А.Н. Леонтьев распространял не только на восприятие, но и на потребностную и эмоционально-чувственную сферы: «Предметная деятельность порождает не только предметный характер образов, но также предметность потребностей, эмоций и чувств» [Леонтьев 1977: 89].

Локализация образов восприятия и, шире, локализация всей психики во внешней практической деятельности устраняет необходимость относить изучение различных мозговых процессов к области изучения сознания и психики в целом. Более того, психика, помещенная в пространство реальных отношений человека с внешним предметным миром, делает возможным и необходимым изучение психики (сознания) «через анализ реальной предметной деятельности, т.е. процессов духовно-практического освоения человеком окружающего его мира» [Стеценко 2005: 187].

В кратком виде принцип предметности в теории деятельности А.Н. Леонтьева схватывает три момента: «1) связь деятельности и идущих вслед процессов психического отражения (познавательных и эмоциональных) с предметами внешнего мира, направленность этих процессов на внешний мир, на предметы, “вынесенные” вовне; 2) субъективная отнесенность продуктов и результатов психического отражения к предметам внешнего мира, их субъективная “вынесенность” вовне, за пределы воспринимающих органов; 3) возможность построения на основе предметной деятельности образов целостных предметов» [Стеценко 2005: 183].

Иначе говоря, психическое отражение порождается не самими чувственно воспринимаемыми предметами, а, во-первых, оно порождается при построении чувственного образа сенсорными и перцептивными эталонами, выработанными в человеческой общественной практике, и, во-вторых, при построении образа сознания, который объясняет чувственный образ, порождается опять же предметами, созданными в ходе общественной, практической деятельности и несущими форму, в которой застыла практическая деятельность людей по их изготовлению. А.П. Стеценко, одна из лучших учениц А.Н. Леонтьева, делает из принципа предметности еще два важных вывода. Первый вывод касается понимания предмета как формы фиксации общественно-исторического опыта человечества: «Если объект может быть рассмотрен как любой элемент, “момент” действительности, характеризующийся пространственно-временной, физической определенностью, то под предметом в собственном смысле слова следует понимать форму фиксации общественно-исторического опыта человечества. Предмет, выступая как носитель такого опыта, воплощает в себе определенный аспект человеческой общественной практики и представляет собой форму функционирования физически определенной вещи в процессах определенной жизнедеятельности людей. Сущность предмета, функционирующего в социальном процессе, конституирует не его физические свойства, а определенные, познанные в процессах коллективной (“общественно-человеческой”, по выражению Э.В. Ильенкова [1979]) деятельности связи и отношения, стоящая за ним, “осевшая” на нем деятельность» [Стеценко 2005: 184-185]. Второй вывод из принципа предметности, который делает А.П. Стеценко, состоит в том, «что образ того или иного воздействия относится субъектом к внешнему миру, воспринимается им как “вынесенный” вовне, в том, что он (образ), как и вся

психика в целом, *действительно разворачивается вовне*, действительно принадлежит не “внутреннему миру” субъекта, а объективному предметному внешнему миру». И поэтому, по ее мнению, для исследования сознания существует возможность изучать сознание и всю психику в целом при помощи анализа предметной деятельности, в которой осуществляется духовно-практическое освоение мира.

Далее А.П. Стеценко придает этому выводу еще более радикальную форму: «...деятельность “внутренняя” отличается от деятельности “внешней”, но она не есть нечто другое, она есть та же самая “внешняя” деятельность, только обладающая рядом особых характеристик» [Стеценко 2005: 187].

Мысль о возможности изучать сознание при помощи анализа культурных предметов, созданных в практической деятельности, восходит к работам Карла Маркса [Мамардашвили 1968] и хорошо обоснована В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили в их знаменитой статье «Проблема объективного метода в психологии»: «К мысли о том, что субъективность есть реальность, независимая от познания ее, от того, где, когда и кем она познается, приводят и опыт истории культуры, наблюдения крупных эпох истории человеческого сознания. Например, уже экскурсы психоанализа Фрейда в древние мифологические системы культуры показывали, что тысячелетиями существовавшая картина предметов и существ воображаемой сверхчувственной реальности, ритуально инсценируемых на человеческом материале и поведении, может быть переведена анализом в термины метапсихологии. Точнее она может быть переведена в термины знания механизмов воспроизводства и регуляции сознательной жизни, опосредуемого в данном случае принудительным для человека действием особых, чувственно-сверхчувственных, как назвал бы их Маркс, предметов. А отсюда и возможность рассматривать последние, наоборот, как объективированную проекцию первых, как вынесенные в реальность перевоплощения их практического функционирования. Это, так сказать, психология без “я”, сознание реальной жизни, обходящейся без психологически субъектного объединения в единстве “я”, в персонифицированном агенте действий и состояний. Но за этим языком предметов стоит инвариантное относительно любого языка действие представлений, субъективности (в том числе так называемой “бессознательной”) – того же рода, что и за языком инстанции “я”, который есть лишь частный (и поздний) исторический продукт, лишь одна из психологий, а не Психология как таковая, с большой буквы. Более того, это как бы самой историей проделанная абстракция, выделение процессов в чистом виде, позволяющее нам узнавать и анализировать функционирование субъективности по предметам внешнего субъекту мира, если, конечно, не считать их просто фантазиями и заблуждениями относительно известного нам строения этого мира» [Зинченко, Мамардашвили 1977: 115]. Самое главное следствие из мысли о внешней культурной обусловленности сознания состоит в возможности «анализировать функционирование субъективности по предметам внешнего субъекту мира».

Содержание внутренних образов сознания, отображающих объективную реальность в форме субъективной идеальной реальности, составляет знание о культурных предметах (попавших в поле восприятия), которое может быть сформировано двояким путем: во-первых, при анализе внутренних образов, т.е. при анализе субъективной, идеальной реальности, если она овнешнена (объективирована), а

во-вторых, при анализе самих культурных предметов, т.е. при анализе объективной реальности. Фактором, нарушающим эквивалентность подходов к анализу сознания как через анализ объективной, так через анализ субъективной, идеальной реальности, является различие когнитивной вооруженности субъектов восприятия в рамках обоих подходов, т.к. познание объектов зависит не от самих объектов, а от познавательных средств в виде образов сознания, объясняющих результаты чувственного восприятия.

Таким образом, внешний по отношению к субъекту деятельностно освоенный мир есть предметная экстрацеребральная форма сознания, детерминирующая при ее восприятии внутреннюю, образную форму сознания. Следовательно, предметный мир, деятельностно освоенный и ставший после этого средством порождения образов сознания, превращается при исследовании этих образов в инструмент анализа сознания «по предметам внешнего субъекту мира».

Исследование сознания – это, вероятно, самая трудная задача, которая может стоять перед аналитиком. Многоаспектность проявления сознания требует от исследователя, в первую очередь, методологической определенности, т.е. достаточно развитой рефлексии над постулатами и правилами анализа как теории исследуемого объекта, так и многообразной феноменологии, в форме которой сознание предстает аналитику. Именно отсутствием такой методологической грамотности грешат многие лингвистические работы, исследующие соотношение языка и (со)знания, в которых содержание методологического уровня анализа обычно сводится к указанию на бинарную оппозицию сознания и бытия, традиционно формируемую в философии, а затем такое исследование сразу же переходит на эмпирический уровень минуя уровень построения теории³.

Дальнейшее изложение проблем теории языкового сознания целесообразно предварить указанием на ту методологическую парадигму, на которую ориентирована наша попытка построения теории языкового сознания. Деятельностная парадигма, которая, впрочем, является методологией большинства теорий сознания, по крайней мере, в отечественной психологии обычно называется деятельностным подходом. Эпистемологические свойства деятельностного подхода в явной форме схвачены в названии деятельностного объяснительного принципа (ДОП). Эти эпистемологические свойства могут быть представлены в следующих постулатах:

- деятельность имеет статус онтологии, в соответствии с которой мир состоит из *человека-субъекта* и окружающей его действительности, противостоящей ему в качестве объекта его деятельности;
- деятельность имеет две формы существования: деятельность как процесс и деятельность как продукт, *в форме* которого застыла (опредметилась) процессуальная форма деятельности;

---

³ В качестве наиболее известного примера такого методологически некорректного анализа проблем производства и восприятия речи, т.е. проблем языкового сознания, следует указать на творчество Н. Хомского и на его многочисленных последователей, экспериментальные попытки которых доказать психологическую реальность трансформационной грамматики Н. Хомского представляют собой попытки верифицировать логическое исчисление (т.е. трансформационную грамматику) в эксперименте, минуя теории среднего уровня, которые только и могут быть верифицированы экспериментально (подробнее см. [Тарасов 1987: 48-68; Фрумкина 1980: 21]).

- деятельность развертывается между двумя полюсами: между опредмечиванием и распредмечиванием, опредмечивание – это процесс перевода знаний об операциях – способах осуществления действий, которые развертываются в процессе деятельности, переходят в форму предмета-продукта и застывают в нем (опредмечиваются); распредмечивание какого-либо предмета-продукта – это процесс перевода знаний о свойствах предмета-продукта в свойства операций действий, аналогичных тем, в результате которых возник распредмечиваемый предмет-продукт;
- в рамках деятельностного объяснительного принципа не действительность детерминирует сознание, а сознание конструирует онтологию, наделяя мир теми свойствами, которые заданы самой деятельностью; отсюда следует вывод, что деятельность задает позицию, с которой следует анализировать (познавать) действительность) [Бажанов 2009: 177];
- познавательная активность (восприятие и собственно сознание) осуществляется в структуре предметной деятельности, последняя подчинена целям и мотивам субъекта, лежащим за пределами самой деятельности и детерминирующим для субъекта смысл познаваемых объектов;
- психологическая экспликация деятельности (по А.Н. Леонтьеву) описывается понятиями цели, мотива, средства, смысла, значения, действия как единицы деятельности, операции как способа осуществления деятельности.

Образы неязыкового сознания

Психологи, как уже упоминалось, занимаются исследованием образов неязыкового сознания. В отечественной психологии эти образы подразделяются на первичные и вторичные: первичные образы формируются в процессе восприятия культурных предметов и затем становятся достоянием сознания, вторичные образы – это бывшие первичные образы, используемые в последующих актах восприятия в качестве перцептивных эталонов, т.е. в качестве средств сравнения и опознания новых объектов восприятия.

Любой объект, данный в чувственном восприятии, обладает некоторым набором сенсорных качеств, становящихся целью перцептивных действий, в ходе которых происходит «выделение в объекте признаков, служащих элементами для установления связей и отношений при создании целостного образа» [Запорожец 1986: 138]. В школе А.В. Запорожца было показано, что уже в раннем онтогенезе у ребенка, овладевающего своей этнической культурой, начинает складываться алфавит эталонов сенсорных качеств предметов своей культуры [Запорожец 1986: 110]. Именно этот культурно детерминированный алфавит эталонов сенсорных качеств объектов восприятия делает возможным их *категоризацию* как предметов определенной этнической культуры, этот же самый алфавит превращает конкретную личность в носителя определенной этнической культуры, воспринимающего мир только при помощи алфавита эталонов сенсорных качеств культурных предметов.

При этом важно отметить, что при формировании первичного образа перцептивные действия направлены на сенсорные признаки с целью построения *целостного* образа. В ходе опознания новых объектов при помощи уже сформированных

первичных образов (ставших уже вторичными) перцептивные действия направлены на выявление *отличительных* сенсорных признаков, становящихся средством категоризации.

Для успеха исследования важно уяснить, что эталоны сенсорных качеств воспринимаемого объекта и эталоны перцептивных действий, направленных на обследование этих сенсорных качеств, служат не только *средством познания*, но и одновременно *средством формирования квазипредметной (знаковой) объективации* воспринятого объекта: процесс восприятия завершается, когда из массы сенсорных признаков предмета восприятия *выделяются* и квазипредметно объективируются некоторые сенсорные качества, становящиеся его представителями. Например, образ одного известного ученого-лингвиста 30 годов XX века может быть объективирован в следующих сенсорных признаках (в скобках даны образы сознания, объясняющие чувственные образы): рост 175 см (средний рост), старше 60 лет (почтенный возраст), всегда носит галстук, цвет которого повторяется в цвете костюма (всегда хорошо подобранный галстук), его глаза темнеют, когда речь собеседника ему не нравится (в глазах сверкают inferнальные искры), на лице часто легкая улыбка (всегда дружелюбен), аккуратно подстриженные седые усы с отливом в рыжину (щеточка английских усов), много знает в области лингвистики (лингвист-эрудит), при непосредственном общении ощутимо видна сила влияния его личности (харизматичен), речь спокойная, легко овладевает вниманием любой аудитории, в речи использует легкие шутки, дезориентирующие аудиторию и снижающие уровень критичности восприятия его речи (блестящий оратор), разговаривая с молодыми учеными, содержание речи строит от простого к сложному, общается доброжелательно (ведет себя снисходительно-покровительственно), легко подводит аудиторию к выводу, который она воспринимает как свой собственный (без труда манипулирует любой аудиторией), легко парирует любые возражения (непоколебим в своих убеждениях), успешный ученый, занимает ряд руководящих научных должностей (умелый менеджер в области науки), всегда спокоен (производит впечатление человека, довольного жизнью).

Подчеркнем, что в данном примере мы имеем дело с сенсорными признаками человека, выделенными в качестве средств познания человека, эти же сенсорные признаки, описанные при помощи языковых знаков, что не меняет их сущности, служат телами неязыковых знаков, воспринимаемых визуально, которые указывают на качества этого человека.

Описывая сенсорные признаки воспринимаемых объектов и перцептивные действия с этими признаками, мы подошли к проблеме, имеющей большое значение для понимания *этнокультурной детерминации* языкового и неязыкового сознания.

А.В. Запорожец с сотрудниками [1967], анализируя понятие эталона, или оперативной единицы восприятия, исходил из понимания эталонов восприятия «как определенных орудий, инструментов осуществления перцептивных и опознавательных действий». *Перцептивные действия* разворачиваются для построения первичного образа восприятия путем сведения этих признаков объекта в целостный образ, *опознавательные действия* используются для построения образа воспринимаемого объекта путем отнесения познаваемого объекта к некоторому классу объ-

ектов при помощи эталона, в функции которого служит уже имеющийся вторичный образ. Они отмечают, что построение первичного образа объекта происходит не только путем уподобления *субъекта объекту* («субъект воссоздает с помощью собственных движений и действий некоторое подобие воспринимаемого объекта» [Запорожец 1986: 139-140]), но и уподобление *объекта субъекту* («процесс обнаружения и идентификации опознавательных признаков подчинен не только особенностям и свойствам объекта, а задействованному в том процессе эталону, в котором уже выделены опознавательные критерии» [Запорожец 1986: 140]). Уподобление субъекта объекту осуществляется в виде внешних перцептивных действий, а уподобление объекта субъекту при помощи викарных перцептивных действий⁴.

Из такого понимания перцептивного эталона можно сделать, по крайней мере, два важных вывода: во-первых, перцептивные эталоны, формируемые при восприятии предметов определенной этнической культуры, содержат опознавательные признаки, выделение которых детерминировано деятельностью, практикуемыми конкретным этносом для выживания в ландшафте своего обитания, следовательно, ведущие деятельности этноса определяют этнокультурную специфику чувственного познания; во-вторых, использование перцептивных эталонов как инструментов познания новых объектов – это процесс воспроизводства перцептивных эталонов любого этноса, которые вместе с языковым и неязыковым сознанием определяют этнокультурную специфику видения мира.

Анализ лингвистических работ, исследующих проблему языка и сознания, показывает, что они страдают определенным недостатком: в них не дифференцируется процесс *восприятия* явления реальной действительности, приводящий к построению *чувственного образа* объекта восприятия, и собственно *сознания*, когда субъект познания выходит за пределы чувственного опыта и пытается объяснить сформированный образ при помощи абстрактных знаний, схем, подводящих новый чувственный опыт под уже имеющиеся категориальные знания, ранее созданные или создаваемые сейчас при помощи знаков-предметов или при помощи внутренних образов этих квазипредметов.

Квазипредметы – это предметы, выступающие в качестве тел знаков. Субстанциональные свойства этих предметов являются безразличными для их функции указания на замещаемый ими предмет, поэтому знаки-квазипредметы могут иметь любую субстанцию, если она не препятствует функции указания на другой замещаемый предмет. Квазипредметность – это главная характеристика *средств сознания*, объясняющих чувственный образ, которым завершился процесс восприятия⁵.

---

⁴ Феномен уподобления субъекта объекту (при построении первичного образа) и объекта субъекту (при опознании объекта восприятия с помощью перцептивного эталона), открытый А.В. Запорожцем, позднее будет переосмыслен В.П. Зинченко как субъективация объективного на бытийном уровне сознания (переход познавательного действия в чувственную ткань, т.е. чувственный образ) и на рефлексивном уровне сознания (осмысление значений) и как объективация субъективного на бытийном уровне (испытание формируемого чувственного образа) и на рефлексивном уровне (означивание смысла) [Зинченко 2010: 275].

⁵ Понятие квазипредмета широко используется в теории сознания [Мамардашвили, Пятигорский 1997; Зинченко 2010].

Этап восприятия, не являясь собственно сознанием, есть необходимая предпосылка сознания, т.к. на этапе восприятия субъект познания формирует чувственный образ, отображающий действительное положение вещей и который должен на этапе сознания стать объектом рефлексии и понимания и который объективируется (овнешняется) при помощи знаков, т.е. при помощи квазипредметных образований.

Следует учесть, что в человеческой познавательной практике существуют акты восприятия, которые, завершившись построением чувственного образа, не могут стать объектами сознания из-за отсутствия необходимых знаний и адекватных познавательных процедур. Такие познавательные ситуации возникают постоянно в науке, где организуются как акты восприятия непознанных объектов, так и акты сознания, когда чувственные образы воспринятых объектов объясняются с помощью имеющихся научных знаний.

В современном мире существуют явления, недоступные не только для объяснения (т.е. недоступные для сознания), но даже для адекватного восприятия – это так называемые НЛО.

Известный исследователь НЛО Джозеф Аллен Хайнек так описывает НЛО: «Восприятие объекта или света, видимого в небе или космосе либо над земной поверхностью, феномен, призрак, траектория, общая динамика и характер свечения которого не находят логического, общепринятого объяснения, является тайной не только для очевидцев, но и остается необъясненным даже после пристального изучения всех доступных свидетельств специалистами, способными, если это возможно, идентифицировать явление с точки здравого смысла» [Хайнек 2000].

Отсутствие культурного предмета в качестве сенсорного эталона в современной человеческой цивилизации, при помощи которого можно было бы объяснить и объективировать зафиксированные сенсорные признаки НЛО, вынуждает автора дефиниции описывать не только собственно сенсорные признаки, но и познавательные действия, приводящие непосредственно к построению алфавита сенсорных признаков НЛО.

Различение в процессе познания двух этапов – чувственного познания и собственно сознания с выходом за пределы чувственного опыта – играет существенную роль при анализе проблемы языка и сознания в лингвистике, изучающей оречевление как чувственных образов, так и образов сознания и не усматривающей различия между этими видами оречевления.

Чувственное восприятие «... опирается на основания двоякого рода: “сенсорное” (конstellация ощущений, которые вызываются раздражением чувств) и “интеллектуальное” (форма организации чувственности, предметные значения, предварительное знание о мире). В силу многозначности стимуляции ощущения несут неадекватную или амбивалентную информацию, нуждающуюся в дополнительной обработке. Это достигается с помощью “бессознательных умозаключений” (шире: интерпретации ощущений), базирующихся на индивидуальном и видовом опыте» [Барабанщиков 2006: 25].

Вероятно, интеллектуальная обработка сенсорных данных в форме «бессознательных умозаключений» спровоцировала М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского на утверждение о наличии сознания до сознания.

Однако наличие интеллектуальной обработки сенсорных данных в ходе перцептивных действий еще не делает *процесс восприятия процессом сознания*, предполагающим, как уже упоминалось, развернутую рефлексию, выход за пределы чувственности и закрепление в квазипредметных (знаковых) образованиях знаний, объясняющих чувственный образ.

Прежде чем мы обратимся к анализу чувственного восприятия, укажем в качестве предварительного знания на то, что содержание чувственных образов никогда не является изоморфным отображаемым объектом: содержание деформируется сенсорными эталонами, от него отсекается то, что выходит за пределы сенсорных эталонов, в него привносится содержание из прошлого опыта субъекта восприятия [Барабанщиков 2006: 16].

Процесс восприятия включает в себя следующие элементы: объект восприятия, субъект восприятия, воздействующий при помощи познавательных действий на объект, сенсорные признаки объекта познания, сенсорные эталоны – признаки ранее познанных объектов, которые (признаки) в актуальном акте познания используются для сравнения, перцептивные действия – действия субъекта по сведению сенсорных признаков в целостный образ и опознавательные действия – это действия с целью построения образа путем отнесения познаваемого объекта к некоторому классу объектов на основе критерия совпадения выделенных сенсорных признаков с признаками ранее воспринятых объектов.

Таким образом, в процессе познания целесообразно различать два этапа: процесс восприятия и процесс собственно сознания. Оба процесса культурно обусловлены: процесс восприятия, ведущий к конструированию чувственного образа, культурно детерминирован сенсорным алфавитом, который сформировался в филогенезе и усваивается в онтогенезе каждым ребенком, а сознание как познавательный процесс «обслуживается» инструментами, построенными в конкретной культуре. Чувственное восприятие, не будучи сознанием, является его необходимой предпосылкой, поставляя ему для объяснения чувственные образы, отображающие реальное положение вещей в мире.

Для понимания процесса восприятия как процесса установления отношений между субъектом и объектом восприятия, включенного в совокупную жизнедеятельность человека, целесообразно воспользоваться представлением об апперцепционном комплексе, сформированном В.А. Барабанщиковым. Апперцепционный комплекс имеет статус функционального органа и описывает сложную структуру чувственного восприятия. Восприятие реализуется как процесс удовлетворения познавательных потребностей (конативный компонент), который начинается с построения схемы развертывания познавательных действий, осуществляемых в операциях (способах) в зависимости от физических и социальных условий, единство всех компонентов обеспечивается перцептивной установкой, выражающейся в формировании отношения к объекту познания в виде готовности конструировать новые знания, удовлетворяющие познавательной потребности субъекта [Барабанщиков 2006: 144].

Таким образом, апперцепционный комплекс – это разнокачественное образование, объединяющее источник восприятия и прошлый опыт, отношение к предмету и его оценку, интеллектуальные конструкции и средства преобразования объекта восприятия [Барабанщиков 2006: 145].

В связи с анализом апперцепционного комплекса появляется возможность ввести в понятийный аппарат анализа восприятия речи понятие мультипликативности (известная ранее как характеристика психических процессов), по аналогии с попыткой В.А. Барабанщикова, показать, что восприятие является также мультипликативным процессом.

В восприятии, представленном как апперцепционный комплекс, можно различать, по крайней мере, четыре познавательных действия: формирование перцептивной потребности и ее опредмечивание, конструирование схемы познавательных действий и выбор способов их осуществления и создание готовности порождать новые знания. Эти четыре компонента познавательного действия имеют единое содержание, т.к. отображают один и тот же объект познания при помощи нескольких неидентичных познавательных действий.

Введение принципа мультипликативности восприятия речи в научный обиход лингвистики существенным образом уточняет объектную и предметную области исследований проблем «язык и сознание», «понимание речи», «лингвистика текста» и т.п.

Неожиданно аргументы в пользу учета мультипликативности восприятия речи мы находим при анализе ассоциативных полей, которые конструируются на основе обработки результатов массовых ассоциативных экспериментов [Караулов и др. 2002].

В «Русском ассоциативном словаре» ассоциативное поле слова-стимула *речь* содержит следующие ассоциаты, которые с определенной точностью можно отнести к характеристикам перцептивного образа объекта восприятия, обозначенного словом *речь*: *длинная, плавная, сбивчивая, быстрая, невнятная, приятная, долгая, певучая, устная, внятная, громкая, грубая, картавая, неразборчивая*. Легко заметить, что чувственные образы объекта речь, оречевленные приведенными ассоциатами, формируются не в отдельном акте восприятия, длящимся доли секунды, а в множественных актах восприятия, реализующих таким образом мультипликативность восприятия.

Нужно заметить, что такое ассоциативное поле, отображающее содержание образа *речь* как в общественном, так и в индивидуальном сознании, возможно только в том случае, если субъект познания *непосредственно* воспринимает некий объект, попавший в поле его восприятия. Картина познания усложняется, если познание реальной действительности осуществляется опосредованно, например, при восприятии речевого сообщения, в котором отображен познаваемый объект: непосредственно в восприятии даны только тела языковых знаков в виде речевой цепи, а реципиент на основе предметного значения языковых знаков, общего для всех носителей языка, реконструирует чувственные образы, обозначенные при помощи языковых знаков, а затем выстраивает гипотетические представления о реальных объектах.

Сделаем промежуточное резюме. Таким образом, в процессе познания целесообразно различать два этапа: процесс восприятия и собственно сознание. Оба процесса культурно обусловлены: процесс восприятия, ведущий к конструированию чувственного образа, культурно детерминирован сенсорным алфавитом, который сформировался в филогенезе и усваивается в онтогенезе каждым членом социума, а сознание как познавательный процесс обслуживается инструментами, созданными

в конкретной этнической культуре. Чувственное восприятие, не будучи сознанием, является его необходимой предпосылкой, «поставляя» ему чувственные образы, отображающие реальное положение вещей в мире.

Такое погружение исследователя языкового сознания в область неязыкового сознания, которым занимается преимущественно психология, является вынужденным, т.к. языковое сознание, овнешняяющееся при помощи языковых средств, является только одной из многих (хотя и универсальной) форм сознания, объясняющих наше чувственное восприятие.

Литература

Бажанов В.А. Деятельностный подход // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

Барабанщиков В.А. Психология восприятия. Организация и развитие перцептивного процесса. – М.: Когито-Центр, 2006. – 240 с.

Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т.1. Психическое развитие ребенка. – М.: Педагогика, 1986. – 320 с.

Зинченко В.П. Сознание // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 891-894.

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 592 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – М.: Астрель, 2002. – 784 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.

Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах К. Маркса // Вопросы философии. – 1968. – № 6. – С. 14-25.

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке). – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 299 с.

Ревонсуо А. Психология сознания / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.

Стеценко А.П. Рождение сознания: становление значений на ранних этапах жизни. – М.: ЧеРо, 2005. – 256 с.

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. – М.: Наука, 1987. – 168 с.

Фрумкина Р.М. Лингвистическая гипотеза и эксперимент (о специфике гипотез в психолингвистике) // Гипотеза в современной лингвистике. – М.: Наука, 1980. – 383 с.

Хайнек А. НЛО: попытка научного подхода [Электронный ресурс] // НЛО. – 2000. – № 42. – Режим доступа: <http://anomalial.kulichki.ru/photo/100.htm>.

А.В. Кирилина

УДК 81-139

ПОНЯТИЕ ДИНАМИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ¹

В статье обсуждается специфика постнеклассической эпистемы в применении к лингвистике и предлагается методологическая инновация – динамический объект, под которым понимается интерактивный саморазвивающийся, часто политизированный Интернет-феномен, наблюдаемость и объективация динамики которого обеспечивается техническими возможностями Интернета. Показана перспективность изучения динамического объекта для диагностики межнациональной напряженности в Интернет-общении.

Ключевые слова: социолингвистика, Интернет-коммуникация, динамический объект, постнеклассическая эпистема, метод, диагностика социальных процессов, межнациональная напряженность, комментарий читателя, демотиватор.

Alla V. Kirilina

THE CONCEPT “DYNAMIC OBJECT” IN POST-NON-CLASSICAL LINGUISTICS

The article discusses the specifics post-non-classical episteme as applied to linguistics and offers a methodological innovation - the dynamic object, which is defined as an interactive self-developing, often politicized Internet phenomenon; observability and objectification of its dynamics is being provided by the technical capabilities of the Internet. The prospects of studying the dynamic object for the diagnosis of ethnic tensions in Internet communication are being shown.

Keywords: sociolinguistics; Internet communication; dynamic object; post-non-classic episteme; method; diagnostics of social processes; comment of the reader; demotivator; ethnic tensions

Со второй половины XX века наука вновь переживает смену эпистемы. Основные ее черты в сравнении с предыдущими в терминах рациональности сформулированы В.С. Степиным [2009] как системная связь критериев новой рациональности: научное познание характеризуется связями и отношениями между осваиваемым объектом и субъектом деятельности, а также используемыми при этом средствами и операциями. По В.С. Степину, три основные подсистемы науки – это научные картины мира; идеалы и нормы науки и ее философско-мировоззренческие основы. Классическая рациональность соотносится с простыми системами, неклассическая – со сложными саморегулирующимися системами; постнеклассическая – со сложными саморазвивающимися системами;

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Лингвистическая диагностика межнациональной напряженности в Интернет-коммуникации»), проект № 13-14-77006.

каждый из этих типов систем представлен в научном знании своей дисциплинарной онтологией (специальной научной картиной мира).

Основное отличие постнеклассического подхода от предыдущих состоит в признании сложности и высочайшей динамичности изучаемого объекта. Классическая эпистема уподобляла его часовому механизму, неклассическая представляла в виде саморегулирующейся системы. *Постнеклассическая же эпистема видит в объекте процесс – саморазвивающуюся систему, находящуюся в постоянном движении.* Объект существует в так называемых пространственно-временных окнах, и переход от одного окна к другому может привести к продолжению его существования, но может и вызвать его гибель. Этот факт позволяет говорить о точках бифуркации.

Рассмотрение лингвистического объекта как процесса предполагает признание его постоянной изменчивости. Хотя еще В. фон Гумбольдт отмечал имманентную языку изменчивость, признание отдельного языкового факта процессом отнюдь не стало общим местом и потребовало методологической рефлексии²: с середины XX в. появляются теоретические модели, в основе которых лежит динамическое представление языка (например, хомскианская генеративная грамматика). С конца 80-х гг. в отечественной русистике более оживленно обсуждается высказанная еще в конце XIX века Бодуэном де Куртенэ идея динамической синхронии – это, например, мысль Д.Н. Шмелёва о деривационной, или эпидигматической оси в лексике языка [Шмелёв 1973], и ее дальнейшее развитие в труде Л.А. Кудрявцевой [1993]; концепция языкового сознания Е.Ф. Тарасова и ее объективация в Русском ассоциативном словаре [РАС]; разработка корпусного представления языка и др.

В трудах последних лет, посвященных новым условиям жизни языка и общества, также предлагается взгляд на язык как на сущность, которая постоянно меняется, как на мобильный ресурс³. Более того, его изменчивость рассматривается как ускорившаяся [Blommaert 2010; Coupland 2010]. Ускорение динамики развития языка обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, это происходящий в мире контингентный сдвиг [Иванов 2002] – гигантские изменения в социальной жизни общества, ведущие к переходу его на новый уровень развития.

Во-вторых, это скачок в развитии новых коммуникационных технологий и прежде всего – расширение сферы действия и интенсивности электронной коммуникации.

В-третьих, это существенное обогащение инструментария лингвистических исследований, которое произошло также благодаря развитию электронной коммуникации.

Примерно до конца 90-х гг. названные выше познавательные установки реализовывались преимущественно на основе текстов на бумажном носителе

---

² В некоторых областях гуманитарного знания в ряде случаев разрабатывается иная терминология: исследователи говорят о постнеклассическом / постмодернистском / антинатуралистическом рассмотрении языка. Это связано с гетерохронностью освоения новой научной парадигмы и – отчасти – с научной традицией той или иной страны. Кроме того, нет четкого перехода между неклассикой и постнеклассикой, поскольку на данный момент образуется множество диффузных областей [Степин 2009].

³ Ср.: «лингвистика мобильных ресурсов» [Blommaert 2010].

или устной речи. Рывок же в развитии электронной коммуникации произошел на рубеже XX – XXI веков, что выразилось в росте ее удельного веса в общем объеме обобщения и в увеличении ее форм. Их исследование происходит сегодня «по факту» – изучены блоги, электронная почта, чаты, демотиваторы и некоторые другие Интернет-феномены. И всё же трудно не согласиться с У. Шмитцем в том, что языкознание лишь коснулось вопроса о «технизированной опосредованности общения, в то время как даже дилетанту при самом поверхностном наблюдении понятно, в какой мере материальные – и прежде всего технические – условия, предлагаемые или навязываемые той или иной средой, влияют на форму, а часто и на содержание речевой коммуникации» [Schmitz, 2004: 28 (перевод наш. – А.К.)]. Это прежде всего т.н. мобильные феномены [Blommaert 2010], к числу которых принадлежат и многие новые жанры электронной коммуникации. Эти жанры возникли с появлением цифровых телекоммуникационных технологий, возможны только в электронной среде и представляют собой, с одной стороны, повседневную жизнь языка⁴, одновременно документируя ее, с другой – фиксацию и «опредмечивание» коллективных настроений, представлений, оценок и т.д.

Новые технические возможности, создаваемые электронной средой, позволяют сделать наблюдаемыми скоротечные, преходящие явления, объективировать микростадии развития объекта, зафиксировать их и тем самым осуществить научное представление объекта в динамике⁵. Все это делает возможным теоретическое обобщение жанров интерактивной электронной коммуникации и введение в научное описание понятия *динамический объект*.

Динамический объект представляет собой постоянно находящийся в движении (то есть «реагирующий» на актуальные общественные изменения, саморазвивающийся, осуществляющий экспансию в другие сферы и даже за пределы Интернета, но стабильно сохраняющий при этом свои основные формальные и содержательные признаки) наблюдаемый в динамической синхронии жанр интерактивной Интернет-коммуникации.

Ярким примером ДО могут служить Интернет-жанры «демотиватор», «комментарий читателя», «Аткрытка», социальные сети и некоторые другие сущности. Список этот, однако, остается открытым в связи с постоянным появлением новых Интернет-феноменов.

Основной теоретический акцент при введении в научный оборот понятия динамического объекта делается на его развитии, изменчивости, которые становятся главным критерием делимитации явления и его описания. В соответствии с этим критерием необходимо разработать типологию ДО. Представляется, что в этой типологии особое место займут динамические Интернет-объекты.

В первом приближении модель динамических Интернет-объектов индуктивно разработана нами при анализе демотиваторов и при описании некоторых признаков межнациональной напряженности в Интернете [Кирилина 2012а, б]. Настоящая статья продолжает разработку этой модели.

---

⁴ Наблюдаемость микростадий развития языка и его ускорившейся динамики заставляет лингвистов переосмыслить соссурианскую модель «язык – речь» [Blommaert 2010].

⁵ Конкретизацию идеи динамического объекта см. в работах об интернет-жанрах «демотиватор» и «читательский комментарий» [Кирилина 2012а; 2015].

Скорость появления и развития динамических объектов весьма велика. Ежедневно появляются десятки новых демотиваторов, комментариев, текстов в блогах и т.д. Ведется и доступна для просмотра статистика наиболее посещаемых, наиболее комментируемых материалов и сайтов. Всё это позволяет наблюдать ДО в динамике и рассматривать их как саморазвивающиеся (микро)системы. Особо следует подчеркнуть создание многих ДО, например, комментариев и демотиваторов, в режиме реального времени и их тонкую социальную «чувствительность»: любое политическое событие вызывает мгновенную реакцию – появляются (видео) вербальные тексты «на злобу дня». В ДО явно проявляется лингвокреативный потенциал носителей языка.

ДО обнаруживают ряд общих свойств: *интерактивность*, наличие *т.н. архива*, то есть сохранность и доступность в течение длительного времени, что позволяет наблюдать их в развитии; *вариативность и постоянную изменчивость/непрерывное развитие* при сохранении основных категориальных признаков; *полифоничность*; ту или иную степень *поликодовости*; динамические объекты существуют в *режиме одновременности, синхронности и переключки (интертекстуальности и гибридизации)*, источником которой являются, как правило, события социальной реальности.

В ДО синкретически представлены *единичное* (самовыражение отдельного человека) и *общее* (вместе ДО образуют особое, связанное общей формой, общей тематикой и общей дискуссией коммуникативное единство). ДО – особый вид вербальной (и не только) реакции на некоторый коммуникативный (как правило, социально-политический) стимул. Этот тип реакции – ценный материал для лингвистической диагностики.

Высокая интертекстуальность динамических объектов также относится к числу особенностей ДО.

Интерактивность ДО, например демотиватора, проявляется не только в возможности участвовать в его создании и переоформлении, но и в возможности оставить к нему комментарий (в том числе – комментарий к комментарию), дать ему оценку. Возможности доступа к наблюдению ДО разнообразны: просмотр в хронологическом порядке – ретроспективно и по месяцам⁶; просмотр рубрик (наиболее комментируемые; наиболее посещаемые, выбор редакции и т.д.).

Еще одна динамическая особенность названных жанров – *тематические «всплески», или пики*: если в обществе происходит значимое событие, ДО на некоторое время становится монотематическим и практически полностью политизированным: сводятся до минимума или исчезают темы и тексты, относящиеся к иным сферам жизни. Так, события на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 г. на 2-3 дня вытеснили с сайта demotivation.me всё остальное.

По мере утраты актуальности пик интенсивности спадает, но тематика еще некоторое время остается наблюдаемой, а затем уходит в архив сообщений или присутствует в виде редко вербализуемых ссылок, реминисценций, аллюзий, ассоциаций, фразеологизированных единиц и т.п. Таким образом, можно говорить о

---

⁶ По состоянию на 9 октября 2014 г. в архиве доступны, например, демотиваторы с октября 2014 г. по октябрь 2009 г.

некотором (виртуальном) этапе эксплицитного существования объекта наблюдения. С позиций постнеклассической эпистемы ДО – яркий образец динамического, процессуального представления исследуемого объекта, существующего в пространственно-временном окне с потенциальной возможностью перехода на новый уровень или исчезновения. Период существования такого окна наблюдаем: как правило, «пусковое» событие происходит вне Интернета, затем информация о нем попадает в сеть и некоторое время функционирует как эксплицитное обсуждение темы, растет количественно, а затем пик спадает, и тема снижает степень эксплицитности (подробнее анализ будет изложен в отдельной статье).

Интернет детально фиксирует развитие ДО, регистрируя и сохраняя «траекторию развития» объекта, что и обеспечивает для исследователя возможность его описания в динамической синхронии.

Именно этот факт позволяет открыть определенные новые характеристики объекта, в частности наличие пиков активности, и определить преобладание определенной тематики в их содержании.

ДО представляют научный интерес в самых разных аспектах. Прежде всего отметим их важнейшее, с нашей точки зрения, свойство – *синхронное обеспечение наблюдения за развитием языка и за связью языковых явлений и социальных/социопсихических процессов.*

Так, количественные характеристики комментария читателя к текстам различной тематики говорят о коммуникативной/социальной значимости темы; интенсивность семиозиса, в частности, резкий рост негативно коннотированных этнонимов в семантической области межнациональные отношения – свидетельство социальных процессов. Полученные же с помощью электронных средств статистически данные верифицируют наблюдения: например, график частотности употребления слова «русня» демонстрирует как языковой факт (момент появления неологизма и рост его частотности), так и факт социальный (общественные настроения, выход на сцену определенных этнических акторов) (см. Рис.1):

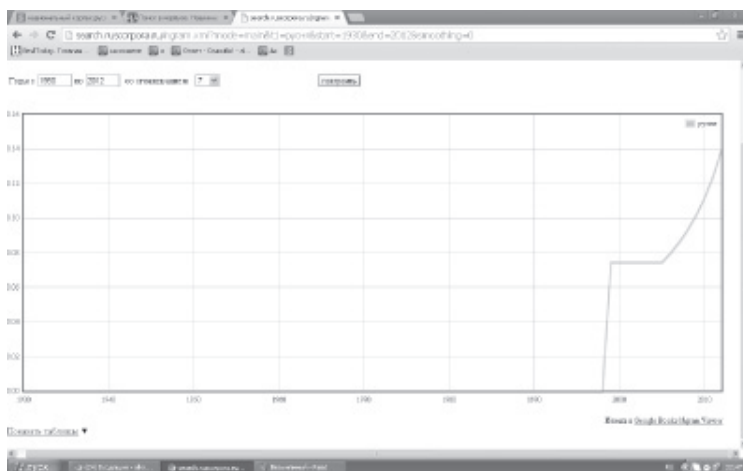

Рис. 1. График частотности негативно коннотированного собирательного существительного «русня» по данным НКРЯ.

Наблюдаемость подобного рода корреляций заставляет частично переосмыслить сложившееся в лингвистике «доцифровой эпохи» убеждение о степени опосредованности связи языковых и социальных изменений.

С точки же зрения функционирования языка в новой информационной среде ДО обнаруживают важные свойства виртуальной электронной коммуникации и указывают на тенденции ее развития:

- Интертекстуальность ДО, их интержанровые связи – и в виртуальной коммуникации и в текстах СМИ на бумажном носителе, где некоторые ДО, например демотиваторы, в последнее время также стали тиражироваться, – позволяют говорить об их широкой распространенности, о возможности проследить в них определенные тенденции развития языка и его взаимодействия с другими семиотическими системами.

- Поликодовость/мультимодальность, интертекстуальность и «многоавторность» ДО, их полифоничность и виртуальный характер ведут к появлению многообразной жанрово-стилевой гибридности этих произведений. Так, ДО «демотиватор» и «читательский комментарий» обнаруживает черты афоризма, анекдота, цитаты, публицистического произведения, лозунга, комментария, пародии и т.д., а также черты карикатуры, шаржа (и т.н. фотожабы), фотографии и других визуальных жанров. Можно отметить и некоторое сходство с произведениями наивной литературы. ДО «читательский комментарий» обнаруживает высокую степень полифоничности и многовекторности. ДО «Аткрытка» построен главным образом на игре слов, двойной актуализации, игре с цветом и изображением (которое, впрочем, менее семиотично, нежели в жанре демотиватора, и его функции состоят в основном в стилизации (стилистика «ретро», образы прошлого) и маркировании границы – текст и видеокomпонент располагаются в цветном прямоугольнике.

ДО находится в постоянном развитии, обнаруживая новые и новые трансформации и свойства. Так например, в блогах конструируются ролики, состоящие из серии чередующихся и сюжетно связанных демотиваторов, демонстрируемых с определенным музыкальным сопровождением, что придает им сюжетность и повышает динамичность; демотиваторы монтируются в связанные сюжеты и демонстрируются под музыку. Список примеров такого рода можно продолжить.

ДО представляют собой источник знаний о языке в динамической синхронии, а также фиксируют новые, том числе и ситуативные, ассоциативные связи. Но ДО – также феномен, оперативно реагирующий на происходящие события, поэтому он может служить индикатором настроений и социальной рефлексии граждан. ДО нередко обнаруживают высокую степень политизированности.

Современное понимание языка предполагает интерпретацию его:

- как антропоцентрической сущности,
- как средства конструирования социальной реальности,
- как сущности, фиксирующей и сохраняющей симптомы социальных перемен,
- как средства доступа к нелингвистическому знанию о мире.

Всё это делает правомерным такую постановку исследовательских задач, при которой лингвистический анализ становится инструментом диагностики

социальных процессов и их динамики. С точки зрения социальной диагностики ДО – отражение социальной рефлексии, форма ее существования. Одновременно это еще не вполне освоенный инструмент диагностики.

Лингвистический анализ ДО позволяет, не прибегая к специальному опросу информантов (ср. [Адамова 2006; Стрельцова, Маслова 2013]), получить важные данные о динамике языка, языкового сознания и социальных процессах и провести их диагностику. Для этого, однако, требуется разработка метода и приемов, соответствующих свойствам виртуальных динамических объектов и тем техническим возможностям, которые предоставляет Интернет как среда.

В соответствии с характером предложенной модели динамического Интернет-объекта (ДО) в ходе выполнения проектного исследования, посвященного анализу межнациональной напряженности, нами индуктивным путем разработана первичная модель лингвистического мониторинга, включающая:

1. Установление фактической социальной проблемы (анализ официальных государственных и партийных документов, политических инициатив, программ; социологических данных и т.д.).

2. Установление точки отсчета/сравнения (за точку отсчета приняты данные Русского ассоциативного словаря [РАС 1994], однако это не единственно возможный отправной момент).

3. Обоснование диагностических возможностей Интернет-общения, описание и выявление наиболее показательных в этом отношении жанров и форм электронной коммуникации; обоснование понятия «динамический объект» и его специфики.

4. Наблюдение объекта в динамической синхронии (достигается многократным «точечным» выходом на соответствующий сайт (demotivation.me; сайты газет, выбранные для исследования блоги и т.д.) и фиксации изменений содержания, частоты встречаемости лингвистических явлений, фиксации наличия или отсутствия тематических «пиков»; появления признаков метафоризации, фразеологизации, стереотипизации; статистики скачиваний (прочтений) основных текстов и числа читательских комментариев к ним).

5. Сбор и описание форм, структуры и функций эмпирического материала и установление операциональной единицы исследования. Отметим, что визуальная составляющая ДО позволяет легко определить операциональную единицу. Так, рис. 2 демонстрирует четкую визуальную структурированность комментариев и границы между ними; на рис. 3 представлены не менее четкие визуальные границы между демотиваторами.

6. Эмпирическая разработка и выявление конфликтогенных семантических полей; наличие или отсутствие тематических пиков, частотных этнонимов; выявление тематических областей, связанных с возмущением, недовольством; определение «точек роста» – выявление основных языковых проявлений и дискурсивных интерпретаций этноконфликтов и установление причин недовольствия/возмущения; направлений дискурса через установление и анализ интенсивности семиозиса, частотных концептуальных метафор и языковых признаков категориальной кластеризации в тематической области «межнациональные отношения»; фиксация динамики семиозиса в семантической

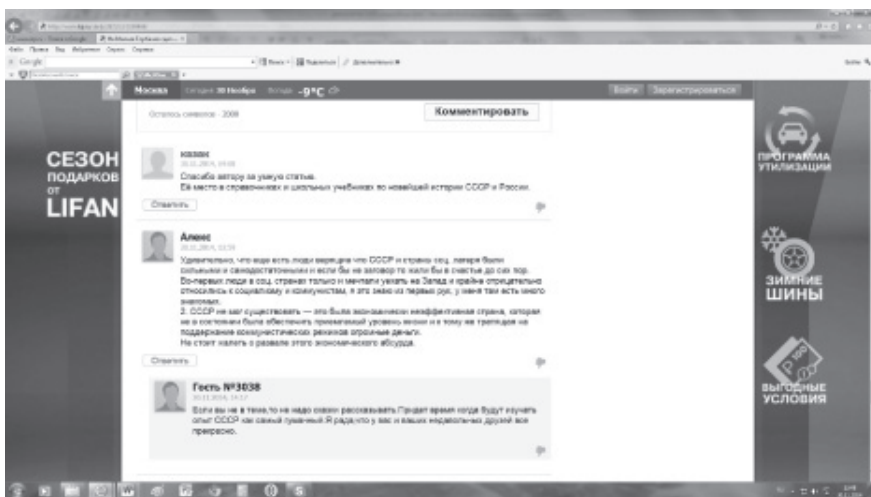

Рис. 2. Пример комментирования в газете «Комсомольская правда»

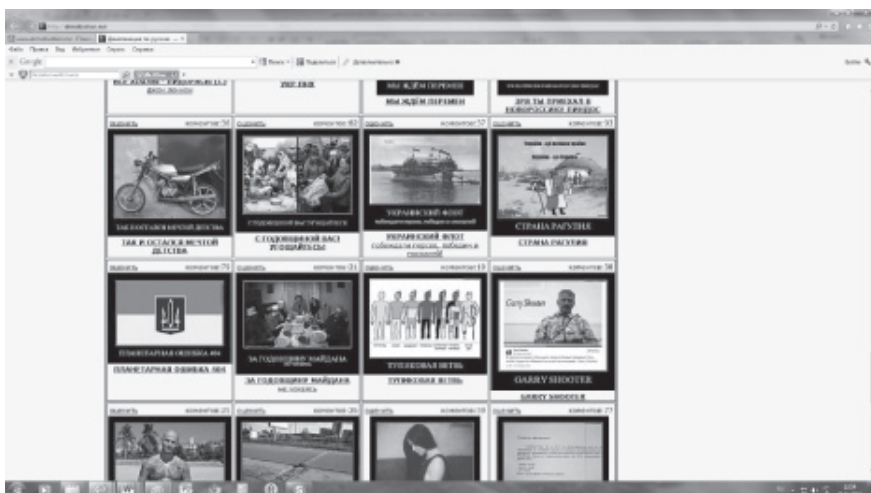

Рис. 3. Фрагмент общего вида страницы на сайте www.demotivation.me

области «Этничность», «Межнациональные отношения», в том числе фиксируются: появление новых лексических единиц и словосочетаний (*тожероссияне; русня* и под.); появление новых метафор и перифраз (*свинорылые; барановая республика*), образование синтаксических оппозиций из слов, семантика которых не только лексически неопозиционна, но и нерядоположенна (*дагестанец – болейщик «Спартака»*); наличие или отсутствие неявных ограничений на употребление отдельных этнонимов; тенденции квазинародной этимологии и т.д.⁷

⁷ Подробнее см. [Кирилина А.В. Опыт лингвистической диагностики межнациональной напряженности в Интернет-коммуникации (в печати)].

7. Выявление статистических закономерностей функционирования исследуемых явлений при помощи использования технических возможностей Интернета – автоматически генерируемых статистических данных поисковой системы (например, Google) – анализ количественных характеристик предлагаемых словосочетаний, а также фиксация предлагаемых поисковой системой слов и словосочетаний, данных Национального корпуса русского языка, а также возможностей системы www.books.google.ngram, автоматического контент-анализ и др. ресурсов. Так, например, острота межнациональных отношений проявляется в поисковых системах: статистика посещений и комментариев – демонстрирует высокую частотность (количество и содержание запросов) темы и наиболее частотные словосочетания, что свидетельствует об интенсивном и многожанровом дискурсе.

Результаты Google на 23.10.2012

Дiasпоры: 14 100 000

Дiasпоры Москвы – 9 480 000

Анализ перечней готовых форм в поисковой системе (Google) также дает ценные результаты (ниже представлены наиболее частотные словосочетания, предлагаемые системой в 2011, 2013 и 2014 годах при вводе в поисковую строку слова «кавказец»):

Готовые формы Google на ввод слова «кавказец» (по состоянию на 12.11.2011)

Кавказец

Кавказец убил

Кавказец и русская

Кавказец убил русского

Готовые формы Google на ввод слова «кавказец» (по состоянию на 25.11.2013)

Кавказец

Кавказец убил

Кавказец зарезал

Кавказец убил русского

Готовые формы Google на ввод слова «кавказец» (по состоянию на 25.11.2014)

Кавказец

Кавказец собака

Кавказец танцует под хабиби

Кавказец фото

Кавказец избил

Показательны и данные в текущей статистике СМИ (например, сайты ряда газет содержат данные о количестве комментариев к каждой статье, о наиболее читаемых статьях с указанием числа прочтений и наиболее комментируемых). Эта статистика не требует специального поиска – данные выводятся на экран при посещении сайта или отдельного журналистского материала.

8. Выявление факта наличия и специфики семиотических средств мифологизации события; интенсивности применения средств художественного

творчества (цитаты, стихи, перифразы) и (квази)научной рефлексии (цитаты, ссылки, аналитические обобщения); применение гиперссылок и иных средств распространения информации; интенсивность применения и стилистический регистр эмотивной лексики и типов речевых актов; наличие/отсутствие признаков эмоциональной вовлеченности, формальных языковых признаков выхода за пределы виртуального сообщества; длительность пространственно-временного окна существования ДО в эксплицитном виде и т.д.⁸

9. Систематизация семиотических признаков межнациональной напряженности.

10. Верификация результатов. В качестве метода верификации результатов может быть использовано сопоставление полученных данных и выводов с данными других научных дисциплин, исследующих аналогичную проблематику – социологии, экономики, криминологии.

11. Гипотетическое определение перспективных дальнейших приемов исследования (например, встречаемость в комментариях к текстам СМИ дискуссий с участием представителей разных этногрупп; кластеризация блогов по этническому признаку; наличие вербальной конфронтации между представителями различных этносов).

Названными приемами метод исследования ДО, разумеется, не ограничивается. Разработка метода лингвистического мониторинга продолжается, как и дальнейшая разработка модели ДО.

Литература

Адамова З.Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тверь: МГЭИ, 2006 - 19 с.

Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. – СПб., 2002. – 224 с.

Кирилина А.В. Некоторые особенности отражения национального вопроса в современной электронной коммуникации / А.В. Кирилина // Межэтническое общение: контакты и конфликты. сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: ИЯз РАН – МИЛ., 2012а. – С. 102–135.

Кирилина А.В. Жанр «демотиватор» как проявление полифонии и фиксация повседневности / А.В.Кирилина // Полифония большого города. сб. научных статей / Под ред. Л.М. Терентия, В.В. Красных, А.В. Кирилиной. – М., 2012б. – С. 54–74.

Кирилина А.В. Интернет-жанр «комментарий читателя» // Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 1 (в печати).

Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка. – 2-е изд., испр. – К.: ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с.

Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / Постнеклассика: философия, наука, культура. Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. – СПб, 2009. – С. 249–295.

---

⁸ Подробное изложение полученных в проекте данных о пространственно-временном окне существования ДО – тема отдельной статьи.

Стрельцова В.В., Маслова Л.Н. Лингвистические методы исследования межэтнической напряженности / В.В. Стрельцова, Л.Н. Маслова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического ун-та им. Добролюбова. – 2013. – Вып. 24. – С. 73–84.

Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. – 280 с.

Blommaert Jan A. The Sociolinguistics of Globalization. – Cambridge University Press, 2010. – 230 p.

Coupland N. Introduction: Sociolinguistics in the Global Era // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 1–27.

Kosellek Reinhard. Vergangene Zukunft Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt/M: Suhrkamp, 1979.

Schmitz U. Sprache in modernen Medien. Einführung in Theorien, Themen und Thesen. Erich Schmidt Verlag. Berlin, 2004. – 217 S.

Schmitz U. Sprache in modernen Medien. Einführung in Theorien, Themen und Thesen. Erich Schmidt Verlag. Berlin, 2004. – 217 S.

Словари

РАС – Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус русского языка. Часть 1. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М., 1994. – 224 с.

Русский ассоциативный словарь. Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 1. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М., 1994. – 358 с.

Электронные ресурсы

Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru

Электронный сайт газеты «Комсомольская правда» www.kp.ru

Электронный сайт газеты «Московский комсомолец» www.mk.ru

Электронный сайт демотиваторов www.demotivation.me

Электронный сайт Аتكриток www.Atkritka.com

Л.П. Лобанова

УДК 81'23

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В КОНЦЕПЦИИ И.Г. ГЕРДЕРА

Понимание языка как своеобразной картины мира, являющееся одним из фундаментальных положений гумбольдтианской философии языка, было впервые отчетливо сформулировано в трудах И.Г. Гердера. Его представления о глубинной зависимости мышления от языка и отсюда о языке как условии восприятия и познания мира означают, что существует столько же картин мира, сколько языков и что народ и его культура обусловлены языком. Философия языка Гердера подтолкнула В. фон Гумбольдта к созданию современного языкознания.

Ключевые слова: языковая картина мира, мышление, познание, философия языка.

Lidia P. Lobanova

LINGUISTIC WORLDVIEW IN HERDER'S CONCEPTION

The understanding of language as a peculiar worldview (Weltansicht) or the picture of the world, which is one of the fundamental concepts in the Humboldtian philosophy of language was first clearly expressed in the work of J.G. Herder. His ideas of an intimate dependence of thought on language and therefore of language as a condition for the perception and cognition of the world mean that there are so many worldviews, so many languages and that the nation and its culture are linguistically defined. Herder's philosophy of language inspired W. von Humboldt to establish modern linguistics.

Keywords: linguistic worldview, linguistic picture of the world, thought, cognition, philosophy of language.

«Дыхание, исходящее из наших уст, становится картиной мира», – говорит И.Г. Гердер о языке [Гердер 1977: 235]. В его понимании происхождения и жизни языка (подробнее: [Лобанова 2012с: 301-323; 323-348]) можно увидеть истоки представлений о языковой картине мира в немецкой философии. Историю становления языка он рассматривает соответственно разным возрастам по аналогии с жизнью человека. Философия языка позволяет увидеть в детском возрасте языка величайшую, с точки зрения Гердера, деятельность человеческого духа – формирование человеческой души по образу языка и формирование языка по образу души. В древнем состоянии, т.е. в возрасте своего детства, языки были подобны, согласно Гердеру, древнему письму, которое живописало предметы в картинках: так же живописал словами и первый язык. Древние языки обладали наглядностью, живой выразительностью, поскольку образовывались «непосредственно по подобию живой природы, в отличие от новых, образуемых по подобию произвольных мертвых идей» [Herder 1985: 452]. Подобно тому, как это бывает с детьми, набор слов языка состоял из имен, будь то существительные или глаголы, которые даже в греческом языке стали различаться грамматически довольно поздно; со временем, по мере «взросления» языка, стали возникать синонимы и плеоназмы. Гердер не употреблял

ет соответствующего термина, но, по сути, описывает, как формировалась картина мира в языках древних народов: «Мир предметов вокруг них был содержанием их языка – и где был тот философ, который бы упорядочил то, что он видел, распределив по классам, а излишки бы выбросил. Новые вещи, новые предметы, обстоятельства, состояния давали новые имена, – и так он [язык] становился лишь богаче. Чувственно обозначались чувственные предметы, – а с каких многих сторон их можно обозначить, с каких разных точек зрения: так язык наполнился множеством безумных и необузданных поворотов слов, множеством неправильностей и своенравия. Образы переносились [в язык], сколько было возможно, в виде образов: и так возник запас метафор, диалектизмов (Idiotismen), чувственных имен. Грубая сила в страстях и поступках, в добродетелях и пороках была великолепием возраста, также неизбежно и языка, который у каждого народа под влиянием тысячи случайных обстоятельств был таким хорошим или таким плохим, каким он должен был быть, чтобы быть языком *чувственного народа*» [Herder 1985: 455].

Гердер подчеркивает, что юному возрасту языка еще незнакома никакая философская грамматика, этот язык был не чем иным, как *поэтическим языком*, причем не просто язык создавал поэтов, но эпоха, создавшая язык, рождала поэтов. «Но сами слова, – восклицает он, – смысл, душа языка – какое бесконечное поле различий! Мы видели, что древнейшим языкам приходилось иметь сплошные синонимы, и когда кому-то один из этих синонимов, а другому – другой казался более употребительным, для его точки зрения более подходящим, для круга его восприятий более исконным, на его жизненном пути более часто встречающимся, короче – более впечатляющим, то появлялись любимые словечки, собственные слова, диалектизмы (Idiotismen), идиом языка. Из него какое-то слово уходило, другое оставалось. Какое-то отклонялось от главного побочной точкой зрения; тут изменялся со временем дух даже основного понятия, там – собственные склонения, спряжения, производные, изменения, префиксы и постфиксы, а также переносы и утраты значений целиком или наполовину становились новым идиомом! И все это столь же естественно, как и язык для человека есть орган чувств его души» [Herder 1772: 189]. Этот возраст языка – возраст красоты.

Именно этот аргумент использует Гердер, возражая «любимой идее» многих сторонников исправления языка (Sprachverbesserer), которую неоднократно повторял Иоганн Якоб Брайтингер в своем сочинении «Критическое искусство поэзии» [Breitinger 1740: 44-47] и которую Гердер формулирует следующим образом: «Пока язык был наречием чувственного народа, он оставался замкнутым в себе и несовершенным. Мышление, философствование, изящные искусства и науки привели его к совершенству» [Herder 1985: 456]. По мысли Гердера, совершенствование языка и утрата его прежней красоты происходили по мере перехода от поэзии к прозе. Как переход к прозе, так и изменения в языке были, конечно, постепенными: сначала к художественной прозе, затем к философской, исторической и политической прозе соответственно новым потребностям, обусловленным изменениями в общественной жизни. «Как в государстве международное право сделалось теперь законом, – пишет Гердер, – так и в языке: один язык образовывали по подобию другого, с которым он был в общении. Возникло дворянство, простонародье и среднее сословие среди слов, подобно тому, как они возникли в обществе: имена прилагательные

стали в прозе параболлами, параболы примерами; вместо языка страсти он стал языком остроумия средней руки и, наконец, языком рассудка» [Herder 1985: 458]. Чем больше язык приближался к совершенству, тем дальше он уходил от чувственной красоты: для замены ярких, образных слов подыскивались синонимы или описательные обороты ради точности и ясности выражения, сглаживалась идиоматическая образность и т.п.

Одновременно язык обретал также упорядоченность и закономерность своей внутренней работой, будучи орудием разума в его чувственном освоении мира. Человек является, согласно Гердеру, настолько сложно устроенным существом, что, несмотря на все усилия, в нем никогда не возможно совершенно простое состояние. В то же самое время, когда он видит, он также слышит и незаметно воспринимает всеми своими органами чувств влияния извне, которые, хотя и остаются по большей части смутными ощущениями, все же в любой момент исподволь тоже оказывают свое воздействие на человека и составляют как бы суммарное его состояние. «Он плывет в море впечатлений от предметов, – описывает Гердер процесс соприкосновения человека с миром, – где одна волна касается его слегка, другая – более ощутимо, но всегда различные изменения извне возбуждают его душу. И в этом отношении он является малой вселенной подобно тому, как назвал его Протагор в другой связи мерой окружающих его вещей» [Herder 1862b: 207-208]. В результате восприятия органами чувств предметов и явлений окружающего мира формируется «мир чувствований души» [Herder 1862b: 208], в котором предстают «вещи мира как слова одной большой книги» [Herder 1799a: 430].

Из пяти чувств Гердер считает самыми важными зрение и слух, так как они ближе всего и яснее всего представляют душе человека предметы в его познании мира, а поскольку он обладает способностью удерживать и обозначать эти предметы с помощью слов, то «преимущественно посредством зрения и слуха в его языке устроился упорядоченный мир человеческих восприятий и идей, которые даже и в самых отдаленных производных обнаруживают еще следы своего происхождения. Даже тончайшие движения души обозначались поэтому через зрительное и слуховое восприятие, о чем свидетельствуют такие имена, как ‘взгляды’ и ‘идеи’, ‘фантазии’ и ‘образы’, ‘представления’ и ‘предметы’ наряду с сотнями других слов такого рода» [Herder 1862b: 208]. В работе «Лира. О природе и действии лирической поэзии» (1795) Гердер указывает также, что деятельность человека направлена на упорядочивание своих впечатлений с помощью языка: он обозначает «предметы, которые ему встречаются, образы, которые он выделяет из них, образ мыслей, которыми он их сопровождает, и тем самым приходит в конце концов ко всеобщей характеристике Творения» [Herder 1862a: 295].

Представление о единстве языка и разума, языка и мышления, о невозможности мышления без языка стало для Гердера, как уже упоминалось, поводом к критике И. Канта. «Во всем беспорядочном, т.е. безусловном, мы ищем условия, т.е. определенность, – пишет он в «Метакритике к критике чистого разума». – В силу нашего разума мы не можем иначе. Чем выше вверх, тем точнее и яснее должны становиться эти условия. В царстве тел, которое мы не можем ни охватить, ни проникнуть своим взглядом, так много лежит перед нами необусловленного, т.е. неопределенного, что в природе, однако же, является в высшей степени определен-

ным! Примечающий ум ищет своих условий, по которым затем разум определяет [все] это; прежде разум этого не мог и впредь не сможет, пока [все] это не явится ему обусловленным. В царстве духа условие и определение стали нам более ясны посредством нашего самосознания. Целое мира оставалось и остается для ума темным понятием, которое тем более ярко разрисовывала фантазия до тех пор, пока он не увидел в нем законы и порядок, т.е. условия, согласно которым разуму удалось самому определить их целокупность (Totum), вселенную. И поскольку разуму необходимо выражение причины, устанавливающей такие законы и порядки, которыми обуславливается мир (die Welt), т.е. некий мир (eine Welt), то ему не обойтись без чего-то всеобуславливающего. Можно называть это как угодно. Это столь же необходимо разуму, как геометрии – точка или прямой угол. Не разумничаньем он дошел до этого понятия; оно было дано ему в нем самом» [Herder 1799b: 31].

Вместе с тем Гердер, как и Гумбольдт впоследствии, исходил из того, что в освоении мира участвует не только разум, но и сила воображения, и фантазия¹. Человек видит, что все существующее вокруг него находится в действии, и заключает, что в основе этого действия лежит какая-то действующая сила, субъект действия, который он воображает личностным существом. Это стремление к персонификации приписывается обыкновенно незнанию, так что при таком понимании неосведомленность рождает персонификацию природных сил. «Но если бы неосведомленность, – возражает Гердер, – и являлась ее матерью, то отцом ее все же является примечающий разум. О внутренних силах природы мы знаем столь же мало, как и какой-нибудь негритянский народ. Мы, правда, знаем многие проявления, многие силы и пытались не только подражать им и использовать их, но также и лучше упорядочивать их между собой. Между тем всякая физика остается у нас своего рода поэтикой для наших органов чувств, будучи упорядоченной нашим опытом, и как только наш ум увидел бы в других органах природу, он бы необходимым образом классифицировал иначе. Чувственный человек не может упорядочивать иначе, чем чувственно, а когда он во все действующее привносит всю свою собственную действующую силу, то боги представляются ему во всех элементах. <...> Состояние нашей холодной осознанности есть состояние искусственное, обретенное постепенно опытом, учением и привычкой, и сохранять обладание им в совершенно неожиданных случаях часто бывает для нас трудно» [Herder 1862b: 217-218].

Силе воображения в познании мира Гердер придает огромное значение, но одновременно во второй части «Метакритики» он все же вводит определенное ограничение: «Сила воображения говорит: мир не имеет границ в пространстве, он, с точки зрения пространства, бесконечен. Ты права, говорит разум, в том, как ты мир и пространство мыслишь себе, т.е. создаешь фантазией. Мир для тебя – необъятных размеров дом с картинами, размер можно все время увеличивать, все время расширять. Ты никогда не должна останавливаться и говорить: здесь мир для меня заканчивается. Здесь я простираю свою руку в пустоту. Ибо и эта пустота есть какой-то возможный мир, где что-то может существовать. Пространство для тебя картина, которую ты составила из вещей вокруг тебя, быть может, взяла из созерцания свое-

---

¹ О современных подходах в психолингвистике см., например: [Уфимцева 2011: 205-213].

го небосвода и носишь с собой повсюду как даль, которую можно всегда еще больше расширить. Как твои поэты представили тебе его ужасно-великолепным, так и взмахи собственных твоих крыльев в конце концов обессилеют, если ты последуешь в бесконечности широкому их размаху. Продолжай этот полет, но не тревожь ум твоими образами. Он постигает мир иначе» [Herder 1799b: 54].

Подчеркивая единство языка и разума, Гердер не просто возражает концепции чистого разума, игнорировавшей язык («так здесь вместе с возможностью всякого опыта был бы <...> создан мир из ничего, но также и ничем, и не для чего» [Herder 1799a: 479]), но и критикует Канта с присущей ему язвительностью: «”Мой мир, – говорит критический философ, – это интеллигибельный мир. Я нахожу в сочинениях новых [философов] употребление названий некоего *mundi sensibilis* и [*mundi*] *intelligibilis*, которое совершенно отклоняется от понимания древних, и хотя в этом, конечно, нет никакого затруднения, но и не содержится ничего кроме пустословия. Согласно этому употреблению некоторым нравится называть сущность явлений, если она созерцается, *чувственным миром*, а если взаимосвязь явлений мыслится согласно общим законам разума, – *умственным миром*. Интеллектуальными или чувственными являются только акты познания; а что может быть только предметом того или иного способа созерцания, т.е. объекты, то они должны называться *интеллигибельными* или *сенсигибельными*”. – Назови их хоть тангигибельными, аудибельными, визигибельными, фантазигибельными. Если ты сенсигибельный для органов чувств предмет интеллигируешь, то он вступает в мир умственных понятий, т.е. *интеллектуальный мир*. В нем предметы могут соединяться с другими умственными понятиями не иначе, как согласно *законам разума*, которые не отменяют законов чувственного мира, но имеют их предпосылкой. Тем самым устанавливается не *наряду* с чувственным миром, а *в нем самом* некая *systema intellectus*. Можно ли интеллигировать предметы без разума? А если интеллигированные предметы были интеллигированы не согласно общим законам разума, то интеллигибельны ли они? Так древние не думали; <...> их мир, разумением уразумеваемый, был также мир разума, космос. Фантазмы, трансцендентальные формы, из которых мир не мыслится, а создается фантазией, не делают его понятным для разумения» [Herder 1799a: 473-475].

Согласно разным способам освоения мира Гердер выделяет «миры познания»: а) чувственный мир – «сенсуалист говорит: это существует, ибо я его воспринимаю»; б) мир подобий – «живость и пронизательность ума говорят: это существует, ибо я его соединяю и разделяю»; в) мир причин и следствий – «ум говорит: это существует, ибо оно становится, когда я его из причин познаю и испытываю»; г) мир величин – «математик говорит: вот *мой* мир, который я определяю, измеряю и вычисляю» [Herder 1799a: 402]. Эти четыре мира познания возникают, согласно Гердеру, в результате познавательной деятельности четырех «классов созерцателей мира (*Weltbeschauer*)», предстающих в «Метакритике» в более подробном описании.

«Первый класс созерцателей мира, принимающий все, что ему является, за сами вещи, очень хотел бы называть себя реалистами, хотя ему все же подобает, собственно, имя сенсуалистов, поскольку он доверяет чувствам. Он сохраняет основы (*fundum*), постоянную гарантию низшей степени человеческого познания.

Кто не доверяет своим чувствам, того они считают глупцом. <...> этот класс людей живет в идеальном, т.е. фантазийном мире, во вселенной чувственных впечатлений, живо воспринятых типов. Он населяет нижнее, самое прочное здание нашего опыта, и природа позаботилась о том, чтобы оно никогда не было разрушено и не превратилось бы в декоративный дворец» [Herder 1799a: 397-398].

«Второй класс примечает особенности вещей, подобия, виды; он обитает в сферах памяти, живости ума и проницательности. Живость и проницательность ума играют свойствами вещей, как играет и сама природа; каждая сила души делает это на свой собственный лад. История природы собирает и классифицирует; проницательный ум разделяет, живость ума соединяет. Каждый создает себе тем самым свой особый мир в характерах, признаках, формах; а вместе с этим миром и свой особый язык. Оставьте ему его мир, или исправляйте, улучшайте его, но в *его*, а не в *чужой* сфере; только тогда порицайте его, если его мир создан в грезам, если он *сочиняет* себе пустые представления и формы» [Herder 1799a: 399-400].

«Третий класс здравомыслящих идеалистов населяет царство действий и сил. Естествоиспытатели, которые во всех образах прослеживают родство и происхождение вещей; философы истории, которых в событиях мировой истории интересуют только причина и следствие; люди, которые сами являются великими причинами и лишь оглядываются кругом в поиске того, на что или чем, или каким образом они могли бы оказать воздействие; они живут в идейном царстве сил. Силы природы и разума (ибо они неразрывны) являются их предметом и орудием. Эти мужи ума и дела в одно и то же время огромные идеалисты и реалисты; они хотят – и становится, или они смотрят, как что-то стало, как могло бы стать и как становится» [Herder 1799a: 400-401].

«Четвертый класс, наконец, который ко всему подходит с *духовной мерой*, в самом непосредственном смысле слова творит себе *свой* мир, свою меру, свой объект и орудие. Он заслуживает имени идеалистов чистейшей воды» [Herder 1799a: 401].

В результате возникает, согласно Гердеру, картина мира: «Четыре мира предстают здесь в *одной* картине (in Einem Gemählde). Их свет и их тени перетекают друг в друга» [Herder 1799a: 401]. В этой картине мира слова становятся знаками предметов и мыслей народа о мире со всем их своеобразием. «Каждая нация, – пишет Гердер, – имеет свои собственные хранилища таких знаков, ставших мыслями, – это ее национальный язык: хранилище, которое она пополняла в ходе столетий, которое переживало периоды роста и убывания, как лунный свет, которое знало больше революций и перемен, чем королевские сокровища в руках разномастных преемников; хранилище, которое обогащалось, конечно, путем грабежа соседей и добычи, но таким, как оно есть, принадлежащее все же собственно нации, которая им владеет и может одна лишь использовать его, – сокровище мыслей народа в целом. <...> Все, что присуще этому национальному достоянию: происхождение, история и подлинный характер этого своеобразия; особенное по части скудости и избытка; достопримечательное в образах красоты и уродства; монеты хорошей или дурной чеканки; образцы, достойные обозрения своей редкостью или внутренней ценностью, или историей; странности на удобных и неудобных местах; фигуры с чрезвычайной легкостью или особой превратностью положений и еще сотня неслы-

ханных вещей могли бы рассказать нам об этом хранилище мыслей народа, которые каждый уроженец языка усваивал, жадно вслушиваясь в него. Занять место такого исследователя языка, конечно, едва ли может один ученый, поскольку здесь нужен человек о трех головах, соединяющий в себе и философию, и историю, и филологию, который чужаком ходил бы среди народов и наций и учил бы чужие наречия и языки, чтобы умно говорить о своем, который, однако, как полный безумец, сводил бы все к своему языку, чтобы оставаться сыном своего народа» [Herder 1985: 370].

Гердер считает необходимым хранить все содержащиеся в языке представления, которые народ составил о мире, все образы и фантазии и весь содержащийся в языке опыт, который он накопил в течение своей истории, и неоднократно напоминает об этом: «И мне хотелось бы, чтобы мы имели святилище, подобное святилищу речной нимфы, для этих фантазий нашего рода, аккуратно собранных и сообразно с климатическими условиями истолкованных. Это была бы история разумного безумия, в котором, как говорит Полоний о Гамлете, повсюду имеет место метод, [это была бы] весьма разнообразная антология, проба богатства и бедности всякого человеческого изобретения» [Herder 1862b: 218]. Полемизируя в «Метакритике» с Джорджем Беркли и как бы обращаясь к нему, он пишет: «С детства мы <...> расширяли с помощью многих органов чувств мир вокруг нас. Мы создавали себе понятия и меры пространства, величины, образа, движения, расстояния, происхождение и отношения которых ты сам с таким усердием исследуешь. Тем самым эта лежащая перед нами земля превращалась в осязаемо-видимую, приведенную в порядок, измеримую и измеренную картину (Gemählde), обозначения которой, пусть и не всегда точно, но все же понятно <...> выражает наш язык. Он содержит сокровище опыта тысяч [людей], <...> воспользуйся же богатством обретенного опыта, улучшай его обозначения, но не разрушай» [Herder 1799a: 408-409]. И различия в восприятии мира человеком, и заблуждения относительно устройства мира, сил природы и т.п. Гердер видит в невозможности для человека охватить мир целиком: «Как природа не могла представить нам свою огромную картину (Gemählde) со всех сторон в одинаковом свете, а наша организация не была приспособлена для того, чтобы усвоить все с одинаковой ясностью и живостью, так существуют различные степени и виды понимания и, следовательно, восприятия Вселенной» [Herder 1799a: 397]. Особенно хорошо это видно в разных языках при их сравнении: в народных верованиях, в персонификациях сил природы, которые каждая нация образует на свой лад, что «доказательств не требует, все описания путешественников, все мифологии полны ими» [Herder 1862b: 218], в сложном взаимодействии обыденной и, например, правовой картин мира (см., например: [Filippov 2013]).

Это разнообразие представлений о мире Гердер считает величайшим сокровищем человеческого рода, сохранность которого можно обеспечить лишь только через сохранность разнообразия языков с их многочисленными диалектами. Предвосхищая Гумбольдта, он подчеркивает, что это разнообразие возникает в результате субъективности чувственного восприятия и формирования образов предметов мира. «Образом я называю всякое представление предмета, – пишет Гердер, – связанное с некоторым сознанием восприятия. Если он стоит у меня перед глазами, то это физический, видимый образ. Если он представляется моему воображению, то это фантазия (φάντασμα), которая, однако же, заимствует свои законы у видимых

предметов. <...> Все чувственно воспринимаемые предметы становятся нашими только в результате того, что мы их обнаруживаем, т.е. более или менее ясно и живо отмечаем их отпечатком нашего сознания. В окружающем меня лесу чувственных предметов я ориентируюсь и справляюсь с хаосом охватывающих меня ощущений, только отделяя одни предметы от других, придавая им очертания, размеры и облик, т.е. создавая для себя единство в многообразии и обозначая их живо и уверенно отпечатком своего внутреннего чувства, как если бы оно было печатью истины. Таким образом, вся наша жизнь есть в известной степени некая поэтика: мы не видим, а создаем себе образы. <...> Ибо образ, который рисуется на сетчатке твоего глаза, это не та мысль, которую ты усваиваешь себе о ее предмете: последний есть лишь произведение твоего внутреннего чувства, искусственная картина, созданная припевающей силой твоей души» [Herder 1787: 209-210].

Вывод Гердера из такого рода размышлений, которым посвящены многие сотни страниц его трудов, заставляет думать о его значительном влиянии на формирование философии языка Гумбольдта и вполне мог бы принадлежать перу последнего. «Каждая нация говорит, как думает, и думает, как говорит, – утверждает Гердер. – Каким бы разным ни был угол зрения, под которым она восприняла вещь, она ее обозначила. И поскольку это никогда не бывает взглядом Творца, который не просто видел, как эта вещь начала быть в своей сокровенности, но и повелел ей быть, поскольку это был внешний односторонний угол зрения, то и он перешел одновременно в язык. Именно благодаря языку глаз всех последующих [поколений] мог как бы привыкнуть к этому углу зрения, связать себя с ним, ограничить себя им или, по крайней мере, приблизиться к нему. Так сохранялись и плодились истины и заблуждения, полезные и вредные предрассудки; на пользу или во вред прицеплялись побочные идеи, которые часто действуют сильнее, чем основное понятие; на пользу или во вред случайные идеи принимались за сущностные; полки заполнялись или оставались пустыми; поля обрабатывались или превращались в пустыни; три богини человеческого знания – истина, красота и добродетель – становились такими же национальными, каким был и язык» [Herder 1985: 375]. Особого упоминания заслуживает тот факт, что Гердер распространяет это своеобразие каждого языка не только на литературу («Литература росла в языке, а язык в литературе. Злополучна рука, которая захочет разорвать их; обманчив глаз, который захочет увидеть одно без другого» [Herder 1985: 375]), но и на язык науки: «каждый язык оставляет отпечатки в науках, которые в нем живут», «язык есть орудие, содержание и в известной степени покров наук» [Herder 1985: 376].

Литература

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.

Лобанова Л.П. Язык и мышление в теориях происхождения языка XVIIIв. Избранные переводы и статьи / Под ред. Л.П. Лобановой. – Москва: АПК и ППРО, 2012. – 379 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011. – 252 с.

Breitinger J.J. Fortsetzung der Critischen Dichtkunst: Worinnen die poetische Mahlerey in Absicht auf den Ausdruck und die Farben abgehandelt wird. Mit einer Vorrede von Johann Jacob Bodemer. – Zürich: Bey Conrad Orell und Comp., 1740. – 472, 16 S.

Filippov I. Bible and the roman law: the notions of law, custom and justice in the vulgate // lex et religio: XI incontro di studiosi dell'antichit // *Studia ephemeridis Augustinianum.* – 2013. – Vol. 10, no. 12. – P. 105-141.

Herder J.G. Abhandlung über den Ursprung der Sprache. – Berlin: By Christian Friedrich Voß, 1772. – 222 S.

Herder J.G. Die Lyra. Von der Natur und Wirkung der lyrischen Dichtkunst // Johann Gottfried von Herders sämmtliche Werke. Zur schönen Literatur und Kunst. Dreizehnter Band. – Stuttgart und Tübingen: I.G. Cotta'scher Verlag, 1862a. – S. 291-311.

Herder J.G. Über Bild, Dichtung und Fabel // Johann Gottfried von Herders sämmtliche Werke. Zur schönen Literatur und Kunst. Dreizehnter Band. – Stuttgart und Tübingen: I.G. Cotta'scher Verlag, 1862b. – S. 203-252.

Herder J.G. Über die neuere deutsche Literatur. Fragmente. - Berlin/Weimar: Aufbau-Verlag, 1985. – 972 S.

Herder I. G. Vernunft und Sprache. Eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft. Zweyter Theil. – Frankfurt und Leipzig, 1799b. – 254 S.

Herder J.G. Verstand und Erfahrung. Eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft. Erster Theil. – Leipzig: Bei Johann Friedrich Hartknoch, 1799a. – 479 S.

В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова

УДК 81'23+81'374

«СЛОВАРНОЕ» И «ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ» ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ: ПОИСКИ СООТВЕТСТВИЙ

В статье на материале слов *громкий* и *тихий* обсуждается проблема единой обусловленности и необходимого соответствия между традиционным лексикографическим и психолингвистическим представлением лексических значений.

Ключевые слова: лексикография, психолингвистика, значение, словарная дефиниция.

Valentin E. Goldin, Alefina P. Sdobnova

“LEXICOGRAPHICAL” AND “PSYCHOLINGUISTIC” REPRESENTATION OF MEANINGS: SEARCH FOR A MATCH

In the article the words *громкий* 'loud' and *тихий* 'quiet' are used to describe the issue of uniform dependence and required match between traditional lexicographical and psycholinguistic representation of lexical meanings.

Keywords: lexicography, psycholinguistics, meaning, lexicographical definition.

1. Многочисленные различия между «системным значением» («словарным», «лексикографическим») и «психолингвистическим значением» («психологически реальным», «психологически релевантным»), на которые указывают исследователи [Леонтьев 1976; Залевская 1999; Залевская 2011; Стернин 2010; Стернин, Рудакова 2011; Гольдин 2009 и др.], коренятся прежде всего в различной сущности обобщаемых данных. В первом случае (толкование системного значения) используются выборки из текстов (картотеки, конкордансы), во втором (толкование психолингвистического значения) – материалы психолингвистических экспериментов. Безусловно, различны и сущности лингвистических конструкторов, создаваемых на базе этих источников. В результате научные репрезентации системных и психолингвистических значений не совпадают, и наблюдаемый сегодня преимущественный интерес к их различиям вполне закономерен.

Вместе с тем нельзя не учитывать того, что с текстовой речевой практикой связаны не только системные значения слов: ассоциативный материал, получаемый экспериментальным путем, не лишен собственных связей с текстами и коммуникативной деятельностью и в этом отношении не противопоставлен источникам толковых словарей. Тексты, пропускаемые через восприятие человека, безусловно, влияют на строение его ассоциативно-вербальной сети, а состоянием этой сети в значительной мере определяются содержание и форма порождаемых высказываний (см.: [Караулов 1999; Караулов 2010; Овчинникова 2002; Мартинович 2008; Гольдин, Сдобнова 2012 и др.]), которые могут быть обобщены и обобщаются в форме традиционных словарных толкований. Как подчеркивал А.А. Леонтьев, «семантические и ассоциативные характеристики слова имеют единую психологическую природу» [Леонтьев 1969: 268]. Именно поэтому ассоциативный материал «позво-

ляет проследить всё многообразие выделяемых в лингвистических исследованиях “видов значения”, “компонентов содержательной структуры слов” и т.п. Во всяком случае, независимо от того, какой терминологией оперируют авторы исследований в области семантики, в материалах ассоциативных экспериментов всегда можно обнаружить соответствия примерам, которые приводятся в этих работах для выделяемых аспектов или компонентов значения» [Залевская 2005: 107].

Таким образом, при сравнительном исследовании системных и психолингвистических значений должны обнаруживаться не только существенные различия между ними, но и не менее существенные схождения, не менее значительная их общность. И.А. Стернин и А.В. Рудакова справедливо отмечают, что «психолингвистическое значение обычно шире и объемней, нежели его лексикографический коррелят (который, как правило, целиком входит в психолингвистическое значение, хотя его компоненты могут занимать в психолингвистическом значении разное место по яркости)» [Стернин, Рудакова 2011: 100]. Однако единая психологическая основа, одинаково сильные (хотя и различные по типу) текстовые связи системного и психолингвистического значений заставляют думать, что их общность не сводится только к отношениям включения, основанным на тождестве части компонентов системного и психолингвистического значений, а имеет в целом, скорее, характер функционального соответствия между этими различными по их сущности сравниваемыми феноменами.

Соответствие может обнаруживаться в процессе такого анализа, при котором системное значение рассматривается сквозь призму психолингвистического, психолингвистическое – сквозь призму системного, те и другие соотносятся с корпусными данными, а основная цель анализа – найти возможные линии взаимосвязи между этими тремя сущностями. При этом важно иметь в виду, что на основные, базовые расхождения, обусловленные различиями сущностей, стоящих за системным и психолингвистическим значениями, несомненно, накладываются гораздо менее существенные различия внешнего характера, вызываемые спецификой процедур анализа материала и приемов формулирования значений, – спецификой, сильно зависящей от занимаемых исследователями позиций. Толкования не тождественны значениям, хотя и репрезентируют их. Поэтому в поисках соответствий полезнее, где это возможно, обращаться не столько к итоговым формулировкам значений, толкованиям, сколько к обобщаемым в них первичным данным, которыми в нашем случае являются речевое употребление лексических единиц и реакции испытуемых на предлагаемые им вербальные стимулы.

Ниже излагаются результаты попытки осуществить поиски соответствий на материале словарных толкований слов *громкий* и *тихий*, ассоциативных полей стимулов громкий и тихий и соответствующих корпусных данных¹.

2. Основные значения прилагательных *громкий* и *тихий* представлены в авторитетных толковых словарях современного русского языка как противоположные, различающиеся лишь большой или малой интенсивностью звучания и его слышимости. См., например, толкования в МАСе:

---

¹ Здесь и далее стимулы обозначаются прямым шрифтом с подчеркиванием.

ГРОМКИЙ 1. «Сильно звучащий, хорошо слышный; противоп. *тихий*».

ТИХИЙ 1. «Слабо звучащий, едва слышный; негромкий; противоп. *громкий*».

Практически так же толкуются основные значения слов *громкий* и *тихий* в БТСК и в ТСРЯ (в ТСРЯ – без приведения антонимов); к толкованиям в БАСе обратимся ниже.

Соотносительность основных значений слов *громкий* и *тихий* проявляется в возможности сочетания их с одними и теми же лексическими обозначениями звучания: *громкий / тихий звук (голос, смех, плач, треск, звон, свист, стон...)*, *громкая / тихая музыка, громкое / тихое гудение* и под. Некоторые ограничения касаются сочетаний с такими обозначениями звучания, в содержание которых уже входит значение определенного уровня интенсивности звука. Например, *громкий вопль, громкий крик*, но не **тихий вопль, *тихий крик*, хотя в художественных текстах и такие сочетания изредка встречаются.

Вызывает интерес то, что при фиксируемом толковыми словарями полном параллелизме основных значений данных прилагательных их производные значения сильно расходятся и не связаны взаимными отношениями противоположности. Это находит выражение, например, в том, что, с одной стороны, узуальны сочетания *громкий скандал, громкая премьера, громкие фразы, громкие заголовки*, но не **тихий скандал, *тихая премьера, *тихие фразы, *тихие заголовки* и, с другой стороны, приемлемы сочетания *тихий город, тихое течение, тихие слёзы*, но не **громкий город, *громкое течение, *громкие слёзы*.

Ситуация звучания в ее языковом выражении может метафорически выступать как коммуникативная и в соответствии с этим предполагать семантические роли Сообщения, Отправителя, Получателя. В производных значениях прилагательного *громкий* акцентирована, как представляется, роль Получателя информации; он включен в представление о соответствующей ситуации как адресат или как «непрямой адресат», планируемый наблюдатель. Ср.: ГРОМКИЙ 2: «Получивший широкую известность, огласку. *Громкий успех. Громкая слава. Громкий процесс*» (МАС); ГРОМКИЙ 3: «Напыщенный, многообещающий. *Громкие фразы*» (МАС), то есть специально рассчитанный на воспринимающих, призванный оказать на них влияние.

Производные значения коммуникативного характера реализуются прилагательным *громкий* в сочетании с существительными, которые обозначают создаваемые людьми события (*громкое преступление, громкое дело, громкая дискуссия* и под.) и речевые произведения, тексты (*громкая статья, громкие заголовки, громкое заявление* и под.) как факты. При этом не все получающие широкую известность события с участием людей могут характеризоваться как *громкие* (например, **громкая война, *громкое восстание*), а события природные, даже ставшие широко известными, такую характеристику обычно не получают (**громкое наводнение, *громкое землетрясение, *громкая засуха* и под.).

В производных же значениях прилагательного *тихий* направленность на адресата либо предельно ослаблена, либо вообще отсутствует. Соответственно ослаблено и значение звуковой составляющей в характеристике того, что представляется как «тихое». Ср.: ТИХИЙ 2: «Исполненный тишины, безмолвия. *Тиха украинская ночь...*» (МАС), ТИХИЙ 3: «Такой, где нет шума, большого движения,

суеть» (МАС) – *тихая улица, тихий городок*; ТИХИЙ_4: «Смирный, кроткий, не шумливый, не бойкий. *Тихий ребенок. Тихий нрав*»; ТИХИЙ 5: «Спокойный, не бурный, без ветра, бури и т. п. *Тихая река. Тихая погода*; ТИХИЙ 6: «Медленный, не быстрый. *Тихий ход*» (МАС). Главные компоненты представлений, связанных с производными значениями слова *тихий*, – это сниженная активность и отсутствие направленности вовне, то есть в первую очередь состояние, причем состояние не только человека, поэтому в ряду существительных, в сочетаниях с которыми реализуются производные значения слова *тихий*, находим не только слова типа *человек, старичок, мальчик, радость, грусть, меланхолия* и под., но и *река, заводь, берег, роща, поле, ветер, погода, домик, переулок, утро, вечер, движение, вращение, течение* и под.

Можно сказать, что в явлениях, характеризуемых производными значениями слова *тихий*, отсутствует связь с коммуникацией² и нет того отношения к знанию, фактивности, которое характерно для производных значений слова *громкий*. Таким образом, как будто намечается системное различие производных значений интересующих нас прилагательных, – системное различие, но не противопоставленность, не антонимия по данному признаку: фразеологизация сочетаний, выражающих производные значения слов *громкий* и *тихий* такова, что в области производных значений слова *тихий* нет соответствий производным значениям слова *громкий* и наоборот: в области производных значений слова *громкий* нет соответствий производным значениям слова *тихий*.

Возникает вопрос: почему при явно выраженной в дефинициях толковых словарей полной соотносительности основных значений прилагательных *громкий* и *тихий* их производные значения организуются на столь различных системных основаниях? Что является фактором или факторами, обуславливающими эти различия?

Обратимся к материалам ассоциативных словарей. Ассоциативные реакции на стимулы *громкий* и *тихий* представлены в электронных базах данных Русского ассоциативного словаря [РАС], Сибирского ассоциативного словаря [СИБАС] и Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области [АСШС]. Извлечем из каждой базы по 10 наиболее частотных реакций на данные стимулы³ и сопроводим их показателями относительной частоты каждой из реакций в соответствующих ассоциативных полях. См. табл. 1 и 2.

Хотя материал, представленный в РАС, СИБАС и АСШС, собирался не в одно время, хотя для РАС и СИБАС он был получен от студентов, а для АСШС от школьников, хотя для РАС и СИБАС эксперименты проводились в письменно-письменной форме, а для АСШС – в форме устно-письменной, данные табл. 1 демонстрируют значительную общность этого материала как в целом, так и в деталях, что, с одной стороны, является показателем существенности представленных в нем

---

² Некоторую связь с коммуникацией, но абсолютно негативную, можно усмотреть в выделяемом в БАСе значении ТИХИЙ 11: *Совершаемый тайно, незаметно для других.*

³ Для наших целей достаточно данных о десяти наиболее частых реакциях, а полезные сведения о некоторых менее частых реакциях приведены ниже.

Таблица 1. Реакции на стимул громкий

РАС (студенты)		СИБАС (студенты)		АСШС (ученики 7–11 кл.)	
Реакция	Доля в ассоциативном поле	Реакция	Доля в ассоциативном поле	Реакция	Доля в ассоциативном поле
голос	35,06	голос	21,35	звук	23,49
звук	10,73	звук	21,35	тихий	12,42
тихий	5,75	крик	6,38	голос	8,22
крик	5,56	тихий	6,18	крик	3,86
смех	5,17	смех	5,78	гром	3,69
звонкий	1,92	музыка	3,75	звонкий	3,52
разговор	1,92	шум	3,19	звон	3,36
стук	1,92	плач	1,79	магнитофон	2,18
возглас	1,72	шумный	1,40	смех	2,01
шум	1,34	звонкий	1,00	шум	2,01

ассоциативных связей для языкового сознания и, с другой стороны, подтверждает надежность привлекаемых данных.

Оказалось, что все представленные в табл. 1 реакции-существительные нашей выборки наиболее частотных реакций (*голос, звук, крик, смех, разговор, стук, возглас, шум, музыка, плач, гром, звон, магнитофон*) соответствуют основному значению слова *громкий*, а не какому-либо из его производных. Реакции, связанные с производными значениями слова *громкий*, имеются, но не попали в выборку, так как в ассоциативных полях стимула громкий они являются гораздо более редкими⁴.

Основному значению стимула громкий соответствуют, как можно видеть, и остальные реакции данной выборки. Это реакции-прилагательные: антоним *тихий* (антоним только по значению ГРОМКИЙ 1) и симилары *звонкий, шумный*.

Перейдем теперь к реакциям на стимул тихий (табл. 2). Ассоциативный материал трех баз данных (РАС, СИБАС, АСШС) и здесь демонстрирует свою надежность, поскольку оказывается существенно совпадающим. При этом он поразительным образом отличается от представленного в табл. 1: мы видим не просто другие реакции, что, конечно, предсказуемо, но совершенно другой тип отношения реакций к семантической структуре многозначного слова-стимула.

Если в ассоциативном поле стимула громкий все десять наиболее частотных реакций отсылают к основному значению этого слова, то в поле стимула тихий лишь небольшая часть представленных в выборке частотных реакций (только

⁴ Например, по данным РАС, доля реакции успех в поле стимула *громкий* – всего 0,57%, реакции скандал – 0,38%; в материалах СИБАС доля реакции скандал в поле стимула *громкий* – 0,8%, а реакция успех не отмечена; у школьников 7–11 кл. (АСШС) эти реакции на стимул *громкий* вообще не зафиксированы.

Таблица 2. Реакции на стимул тихий

РАС (студенты)		СИБАС (студенты)		АСШС (ученики 7 – 11 кл.)	
Реакция	Доля в ассоциативном поле	Реакция	Доля в ассоциативном поле	Реакция	Доля в ассоциативном поле
Дон	14,15	Дон	21,40	Дон	12,25
вечер	10,33	океан	9,00	час	9,10
омут	7,46	омут	7,00	человек	9,10
час	5,93	час	5,20	спокойный	6,72
ужас	4,21	спокойный	4,40	вечер	4,35
громкий	4,02	громкий	3,80	день	4,35
океан	4,02	ужас	3,60	ветер	3,56
скромный	3,63	вечер	2,80	громкий	3,56
голос	2,29	голос	2,80	мальчик	3,16
сон	1,72	скромный	2,60	дом	2,77

громкий и *голос* в РАС и СИБАС и лишь *громкий* в АСШС) прямо соотносится со словарным значением ТИХИЙ 1. Более того, и в РАС, и в СИБАС, и в АСШС *громкий* и *голос* – это не самые частые реакции, доля каждой из них в соответствующих ассоциативных полях не достигает 5 %. Большая же часть реакций в выборке (реакции *вечер*, *день*, *ветер*, *омут*, *час*, *сон*, *дом*, *человек*, *мальчик*, *скромный*, *спокойный*) отсылают не к основному, а к производным значениям стимула тихий: словесные опоры, привлекаемые испытуемыми при осознании стимула тихий, вызывают представление, в котором ослаблена роль звукового компонента; это представление о чем-то спокойном, не интенсивном, не направленном вовне.

Как показывает табл. 2, самая частая из реакций на стимул тихий отсылает к названию романа М.А. Шолохова и/или кинофильма С. Герасимова «Тихий Дон», – к названию, связанному с традиционным поэтическим определением Дона как *тихого* (см., например, у Н.С. Лескова в «Левше»: «*Спрятавши шкатулку, Платов предстал к государю в кабинет и начал поскорее докладывать, какие у казаков на тихом Дону междоусобные разговоры*»). Кроме того, в выборке из РАС и СИБАС представлена и реакция *океан*, составляющая вместе со стимулом еще одно имя собственное, топоним *Тихий океан*, и это, по-видимому, не случайно. На территории России существуют и другие топонимы с компонентом *Тихий* (станция *Тихая* на Сахалине, *Большая Тихая* – река и село на Алтае, село *Тихая Журавка* в Ростовской обл. и др.); особенно часто используют определение *Тихий* в названиях современных коттеджных поселков: *Тихий Берег*, *Тихий Остров*, *Тихая Заводь*, *Тихий Залив*, *Тихая Гавань*, *Тихий Луг*, *Тихие Пруды* и под. с той же мотивацией, что и в сочетаниях *тихий город*, *тихая улица*, *тихая деревня*. Топонимов с компонентом *громкий* не обнаруживается.

Реакция *ужас* (РАС, СИБАС) отсылает к фразеологизму *тихий ужас* и, таким образом, не нарушает общей картины фразеологического характера связей большинства наиболее частотных реакций со стимулом тихий, а подкрепляет ее.

То, что в выборку попали и ассоциативные пары тихий → *громкий* и тихий → *голос*, указывает на наличие в психолингвистическом значении стимула *тихий* компонента, соответствующего основному значению слова *тихий* в его системном (лексикографическом, словарном) представлении, но характеризует этот компонент как менее «актуальный», обладающий меньшим «весом», меньшей «яркостью». Используя терминологию И.А. Стернина, общее различие между наиболее частотными реакциями на стимулы громкий и тихий можно выразить так: в психологическом значении слова *громкий* наибольшей яркостью обладает значение, соответствующее основному словарному (системному) значению данного слова, а в психологическом значении слова *тихий* наибольшей яркостью обладают значения, соответствующие производным, фразеологически связанным значениям слова, хотя представление о собственно звуковом значении слова *тихий* экспериментами также зафиксировано.

Прежде чем оценить обнаруженное расхождение, обратимся к материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В табл. 3 представлены данные о встречаемости сочетаний «*тихий* (полная форма) + N» в основном корпусе НКРЯ на 26.06.2014 г. (объем корпуса – 229 968 798 слов). Выбраны и ранжированы по убыванию абсолютных частот данные о сочетаниях с теми существительными, которые оказались наиболее частыми реакциями на стимул тихий и показаны в табл. 2, а также – с существительным *звук* (реакции *голос* и *звук* – наиболее частотные из отсылающих к основному значению слова *громкий*, поэтому можно было бы ожидать, что именно они будут отсылать и к основному значению прилагательного *тихий*, если верно, что основные значения слов *громкий* и *тихий* различаются лишь местом на положительной или отрицательной части шкалы интенсивности звучания и его воспринимаемости). Кроме того, в таблицу добавлены данные о количестве вхождений искомых сочетаний в форме Им. / Вин. п. ед. ч. и о доле этих сочетаний в общем объеме сочетаний «тихий (полная форма) + N».

Таблица 3.

Представленность сочетаний тихий + существительное в основном корпусе НКРЯ

Ранг	Существительное	Абсолютная частота сочетаний		Доля сочетаний в форме Им/Вин п., ед. ч.
		всего	в том числе в форме Им/Вин п., ед. ч.	
1	океан	1106	215	0,19
2	голос	1047	270	0,26
3	Дон	691	262	0,37
4	вечер	146	86	0,60
5	час	113	76	0,67
6	человек	68	55	0,81
7	день	43	43	1,00
8	звук	73	31	0,42
9	омут	69	8	0,11
10	ужас	49	28	0,57
11	мальчик	44	25	0,57
12	сон	16	16	1,00
13	ветер	44	27	0,61
14	дом	42	16	0,38

Слово *тихий* сочетается с большим кругом существительных семантических групп «звучание» (*звук, шёпот, музыка, скрип* и под.), «место» (*место, пристанище, омут, поселок* и под.), «время» (*час, минута*), «состояние» (*сон, угасание, жизнь, радость* и под.), «действие, движение» (*течение, вращение, подталкивание* и под.). Сочетания с отдельными из них встречаются даже чаще, чем с некоторыми из попавших в выборку (например, словоизменительная парадигма сочетания *тихая погода* имеет в основном корпусе НКРЯ 202 вхождения), но в основном их абсолютные частоты в использованном корпусе НКРЯ на 26.06.2014 г. не превышают 250, поэтому сочетания *Тихий океан* (1106 вхождений), *тихий голос* (1047 вхождений) и *Тихий Дон* (691 вхождение) заметно выделяются на общем фоне. Высокой частоте номинации *Тихий Дон* в основном корпусе НКРЯ (табл. 3) соответствует высокая частотность реакций *Дон* в ассоциативных словарях (табл. 2). Соответствием можно считать и то, что сочетание *тихий звук* предстает в НКРЯ как низкочастотное (см. табл. 3) и реакция *звук* на стимул тихий также не отличается значительной частотой: она вообще не попадает в нашу выборку (доля этой реакции в РАС – 0,76%, в СИБАС – 1,8%, в АСШС – 0,79%).

Существуют достаточно убедительные литературные данные об определенном соответствии между частотой ассоциативных реакций и частотой соответствующих словосочетаний в речи (см., например [Овчинникова 2010]); такое соответствие наблюдается, как видим, и в нашем случае, но оно проявляется не на всём массиве рассматриваемых сочетаний: сочетание *тихий голос* характеризуется высокой частотой в текстах, входящих в основной фонд НКРЯ, но имеет низкие показатели в РАС и СИБАС (2,29 % и 2,80 % соответственно) и вообще не попадает в нашу выборку из материалов АСШС (там его доля – всего 0,79 %); высокочастотная в основном корпусе НКРЯ номинация *Тихий океан* представлена большим количеством реакций лишь в СИБАС, а в выборку из АСШС не попадает (там ее доля в массиве реакций на стимул тихий – 2,37 %).

Понятно, что частота ассоциативных реакций определяется не одним, а множеством различных факторов. Некоторые из них изучены недостаточно, другие вообще еще не выявлены. В частности, не вполне ясно, до какой степени влияет на выбор реакций конкретная грамматическая форма стимула. Так, реакции-существительные на стимул тихий, предъявляемый испытуемым в форме прилагательного ед. ч., Им. п., м. р., в основном также являются словами мужского рода и в соответствии со стимулом имеют форму Им. п., ед.ч. (АСШС: тихий → *друг, дождь, ребенок, лес, мальш, закат, звонок, свет, снег, ученик, шелест*; РАС: тихий → *сон, ход, день, дом, лес, уголок, берег, ветер, дождь, угол, дурак, троечник, зверь* и под.), но среди реакций на этот стимул встречаются и существительные женского и среднего рода (АСШС: тихий → *дорога, ночь, трава, погода*; РАС: тихий → *болото, вода, жизнь, музыка, скорбь, погода* и др.). Факты этого рода могут толковаться по-разному. Во-первых, можно полагать, что стимул-прилагательное в форме ед. ч., Им. п., м. р. осознается испытуемыми как начальная форма слова, представляющая собой все его формы сразу, и что поэтому за реакциями тихий → *дорога, тихий* → *музыка* и под. скрываются обычные отношения синтагматического характера с нарушением согласования лишь на самом поверхностном уровне (обсуждение данной идеи см. в [Караулов 2010]). Во-вторых, по-видимому, ничто не мешает считать,

что реакции типа тихий → *дорога* или тихий → *музыка*, тихий → *трава*, тихий → *скорбь* и под. строятся всё же не на формально-синтагматической, а на тематической основе и их присутствие в ответах не противоречит признанию давно отмеченного факта особенно тесной связи между конкретными грамматическими формами стимулов и формами реакций на эти стимулы. Другими словами, многими испытуемыми стимул тихий осознается, по-видимому, как форма именно ед. ч., Им./Вин. п., м. р. данного прилагательного, а не как слово в совокупности всех его словоизменительных форм. Но в этом случае на выбор реакций должна, по-видимому, влиять не только общая употребительность в речи интересующих нас сочетаний во всех их словоизменительных формах, но и отдельно употребительность конструкций, совпадающих с предъявляемой испытуемым формой слова-стимула.

Данные табл. 3 позволяют оценить данное предположение. Они показывают, что при общей высокой частоте сочетания *Тихий Дон* в основном корпусе НКРЯ почти 40 % его вхождений представлены именно в форме ед. ч., Им./Вин. п., м. р., тогда как доли форм ед. ч., Им./Вин. п., м. р. даже более частотных в целом сочетаний *Тихий океан* и *тихий голос* составляют лишь 19 % и 26 % соответственно, и это может быть одной из причин того, что реакция *Дон* выступает в ассоциативном поле стимула тихий на первый план, а реакции *океан* и *голос* занимают по частоте более скромное место.

Таким образом, на использованном материале по крайней мере часть линий соответствий между текстовым статусом слов и их ассоциативными связями хорошо прослеживается, но взаимное соответствие ассоциативных данных и словарных дефиниций пока обнаружилось лишь в том, что ассоциативными реакциями подтверждена реальность производных значений слов *громкий* и *тихий*, выделенных лексикографическими источниками: в содержании МАСа, БТСК и ТСРЯ не нашли отражения совершенно определенно диагностируемые ассоциативными данными асимметрия положения основных значений слов *громкий* и *тихий* в семантической структуре этих лексических единиц и, возможно, не столь простая, как это представлено толкованиями, противопоставленность данных значений.

Обратим, однако, внимание на то, что, говоря о громких звуках, мы действительно имеем в виду не только силу их звучания, но и хорошую слышимость. Поэтому необычны фразы **Я плохо (едва) слышу его громкий кашель* или **Я не слышу его громкий кашель*. Их не удастся понять как «едва слышу, не слышу, но опознаю как громкий» и придется осмысливать, включая в смысл высказывания представление о знании: «едва слышу, плохо слышу его кашель, хотя знаю, что он громкий», «ожидая услышать его кашель, о котором знаю, что он громкий, но почему-то не слышу его». В отличие от этого, несомненно, можно сказать *Я слышу его тихое покашливание* и даже *Я хорошо (отлично, превосходно) слышу его тихое покашливание*, так как *тихие* звуки – это вовсе не обязательно «едва слышные» или «плохо слышные» (ср. толкование ТИХИЙ 1 в МАСе, БТСК и ТСРЯ).

См. с этой точки зрения следующие примеры, извлеченные из основного корпуса НКРЯ:

(1) *Я слышал тихий металлический звон – это двугривенный задевал ветки, падая на землю, во тьму* (М. Горький);

(2) *И я слышу тихий разговор, от которого сердце начинает биться сильно и редко* (В. Каверин);

(3) Я был так близок от врагов, что слышал тихий говор, видел, как они носили камень, заваливая ворота, возвышая завалы... (А.А. Бестужев-Марлинский).

(4) Мухин не видел, как она подошла к двери, но в тишине, повисшей на лестничной площадке, он хорошо расслышал тихое жужжание звонка, различимое даже через толстый слой металла и декоративные планки (А. Рыбин).

(5) Новенькая, которая старалась на стоянках держаться возле этих мужчин, поблизости от которых чувствовала себя уверенной и защищённой, не повернула головы, хотя и расслышала тихую реплику (Л. Улицкая).

Громкие звуки полагаются нами не только сильно звучащими, но и одновременно хорошо слышимыми: значительная сила звука и возможность хорошего его восприятия привычно связываются между собой, что и отмечено словарными толкованиями; *тихое* же в качестве характеристики звучания представляется языком как нечто более независимое по отношению к усилиям услышать, как более самостоятельное свойство характеризуемого данным словом явления, и, следовательно, указание на слабую или плохую слышимость не должно входить в словарное толкование основного значения слова *тихий*.

Как известно, «тихое» может ассоциироваться не только с недостаточной для восприятия силой звучания, но также с его нечеткостью, неопределенностью, неразборчивостью. На это указывают следующие, например, контексты (НКРЯ):

(6) За Брагинкой раздался тихий, но внятный свист (К.Г. Паустовский);

(7) Вдруг раздался тихий, но четкий звук лопнувшего стекла: пузырек с микстурой, стоявший на табуретке у кровати, лопнул чуть повыше середины, словно по линейке перерезанный ножом (А. Кузнецов);

(8) Затем раздался очень тихий, но отчетливый звук, и мальчик догадался, что тот, невидимый и непостижимый, тот, который налил себе из графина, – пил воду по ту сторону передачи (Б. Хазанов).

Однако и возможная нечеткость, невнятность «тихого» предстает в речи чаще всего как свойство самого звучания, а не его восприятия. Таким образом, основные значения слов *громкий* и *тихий* не столь симметричны, как это представлено в МАСе, БТСК и ТСРЯ, и более точным оказывается как раз менее симметричное (без указания на «слабую слышимость» *тихого*) толкование основных значений слов *громкий* и *тихий* в БАСе:

ГРОМКИЙ 1: Сильно звучащий, хорошо слышный; звучный.

ТИХИЙ 1: Слабо звучащий, негромкий.

Это, казалось бы, незначительное различие основных значений слов *громкий* и *тихий*, с одной стороны, делает более понятной асимметрию их производных значений, отсутствие связи со знанием и направленности на адресата в производных значениях слова *тихий*; с другой стороны, оно обнаруживает структурно-функциональное соответствие с отмеченным выше несомненным различием в строении ассоциативных полей стимулов громкий и тихий.

3. Таким образом, – и это представляется важным – в рассмотренном случае мы имеем не тождество отдельных компонентов различных по существу явлений (и конструктов), а именно соответствие между ними, не разрушающее их целостности, не ведущее к их отождествлению, но позволяющее выявлять такие их особенности, которые могли бы остаться незамеченными вне анализа, основанного на

предположении о том, что соответствие между речевым употреблением лексики, словарным системно-логическим представлением значений и строением ассоциативных полей не может не существовать.

Мы не утверждаем, будто каждая из особенностей в строении ассоциативных полей тех или иных слов-стимулов может и должна как-то проявляться в системно-логических толкованиях соответствующих слов. Исторически сложившиеся лексикографические традиции накладывают известные ограничения на возможности отражения структурно-функциональных соответствий в системно-логических и психолингвистических решениях и толкованиях. Вместе с тем именно сейчас наблюдается стремление к более полному, вплоть до интегрального, словарному представлению системных связей слов, к более глубокой и гибкой репрезентации их семантики, к более явному отражению словарями личностей носителей языка, к одновременному учету в словарях корпусных и различных экспериментальных данных (см., например, [Апресян 2008; Бутакова 2012; Бутакова, Гуц 2013; Голев 2013; Козырев, Черняк 2014; Стернин 2010 и др.]). Поиски соответствий между семантическими решениями, опирающимися на принципиально различные источники и базовые идеи, могут способствовать развитию данной тенденции.

Литература

Апресян Ю.Д. О проекте активного словаря (АС) русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – М., 2008. – Вып. 7 (14). – С. 23–31.

Бутакова Л.О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. – Омск, 2012. – 128 с.

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н. Ассоциативно-семантический словарь как основа для моделирования ценностных фрагментов языкового сознания носителей языка // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 2(18). – С. 158–173.

Голев Н.Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопросы лексикографии. – 2013. – № 2(4). – С. 48–64.

Гольдин В.Е. К проблеме противоречий между данными толковых и ассоциативных словарей // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. – Саратов, 2009. – С. 247–256.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Естественное общение в искусственных условиях ассоциативного эксперимента // Русский язык сегодня. – М., 2012. – Вып. 5: Проблемы речевого общения. – С. 104–113.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М., 1999. – 382 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М., 2005. – 543 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М., 1999. – 180 с.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М., 2010. – 328 с.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1(5). – С. 5–15.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М., 1969. – 308 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 46-73.

Мартинович Г.А. Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля в русском языке. – СПб., 2008. – 256 с.

Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: автореф. дис. докт. филол. наук. – СПб., 2002. – 32 с.

Овчинникова И.Г. О влиянии частотности коллокации лексем на взаимосвязи единиц ментального лексикона // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 1(7). – С. 26–30.

Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2(12). – С. 57–63.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. – Воронеж, 2011. – 192 с.

АСШС – Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области: электронная версия / Сост. В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартынов. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 1998–2008.

СИБАС – Сибирский ассоциативный словарь // Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2012 гг.) [Электронный ресурс]. URL : <http://adictru.nsu.ru/> (дата обращения 14.05.2014).

РАС-Э – Русский ассоциативный словарь: электронная версия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 20.06.14).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 26.06.2014).

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л., 1950–1965. – Т. 3, 15.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 1, 4.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

БТСК – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.

Е.Б. Чернышова

УДК 81'23

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЦЕНКИ В ОБЫДЕННОМ ЯЗКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье рассматриваются психологические, лингвистические и психолингвистические основы исследования ценностного отражения объективных отношений разных типов, а также представлено содержание оценочного компонента ядра русского языкового сознания, выявленного на материале Русского ассоциативного словаря.

Ключевые слова: ценностное отношение, когнитивная и аффективная оценки, языковые средства выражения оценки, языковое сознание, оценка как компонент ядра языкового сознания.

Elena B. Chernyshova

THEORETICAL BASES OF RESEARCH OF THE ASSESSMENT IN ORDINARY LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The article deals with the psychological, linguistic and psycholinguistic research foundations valuable reflection of objective relations of different types, as well as presents the contents of the evaluation component of the core Russian language consciousness, identified on the material associative Russian dictionary.

Keywords: value attitude, cognitive and affective evaluation, linguistic means of expression evaluation, language consciousness, assessment as a component of the core language consciousness.

Оценка как универсальная категория в течение долгого времени исследовалась в психологии, философии, логике, а в последние десятилетия приобрела особую актуальность в лингвистических и психолингвистических описаниях.

В философии в основе понимания оценки лежат категории «отношение», «отражение», «субъект», «потребность», «объект».

Категория отношения является основой представлений человека о мире, т.к. именно в отношениях между предметами, явлениями и событиями обнаруживаются их свойства. В философской науке выделяют отношения между объектами неживой материи, и эти отношения относят к классу объект-объектных отношений. Человек во всем своем многообразии свойств существует как всякое материальное тело и в связи с этим может вступать с другими предметами внешнего мира в объект-объектные отношения. В то же время как живое, биологическое существо, а также как социальный индивид человек может находиться в принципиально иных отношениях с предметами, другими организмами и индивидами – в субъект-объектных и субъект-субъектных отношениях соответственно. Специфичность этих отношений заключается в активности и избирательности субъекта в отличие от объект-объектных отношений, когда оба взаимодействующих предмета (тела) находятся в равноправном отношении друг к другу.

Фундаментальными отношениями для человека являются отношения между ним и объектами его потребностей. Такие отношения можно обозначить как «потребностные (или ценностные) отношения» [Батурин 1998]. Субъектом потребностного отношения является человек как сложная, открытая, динамическая система, нуждающаяся в непрерывном обмене с окружающей средой энергией и информацией и постоянно изменяющая свое состояние во времени. Также человек представляет собой неустойчивую систему с изменяющимися свойствами. Изменение внутренних свойств системы организма или системы личности человека ведет к изменению внешних отношений, в том числе и к изменению, а также к образованию новых потребностных отношений.

Объектной стороной потребностного (ценностного) отношения может являться все то, что может быть предметом потребностей. Практически любой предмет, а точнее его свойства могут быть связаны с удовлетворением потребностей человека. Попадая в сферу внимания субъекта (человека) вещь вступает с ним в особые субъект-объектные отношения. В процессе такого взаимодействия она превращается в «вещь для нас» и у нее обнаруживается новое свойство: «удовлетворять определенную потребность субъекта». Тем самым, свойство «быть предметом потребности» у природных вещей обнаруживается в отношениях с человеком и зависит от внутренней сущности как данной вещи, так и субъекта, соотносительная сущность которых, позволяет им образовывать потребностные или ценностные отношения.

Важным является и то, что человек может производить новые вещи с заранее задуманными свойствами, которые становятся предметами потребности. В продуктах производства изначально заложена «ценность». Тем не менее в вещах природных и вещах произведенных человеком, взятых вне потребностных отношений, невозможно обнаружить ценностных свойств. Эти отношения нельзя измерить с помощью каких-либо приборов. При этом в аксиологии такие свойства считаются объективными, зависящими от внутренней сущности вещи, но обнаруживающимися лишь в отношении с человеком.

В рамках нашей статьи необходимым представляется пояснить понятие потребности. Традиционно потребность определяется через категории состояния и нужды. Потребность – это «состояние, обусловленное неудовлетворенностью требований организма, необходимых для его нормальной жизнедеятельности, и направленное на устранение этой неудовлетворенности. Потребность предполагает нужду в предмете потребности» [Философский энциклопедический словарь 1989: 518]. На современном этапе развития отечественной философской мысли понимание потребности осуществляется через категории состояния и активности (деятельности). Потребность – «состояние организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом, выражающее зависимость от объективного содержания условий их существования и развития и выступающее источником различных форм их активности» [Новая философская энциклопедия 2010 Т. 3: 302].

В психологии потребность также традиционно определяется через категорию нужды. Потребность – состояние организма, выражающее его объективную нужду в дополнении, которое лежит вне его [Леонтьев А.Н. 1971]. По мнению Н.А. Батурина, потребностное отношение – это отношение субъекта к предмету, а не от-

ношение потребности к предмету, т.к. нужда как «отсутствие чего-либо у человека» не может вступать в материальные отношения, поэтому одной стороной потребностного отношения является «субъект с нуждой», свойства которого отличаются от «субъекта без нужды», с другой – объект, способный удовлетворить данную нужду [Батурин 1998].

Д.А. Леонтьев считает, что определение потребности через недостающие предметы закрывает путь к объяснению сущности самих потребностей. Исследователь предлагает определять потребности через различные формы деятельности, в которых они реализуются, и сами потребности рассматривать в деятельности, а не в предмете. Тем самым потребность определяется Д.А. Леонтьевым как качественно определенная форма отношений субъекта с миром, требующая для своей реализации активности субъекта в форме его деятельности [Леонтьев Д.А. 1992].

От анализа категории «отношение» и объективных видов отношений перейдем к анализу способов и форм отражения этих отношений, что даст нам возможность выявить специфику оценочной формы отражения как одного из способов познания различных видов отношений.

Объективность существования отношений (также как предметов, явлений) позволяет говорить и о возможности их отражения. Вопрос о том, как происходит отражение отношений, в философии решается в ходе познания свойств каждой из сторон отношения, благодаря которым становится возможным установление данного отношения, и лишь затем осуществляется выявление и описание этой связи между сторонами.

Познавательное выявление отношений (или познание отношений) в философии и логике осуществляется на основании специфического мыслительного акта – сравнения. Сравнить значит сопоставить *одно с другим* для выявления возможных отношений. Посредством мыслительной операции сравнения осуществляется упорядочивание и оценивание содержания познанного бытия. Так сравнение объектов по величине порождает представление, а затем и понятие о количественных отношениях; по расположению в пространстве – о пространственных, по времени – о временных и т.п. отношениях. На основе сравнения объектов возникает суждение об их сходстве или различии. Для осуществления данной познавательной операции обязательным является наличие у субъекта основания сравнения или признака, по которому происходит выявление возможных отношений между сравниваемыми объектами. Для познания отношения необходимо выявить, установить все члены отношения, входящие в его структуру. Характер выявленных отношений предопределяется знанием сторон отношения (или знанием свойств объектов).

Различают оценочную и безоценочную (вне-оценочную) форму отражения отношений. Безоценочная форма познания отношений (обычное познание) принадлежит к типу объект-объектных, и сравнение производится между двумя отдельными объектами. Частным случаем безоценочного познания отношений является сопоставление объекта с другим единичным объектом, который используется как эталонный. При этом если сравнение объекта осуществляется с измерительным эталоном (общепринятой мерой), то выявление отношения равенства переходит в измерение.

Различают оценочную форму познания объект-объектных отношений (или

оценку в широком понимании) и оценочную форму отражения субъект-объектных и субъект-субъектных отношений (или оценку в узком понимании).

В широком понимании оценка – это отражение отношений между объектами, внешними для субъекта познания. Одной из сторон отношения выступает предмет или его свойство (т.е. объект оценки), с другой – представление об эталонном или усредненном предмете. По мнению П. Фресса, в основе такого рода оценок лежит реакция субъекта на воспринимаемые стимулы, которая заключается в характеристике величины стимула за счет его соотнесения с представлением о привычной или обычной величине этих свойств [Фресс 1978]. Эту оценку человек использует в том случае, когда нужно описать величину предметов, временную длительность, интенсивность ощущений и т.п.

В узком понимании оценка – это отражение потребностных (ценностных) отношений, принадлежащих субъект-объектному и субъект-субъектному типу.

В психологии важным является «признание в качестве оценок и таких форм отражения отношений, которые не связаны только с познанием ценностных отношений» [Батурин 1998: 122]. Это исключает разрыв, образующийся между оценкой (в узком смысле) и другими формами познания, и отрицание ее когнитивной функции, что важно для нашего исследования. По мнению Н.А. Батурина, оценка по своей природе является когнитивной формой познания, т.к. исходит из одного «корня» с познавательными актами установления любых видов отношения, которые обнаруживаются в самых простых формах мыслительных операций [Батурин 1998].

Рядовой субъект может осуществлять отражение объективных отношений, как на когнитивном, так и на эмоциональном уровне. Л.М. Веккер считает, что отражение некоторых типов отношений начинается уже на этапе восприятия и в актах представлений [Веккер 1981]. Основная часть отношений познается с участием мыслительных операций.

Различают когнитивный и аффективный способы отражения объективных отношений в зависимости от процесса, лежащего в основе акта оценки, в рамках которого происходит сравнение объекта оценки с мыслительным или эмоциональным основанием. В зависимости от формы выражения оценки (оценочное суждение или оценочное переживание) выделяют две формы выражения оценок – вербальную и аффективную.

Кратко рассмотрим вопросы познания потребностных (ценностных) отношений на когнитивной основе. Здесь важно различать два варианта познания потребностных отношений: 1) познание отношений «со стороны», т.е. другим субъектом; 2) познание отношений «изнутри», т.е. тем же самым субъектом, являющимся одной из сторон отношений. Опуская анализ специфики объективных потребностных отношений, опишем механизм их отражения на когнитивной основе. В основе любого оценочного отражения отношений лежит акт сравнения предмета с основанием. Для описываемых способов отражения отношений когнитивным основанием является представление (знание) о классе предметов, способных удовлетворить потребность (нужду). Осознание связи между потребностями и предметами, которые их удовлетворяют, «устанавливается в практическом действенном опыте удовлетворения этих потребностей» [Рубинштейн 1946: 507]. У субъекта должна быть своеобразная точка отсчета для проведения сравнения знаний о классе предметов

потребности с конкретным предметом. Важно отметить, что такое знание замещает при отражении субъектную сторону потребностных отношений, т.к. только в таком виде становится соотносимой с соответствующим свойством предмета оценки.

Эмоциональный способ познания потребностных отношений является более древним способом психического отражения, чем когнитивный. Прежде чем дать характеристику этому способу отражения, укажем на его отличие от собственно эмоционального отражения ценностных отношений (или эмоции).

Различают отражение потребностных отношений на собственно эмоциональном уровне, которое выражается в форме переживаний (безоценочное), и отражение отношений, имеющих оценочную функцию. Обсуждение данного вопроса имеет определенное значение для нашего исследования. Отражение отношения, происходящее напрямую через переживание, является эмоцией. Если такое отражение происходит путем сравнения объекта потребности с аффективным основанием, то это – аффективная оценка.

Оценки, базирующиеся на эмоциональной основе, имеют аффективное основание, под которым понимается «эмоциональное знание» о совокупности предметов, объединенных в так называемый «класс». Назвать такую совокупность предметов «классом» нельзя, т.к. она представляет собой случайный набор помеченных определенными переживаниями предметов, но не упорядоченный «класс». Из этого случайного набора невозможно выделить усредненное знание (представление) о предмете или его свойстве. Второй особенностью оценок, имеющих аффективное основание, заключается в непосредственной связи с актуальной потребностью, и ее характер в свою очередь связан с конкретной ситуацией.

Таким образом, оценивание – это процесс выявления объективных отношений разного типа, а оценка, являясь результатом оценивания, считается специфической формой их отображения. Необходимо подчеркнуть, что оценка понимается нами вслед за Н.А. Батуриным как отражение отношений, а не отражение свойств объекта оценки или потребностей человека [Батурин 1998]. Такое понимание оценки дает преимущество при объяснении изменчивости и неверифицируемости оценок, и как следствие неприменимости к ним критерия истинности.

Необходимым признаком любой оценки является использование основания и оценочная форма отображения потребностных отношений. В зависимости от процесса, в ходе которого происходит сравнение объекта оценки с основанием – эмоциональным или мыслительным, выделяют два способа выявления потребностных отношений (или способа оценивания): аффективный и когнитивный. А в зависимости от формы выражения результатов отражения потребностных отношений, а именно оценочного переживания или оценочного суждения, различают две формы выражения оценок: аффективные и вербальные.

В нашей работе, в отличие от психологических исследований, мы рассматриваем вербальные оценки, исходящие из когнитивного основания, и вербализованные оценки, в основе которых лежит эмоциональное переживание.

В своем исследовании оценочной функции психики Н.А. Батурин указывает на тот факт, что изучение потребностных отношений осложняется «за счет путаницы, которую вносит выражение буквально одними и теми же словами отношений, установленными разными способами, при переводе в вербализованную форму» [Батурин 1998: 142].

Возникает вопрос о том, 1) какие средства есть в языковой системе для выражения оценки и 2) какими языковыми средствами пользуется усредненный носитель языка для выражения оценки предметов, событий, явлений действительности. Рассмотрение этого вопроса имеет лингвистический и психолингвистический аспект.

Оценочные средства в русском языке представлены практически на всех его уровнях. Самыми важными в функциональном отношении являются общеоценочные слова. Среди других уровневых средств выражения оценки важную роль играют морфемы (суффиксы и приставки). Основными семантическими сферами в языке, представленными словами с оценочным компонентом, являются: 1) «Человек»; 2) «Мир природы»; 3) «Предметный мир». Исследование Л.Г. Смирновой лексики современного русского языка позволило выявить достаточно большой объем языковых единиц с оценочным компонентом значения, включающий «более пяти тысяч существительных, четырех тысяч прилагательных, четырех с половиной тысяч глаголов, четырех тысяч наречий, семисот междометий и междометных выражений, четырехсот служебных слов (всего более восемнадцати с половиной тысяч) [Смирнова 2013: 7].

Оценка в достаточной мере исследована в лексико-семантической системе языка (Л.В. Васильев, Н.А. Лукьянова, В.Н. Телия, Е.М. Вольф, И.А. Стернин, Н.Д. Арутюнова, Л.А. Киселева, В.И. Шаховский, Ю.Д. Апресян, Г.Н. Скляревская, Т.В. Писанова, Л.Г. Смирнова и др.), но остается мало изученной в плане соотношения языковых и психологических категорий.

Именно психолингвистический анализ оценки как функции сознания позволяет ответить на вопрос о том, какие знаки из всей наличной системы языка использует субъект (в нашем случае носитель русского языка) для выражения познанных ценностных отношений и каково содержание этих знаков в сознании носителей языка.

Рассмотрение языка с позиций обыденного сознания усредненного носителя является одним из аспектов его изучения в Московской психолингвистической школе. Для описания содержательной стороны речевых процессов в Московской психолингвистической школе было введено понятие языкового сознания. Под языковым сознанием понимается совокупность образов сознания (знаний), овнешненных языковыми знаками. Тем самым языковое сознание представляет собой форму (способ) овнешнения социокультурного (жизненного) опыта носителя языка.

Овнешняются не только те знания, которые связаны с познавательной деятельностью, но и деятельностью, отличающейся от познания своими целями, средствами и мотивами – оценочной деятельностью. Как мы уже отмечали, оценка как функция сознания заключается в отражении объект-объектных, субъект-объектных и субъект-субъектных типов отношений. В психолингвистическом понимании оценка – это отражение объект-объектных, субъект-объектных и субъект-субъектных типов отношений и оречевление результатов оценочного познания с помощью языковых средств.

Для исследования оценочной составляющей русского языкового сознания мы обратились к анализу его ядра. Под ядром языкового сознания понимают «совокупность слов, имеющих наибольшее число связей с другими словами в ассоциативно-

вербальной сети, которая строится по результатам массового ассоциативного эксперимента с достаточно большим числом испытуемых (от 100 до 1000)» [Уфимцева, Тарасов 2009: 26].

Анализ ядра языкового сознания по материалам Русского ассоциативного словаря [Русский ассоциативный словарь 2002] показал, что в нем содержится 530 слов с показателями входящих связей более 100. (Список ядерных единиц см. в [Чернышова 2014]).

Слова, входящие в ядро, являются наиболее емкими единицами лексикона, имеющими максимальную ассоциативную силу, т.е. представляют особое значение для испытуемых носителей данного языка. Кроме того, лексемы, входящие в ядро языкового сознания, являются ключом к пониманию особенностей культуры народа, пользующегося данным языком. Поэтому анализ ядерных единиц с аксиологическим значением открывает возможность выявления системы ценностей представителей той или иной культуры.

Традиционно для выявления той или иной семантической зоны ядра языкового сознания используют метод построения семантического гештальта (Ю.Н. Караулов, Н.В. Уфимцева, И.Ю. Марковина, И.В. Данилова, А.П. Боргоякова, С.Г. Незговорова, Н.С. Сергиева и др.).

Ю.Н. Караулов под семантическим гештальтом понимает структуру, воплощающую аспект языкового сознания, связанный с отражением носителем языка окружающей реальности. Семантический гештальт состоит обычно из 7 ± 2 зон, в которых объединяются типичные для данного языкового сознания признаки предмета, понятия, явления. В частности, исследователем в ходе сопоставления ядер русского и испанского языкового сознания были построены семантические гештальты. В каждом гештальте присутствует зона оценки («оценка мира»). Приведем содержание оценочной зоны ядра русского языкового сознания, выделенной Ю.Н. Карауловым на материале «Ассоциативного тезауруса русского языка». Зона «ХОРОШО – ПЛОХО»: *нет, есть, большой, маленький, хороший, плохой, все, ничего, быстро, много, очень, далеко, старый, всегда, вместе, нельзя* [Караулов 2000]. Зона оценки по суммарной частоте составляющих ее слов находится на втором месте после зоны «Человек».

А.П. Боргоякова в процессе сопоставления ядер русского и хакасского языкового сознания (на материале Хакасского ассоциативного словаря, Русского ассоциативного словаря, Славянского ассоциативного тезауруса) выделила восемь зон семантического гештальта. Из них зона ХОРОШО – ПЛОХО имеет второе место по количественным показателям и состоит из следующих ядерных единиц: *хорошо, плохо, нет, есть, добро, зло, хороший, всегда, много, все* [Боргоякова 2002].

В исследовании Н.С. Сергиевой представлен семантический гештальт на материале 1-го слоя ядра языкового сознания, выделенного на материале Русского ассоциативного словаря. Зона оценки ХОРОШО – ПЛОХО располагается на первом месте по суммарному количеству входящих связей, которую автор определяет как довольно расплывчатую по структуре и диффузную по содержанию. Данная зона включает такие слова: *плохо, хорошо, нет, есть, большой, хороший, плохой, много, все, красивый, красный, старый*. При добавлении единиц второго слоя ядра языкового сознания, по мнению исследователя, «происходит не просто количественное

«наращение» всех зон гештальта, но и усложнение структуры внутри отдельных зон» [Сергиева 2009: 252]. Тем самым зона оценки представлена такими ядерными единицами, как: *хорошо, плохо, хороший, плохой, нет, есть, большой, маленький, умный, глупый, много, очень, все, красивый, старый, сильный, красный, белый, черный, зеленый*. Как видим, в зоне ХОРОШО – ПЛОХО Н.С. Сергиева выделяет подзону ЦВЕТ [Сергиева 2009].

Н.В. Уфимцева, рассматривая содержание ядра русского языкового сознания на материале Русского ассоциативного словаря, выделяет его части: «Персоналии», «Реалии», «Оценки», «Качества», «Действия». Часть ядра «Оценки», выявленного Н.В. Уфимцевой, состоит из следующих элементов: *плохо, хорошо, много, быстро, всегда*, а часть ядра «Качества» включает слова: *большой, хороший, плохой, старый, умный, сильный, маленький* [Уфимцева 2009].

В процессе исследования ядра языкового сознания школьников А.П. Сдобнова выделяет следующие смысловые зоны: «Человек», «Оценка», «Деятельность», «Жизнь», «Природный и животный мир», «Цвет». В семантическую зону «Оценка» исследовательница включила общеоценочные, параметрические, количественные, частнооценочные единицы: *большой, маленький, хороший, плохой, хорошо, плохо, умный, ум, дурак, красивый, сильный, добрый, быстро, много, нет* [Сдобнова 2007].

Как видим, расхождения в содержании зон ядра русского языкового сознания не столь велики. Это различие можно объяснить разным содержанием ассоциативного материала, по которому строились гештальты.

Для нас важным является факт включения/невключения в оценочную зону тех или иных ядерных единиц. Анализ содержания представленных выше зон, показывает, что в психолингвистических исследованиях оценка понимается в широком значении, т.е. в качестве оценок признаются и такие формы отражения объективных отношений, которые связаны с познанием не только ценностных отношений, но и пространственных, временных, квантитативных и др. отношений. Например, слова, называющие цвет: *красный, белый* и др. (Н.С. Сергиева), пространственные отношения: *большой, маленький, далеко* (Н.С. Сергиева, Ю.Н. Караулов, А.П. Сдобнова), количественные отношения: *много* (Н.С. Сергиева, Ю.Н. Караулов, А.П. Боргоякова, Н.В. Уфимцева, А.П. Сдобнова), временные отношения: *быстро, всегда* (Ю.Н. Караулов, Н.В. Уфимцева).

В своем исследовании ядра русского языкового сознания по материалам Русского ассоциативного словаря Н.С. Сергиева утверждает, что при дальнейшем лексическом «наращивании» за счет 3-го, 4-го и 5-го слоев языкового сознания гештальт перестает существовать как целостное образование.

В данной статье мы предпринимаем попытку выявить и описать оценочный компонент ядра русского языкового сознания на материале всех его слоев, используя экспериментальные данные Русского ассоциативного словаря (РАС, 2002).

Для реализации этой задачи из 530 ядерных единиц нами были выделены 120 слов, выражающих согласно психологической теории оценок ценностные отношения типа: объект – объект, субъект – объект и субъект – субъект.

Ядерные единицы, входящие в семантическую зону «Оценка», можно разделить на три группы:

- объект-объектная оценка (оценка в широком понимании);

- субъект-объектная оценка (собственно оценка);
- субъект-субъектная оценка (собственно оценка).

Объект-объектная оценка – это отражение объект-объектных отношений путем сравнения объекта с оценочным основанием (совокупностью представлений субъекта о классе объектов, в который входит оцениваемый объект). Результат этого отражения выражается в форме оценочного суждения «Объект X – маленький». Здесь необходимо вслед за Н.А. Батуриным указать на такое противоречие: в вербальной форме оценка объект-объектных отношений сходна с «суждением свойства», в то время как в логике «суждение отношений» обозначается трехчленной формулой «aRb» [Ивин, Никифоров 1998]. С точки зрения логики оценка, например, длины объекта должна выражаться в таком трехкомпонентном суждении: «X длиннее, чем обычно бывают объекты данного класса». Реально в речи данное суждение заменяется более простым: «Объект X – длинный». Редукция оценочного суждения связана, по мнению Н.А. Батурина, с субъектоцентризмом и субъектометризмом представлений о мире [Батурин 1998].

Представим перечень ядерных оценочных единиц данной группы (в скобках указано количество входящих связей): *большой 662, много 419, большая 411, быстро 362, старый 303, далеко 281, сильный 279, долго 276, всегда 275, маленький 257, толстый 206, длинный 200, ничего 196, тепло 191, полный 189, мало 188, грязный 181, один 181, высокий 174, сильно 174, тупой 169, новый 162, трудно 160, тяжелый 149, первый 148, навсегда 144, большое 143, молодой 143, старая 137, огромный 134, рядом 133, маленькая 128, быстрый 124, громко 121, пустой 118, чистый 118, крутой 116, тяжело 116, малый 114, тихо 114, холодно 114, здесь 113, мягкий 112, никогда 111, холодный 111, темно 109, длинная 105, крепкий 105, скоро 104, вверх 103, темный 103, теплый 102, богатый 101, грязная 101, светлый 101, полная 100* (всего 56 слов).

Субъект-объектная оценка – это отражение субъект-объектных ценностных отношений путем сравнения объекта с оценочным основанием (совокупностью представлений субъекта о классе тех или иных объектов, удовлетворяющих данную потребность).

Вторая группа (собственно оценка): *плохо 677, хорошо 665, хороший 425, красивый 385, плохой 371, красивая 212, красиво 196, красота 186, страшный 182, веселый 181, весело 171, хорошая 164, трудно 160, ерунда 157, класс 157, гадость 153, любимый 153, приятно 136, дрянь 135, плохая 134, ужасный 132, интересно 131, страшно 128, интересный 127, люблю 124, дорогой 122, противный 120, нужно 118, крутой 116, здорово 115, лучше 112, прекрасный 112, чушь 112, страшная 109, бред 108, вкусно 107, прекрасно 105, вкусный 101, милый 101, хорошее 100* (всего 40 слов).

Субъект-субъектная оценка – это отражение субъект-субъектных (социальных) ценностных отношений путем сравнения субъекта, его деятельности с оценочным основанием (совокупностью знаний о социальном эталоне, норме, стандарте, соответствующей социальной потребности).

Третья группа (собственно оценка): *плохо 677, хорошо 665, дурак 552, хороший 425, красивый 385, плохой 371, умный 283, глупый 251, нельзя 234, козел 226, надо 226, не надо 222, красивая 212, идиот 209, красиво 196, красота 186,*

страшный 182, веселый 181, весело 171, злой 169, тупой 169, добрый 164, хорошая 164, трудно 160, класс 157, зря 155, гадость 153, любимый 153, приятно 136, дрянь 135, плохая 134, гад 133, молодец 132, ужасный 132, герой 131, интересно 131, страшно 128, зло 127, интересный 127, люблю 124, урод 123, дорогой 122, противный 120, нужно 118, крутой 116, здорово 115, лучше 112, прекрасный 112, страшная 109, прекрасно 105, сволочь 105, милый 101, хорошее 100, несчастный 110 (всего 54 слова).

При отнесении многих ядерных единиц к той или иной группе мы испытывали некоторые затруднения, связанные с комплексностью содержания оценочных слов. Это объясняется тем, что в общей оценке может содержаться совокупность оценок частного типа [Арутюнова 1998]. Подобные слова включены в несколько групп и обозначены полужирным курсивом.

Как видим, по количественному составу данные группы имеют примерно равный объем. Анализ содержания групп показал, что первая группа оценочных слов (оценка в широком понимании) имеет меньшее количество «совпадений». Только ядерные единицы *тупой*, *крутой* входят также и в другие группы, т.е. эти языковые знаки могут быть использованы для выражения результатов отражения как объект-объектных, так и субъект-объектных, субъект-субъектных отношений. Наибольшее сходство мы наблюдаем в языковом выражении оценочного отражения субъект-объектных и субъект-субъектных отношений, что позволяет говорить о подобию процессов отражения этих двух видов.

С лингвистической точки зрения оценочные слова – это слова с ценностным аспектом значения. В одних словах оценочный компонент составляет их основное лексическое содержание, в других данный компонент является одной из составляющей семантической структуры слова. Традиционно в лингвистике оценочные слова отделяют от слов, выполняющих только номинативную функцию, например: *ты*, *трудиться*, *сыр*, *мир*, *вслепую* и др.

Между тем ассоциативные характеристики этих слов, имеющие, по мнению А.А. Леонтьева, единую психологическую природу с их семантическими характеристиками, позволяют эксплицировать в их психологической структуре значения оценочный компонент [Леонтьев А.А. 2007].

Например, в ассоциативном поле стимула **СЫР** можно выделить такие оценочные реакции: *вкусный 26; вкусно 6; плохой 3; не люблю 2; аппетитный, вкусная вещь, вкусный молочный продукт, вкусно, невкусно, невкусный, очень вкусный, полезно, приятно, хороший 1* (цифрой после слова указана частота встречаемости). В ассоциативное поле стимула **ТЫ** входят следующие оценочные реакции: *хороший 11; дурак 8; молодец 6; идиот, подлец, хорошая 4; прелесть 3; плохой, сволочь, умный 2* и другие единичные реакции. Ассоциативное поле стимула **ТРУДИТЬСЯ** включает как аксиологические, так и деонтические оценочные реакции: *хорошо 5; надо, ударно 3; вкалывать, впустую, добросовестно, не надо 1*. (Примеры приведены из Русского ассоциативного словаря 2002).

По мнению Ю.Н. Караулова, «оценке подлежит все» [Караулов 1999: 32], поэтому оценочное отношение к реалиям фиксируется практически в каждом ассоциативном поле ассоциативно-вербальной сети.

Выводы

1. В философии оценка признается как особая форма познания, т.к. любая деятельность реального субъекта связана с его интересами, желаниями, потребностями. Основными функциями оценки с точки зрения философской мысли являются: 1) отражение ценностных свойств объектов, которые включены в деятельность субъекта; 2) выражение с помощью вербальных и невербальных средств субъективного отношения человека к действительности; 3) регуляция его практической деятельности. В философии в основе понимания оценки лежат категории «отношение», «отражение», «субъект», «потребность», «объект». Различают объект-объектные, субъект-объектные и субъект-субъектные типы объективных отношений.

2. В психологии оценка как процесс (или оценивание) рассматривается в качестве психического процесса отражения объект-объектных, субъект-объектных и субъект-субъектных объективных отношений. Данное отражение (познание) происходит в процессе сравнения объекта оценки и оценочного основания, которое представляет собой совокупность знаний о классе объектов, удовлетворяющих данную потребность. Итогом такого процесса является оценка как результат, которая в зависимости от способа отражения отношений может выражаться вербальными и невербальными знаками, эмоциональными переживаниями или изменением взаимодействия со средой.

3. В лингвистике в круг основных задач исследования оценки входят как анализ общих вопросов семантики оценки, изучение специфики основных элементов оценочной структуры, так и определение ее функциональных особенностей в речи. Основное внимание ученые-лингвисты уделяют проблеме оценочных значений и способах их выражения в языке. В связи с тем, что сема оценочности может занимать разные позиции в семной структуре, всю лексику, выражающую оценку, можно разделить на два крупных блока: оценочную лексику и лексику с оценочной коннотацией. Слова, всё понятийное содержание которых сводится к оценке, занимают ядерное положение в системе языковых оценочных средств. Основными средствами выражения оценки в русском языке являются словообразовательные, лексические и синтаксические языковые знаки.

4. Если в лингвистике исследуются категория оценки и языковые средства ее выражения, то в психолингвистике рассматриваются как общие проблемы отражения языковой структуры в сознании индивида и, в частности, системы языковых знаков, выражающих категорию оценки, так и способы овладения оценочными средствами языка в онтогенезе. Традиционно изучение оценки осуществляется на различном языковом материале. Анализу подвергаются текстовые и словарные источники, отражающие языковую и речевую реализацию категории оценки. Исследование оценки на ассоциативном материале представляет собой малоизученную область теории языка. Выделение ядра языкового сознания и его семантическое структурирование на материале ассоциативного словаря позволяет выявить оценочный компонент в содержании константных единиц. Ядерные единицы, входящие в семантическую зону «Оценка», можно разделить на 3 три группы: 1) оценка объект-объектных отношений (оценка в широком понимании); 2) оценка субъект-объектных отношений; 3) оценка субъект-субъектных отношений. Между тем оценочный компонент эксплицируется не только в содержании оценочных слов, но и

в психологической структуре значения неэмоциональных (с точки зрения лингвистики) слов, т.к. категория оценки является универсальной для образа мира носителей любого языка и культуры. Оценка содержится повсюду, где происходит какое-либо соприкосновение субъекта с объективным миром [Колшанский 1975].

Повышенное внимание современных лингвистов и психолингвистов к аксиологическому аспекту языковой картины мира человека обусловлено необходимостью получения данных об оценочности как языковой категории и оценочных смыслах в сознании наивных носителей языка, что позволяет моделировать оценочную составляющую языковой картины мира, а сведения об оценочных смыслах в сознании людей разного пола и возраста дают возможность составить полное представление об основных тенденциях развития языкового сознания человека в целом.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Батурин Н.А. Оценочная функция психики: дис...док. философ. наук. – С-Пб., 1998. – 383 с.

Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан: На материале ядра языкового сознания: дис... канд. филол. наук. – М., 2002. – 181 с.

Веккер Л.М. Психические процессы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – Т. 3. – 326 с.

Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике – М.: Гуманитарный издательский центр Владос, 1998. – 384 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.

Караулов Ю.Н. Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – 320 с.

Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 232 с.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: КомКнига, 2007. – 216 с.

Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. – М.: МГУ, 1971. – 40 с.

Леонтьев Д.А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал / Ред. А.В. Брушлинский, И.О. Александров, И.И. Чеснокова. – 1992. – Том 13. – № 2. – С. 107-117.

Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. Т. 3. 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – 694 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Учпедгиз, 1946. – 704 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н.Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 784 с. Т. II. От стимула к реакции. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.

Сдобнова А.П. Ядро языкового сознания школьников: функционально-семантическая структура // Языковое сознание: парадигмы исследования. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М. – Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С. 169-192.

Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании: дис... канд. филол. наук. – М., 2009. – 420 с.

Смирнова Л.Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты: дис... док. филол. наук. – Смоленск, 2013. – 50 с.

Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. – 2009. – № 4 (8). – С. 98-112.

Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 2 (10). – С. 22-29.

Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – 2. изд. – Москва: Советская энциклопедия, 1989. – 840 с.

Фресс П. Восприятие и оценка времени // Экспериментальная психология. – М.: Прогресс, 1978. – С. 88-135.

Чернышова Е.Б. Структура и содержание ядра русского языкового сознания: квантитативный аспект // Семантико-когнитивные исследования. Выпуск 5. – Воронеж: Истоки, 2014. – С. 47-51.

И.В. Кирсанова

УДК 81

**ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ «КОНТР-ТЕКСТА»
КАК ЭЛЕМЕНТ СМЫСЛОБРАЗОВАНИЯ В ТЕОРИИ ТЕКСТА
И СМЫСЛА**

В статье описываются результаты экспериментального исследования, направленного на изучение процессов восприятия и понимания с использованием методики «встречного текста», предложенной А.И. Новиковым. Анализируются данные, представленные в виде индивидуальных реакций реципиентов, возникающих при чтении и осмыслении текстовой информации, которые в совокупности составляют «контртекст». Классификация полученных реакций и их особенности приводят к выводу о том, что «эмоциональная составляющая» играет важную роль в процессах смыслообразования.

Ключевые слова: контртекст, индивидуальные реакции реципиентов, процессы понимания, восприятие и интерпретация информации, механизмы смыслообразования, эмоциональность, релятивные реакции, мнение, оценка.

Inna V. Kirsanova

**EMOTIONAL CONSTITUENT OF “COUNTER-TEXT”
AS A MEANING PRODUCING ELEMENT IN TEXT AND MEANING
THEORY**

The article is devoted to the results of psycholinguistic research aimed at studying perception and comprehension mechanisms. Using the method originally suggested by A.I. Novikov the individual recipients' reactions have been analyzed. These reactions constitute the so-called “counter-text”. The experimental results and their classification reveal the unique character of emotional constituent in the process of meaning generation.

Keywords: counter-text, individual recipients' reactions, perception and comprehension, sense generation, emotiveness, relative reactions, opinion, evaluation.

Многоаспектность современных подходов к изучению процессов понимания и порождения речевых произведений, а также закономерностей функционирования речемыслительных механизмов свидетельствует о возрастающем исследовательском интересе к проблеме (см. обзоры теоретических и экспериментальных работ: [Залевская 2001, 2005], [Сорокин 2008]). Со временем не теряют своей актуальности и попытки моделирования процессов понимания. Изучению ментальных процессов и структур посвящены научные изыскания, осуществленные в русле «психолингвистики текста» [Новиков 2007; Нестерова 2009; Пешкова 2009, 2010, 2013]. Научные исследования в рамках психолингвистической парадигмы и концепция «смысла» и «текста» А.И.Новикова послужили методологической базой нашей теоретико-экспериментальной работы, направленной на изучение особенностей процесса восприятия и понимания научно-популярного текста. Следует отметить,

что использование методики «встречного текста», разработанной А.И. Новиковым [2003], позволяет исследовать как общие механизмы смыслового восприятия, так и индивидуальные стратегии понимания текста. Использование этой методики на различном текстовом материале, на наш взгляд, помогает получить достаточно объективную с точки зрения типологии текста картину. Ранее теоретико-экспериментальные исследования проводились на материале художественного и научного типов текста [Новиков 2002-2004]. Мы остановили свой выбор на научно-популярном тексте (с преобладанием элементов рассуждения и описания). Позднее в диссертации Я.А. Давлетовой, посвященной изучению особенностей понимания библейского текста, была успешно предпринята попытка исследования, с одной стороны, особенностей процессов понимания и, с другой – языкового сознания реципиентов как составляющих единого процесса понимания [Давлетова 2012]. Таким образом, представляется возможным проведение сравнительно-сопоставительного анализа всего полученного материала с целью изучения сложностей проблем понимания информации, представленной в письменной форме.

В соответствии с предложенной А.И. Новиковым методикой участники психолингвистического эксперимента сами фиксировали свои «реакции», или все то, что, по определению автора методики, возникает в их сознании, после прочтения каждого предложения текста. Поясним, что реакции могут быть в форме отдельных слов или предложений, описывающих возникающие в сознании образы, ассоциации, а также целых высказываний, обобщающих и интерпретирующих информацию исходного предложения. Хотя участникам эксперимента предлагалось регистрировать свои реакции последовательно, «не забегая вперед», допускалась интерпретация нескольких предложений, если они составляли смысловое единство.

Таким образом, предметом нашего исследования послужили вербализованные индивидуальные реакции, регистрируемые реципиентами в процессе чтения научно-популярного текста. По мнению А.И. Новикова, совокупность этих реакций представляет собой «встречный текст» или «контртекст». Анализируя такие реакции (представленные в вербальной форме), мы пытаемся извлечь глубинные (когнитивные) структуры, представленные структурами поверхностными или языковыми.

В нашем эксперименте приняли участие сто испытуемых, студентов технического университета, в возрасте 18-20 лет, что позволило получить 3694 реакции, представляющие собой разнообразные типы, выявленные и описанные в оригинальном исследовании А.И. Новикова.

Основной задачей нашего эксперимента являлось построение модели понимания научно-популярного текста с опорой на выявленные механизмы его восприятия и интерпретации. Модель строилась на основе полученных индивидуальных реакций реципиентов. Эти реакции составили «встречный текст».

Проведенный психолингвистический эксперимент по выявлению индивидуальных стратегий понимания речевого произведения включал в себя несколько этапов (предварительно-подготовительный этап и сам эксперимент) и состоял из двух серий экспериментов. При выборе испытуемых мы руководствовались тем, что студенты уже обладают запасом фоновых знаний, позволяющим адекватно осмыслить текстовую информацию. При этом в большинстве своем это реципиенты, воспри-

имчивые ко всему новому и достаточно гибкие в плане восприятия и осмысления новой информации.

Обе серии эксперимента предполагали групповую форму проведения при сохранении индивидуального темпа выполнения задания. В первой экспериментальной серии задачей испытуемых было написать свою реакцию на прочитанное предложение (указать номер предложения) или его интерпретацию. Во второй серии испытуемые должны были сформулировать общий смысл прочитанного текста, не перечитывая текст и не просматривая информацию, касающуюся интерпретаций предложений.

В настоящей статье мы приведем наиболее значимые результаты этого исследования [Кирсанова 2007] и проведем дополнительный анализ, интерпретируя индивидуальные реакции реципиентов с точки зрения действия эмоционально-оценочных механизмов при восприятии и понимании речевого произведения.

Для понимания проблем, связанных с функционированием механизмов восприятия, на наш взгляд, необходимо обращение не только к когнитивным, но и к эмоциональным характеристикам, отражающим специфику сознания индивидуума. В связи с этим мы полагаем, что изучение эмоциональной составляющей «контртекста» закономерно и необходимо.

Следует отметить, что взаимосвязь интеллектуальных и эмоциональных процессов перестает быть объектом исследования только психологии. Однако, по мнению многих исследователей, остается открытым вопрос о том, насколько тесно связаны мыслительные операции и эмоциональные реакции. Анализируя взаимоотношения эмоций и мышления, необходимо опираться на исследования психологических характеристик мыслительного процесса в целом, роли эмоциональных процессов в деятельности и мышлении.

Особый интерес для нас представляет сам реципиент, воспринимающий текст, его индивидуальный опыт, ментальные и психические особенности, которые, как нам представляется, находят отражение в полученных реакциях.

Как отмечалось ранее, в экспериментальных исследованиях А.И. Новикова использовались такие типы текста, как научный и художественный. В связи с этим особый интерес для нас представлял типологический аспект проблемы, исследование различий в реакциях, возникающих при понимании текстов разных типов, влияние типа текста на стратегии понимания. Нам хотелось выяснить, можно ли говорить о разнице моделей понимания текстов, принадлежащих разным типам. Как показали последующие исследования, одной из главных особенностей моделей понимания текстов разных типов стало соотношение содержательных и релятивных реакций, имеющих отношение к интерпретации содержания текста и формированию индивидуальных смыслов, соответственно [Пешкова 2013].

В процессе обработки экспериментальных данных мы провели количественный и качественный анализ полученных реакций. В результате такого анализа было выявлено 16 типов реакций и определено их процентное соотношение. Эти типы реакций мы обозначили следующим образом: ассоциация, оценка, мнение, перефразирование, ориентировка, прогнозирование, визуализация, инфиксация, интертекст, свободный ответ, аргументация, вывод, умозаключение, предположение, генерализация и, наконец, выявленный нами компликативный тип, представляющий

собой комбинацию реакций разных типов. Мы также обнаружили некоторые новые виды и комбинации реакций, возникающих при восприятии реципиентами двух видов научно-популярного текста, использованных в данном экспериментальном исследовании. Результаты анализа данных, полученных в ходе исследования, представлены в табл. 1.

Таблица 1. Сопоставление количества разных типов реакций

	Реакции, полученные нами при восприятии реципиентами научно-популярного текста	Кол-во	%	Реакции, выявленные в экспериментах А.И. Новикова на материале научного текста в %	
РЕЛАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ	Оценка (<i>в том числе в составе других реакций</i>)	632	25,7	Оценка	19,3
	Мнение	497	15	Мнение	20,8
	Констатация	220	5,6	Констатация	6,3
	Генерализация	154	3,9	Генерализация	2,1
	Свободный ответ	3,6	3,6	Свободный ответ	0,3
	Визуализация	45	1,2		
	Комплективная реакция	42	1,1		
				Интертекст	0,4
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ	Ассоциация	683	18,6	Ассоциация	3,1
	Ориентировка	309	9,7	Ориентировка	13,82
				Аргументация	8,4
	Перевод	209	5,3	Перевод	2,1
	Вывод	194	4,8	Вывод	8,2
				Инкорпорация	4,5
	Предположение	85	2,1		
	Прогнозирование	78	1,8	Прогнозирование	1,1
	Инфиксация	19	0,5		
				Перефразирование	2
			Интертекст	7	
			Интертекст	0,2	
			Всего реакций	3694	
				100	

Вслед за А.И. Новиковым мы сгруппировали все полученные реакции по двум видам – содержательные и релятивные (выражающие отношение к воспринимаемым предложениям). Например, к содержательным реакциям относятся: перефразирование, вывод, умозаключение, генерализация, предположение. По нашим подсчетам, количество релятивных реакций по первому тексту нашего эксперимента, в котором идет речь о возможном контакте с внеземными цивилизациями, существенно преобладает, поскольку предмет обсуждения вызвал у большинства реципиентов эмоциональное отношение [Кирсанова 2007, 2009]. Общее количество релятивных реакций в нашем исследовании составляет 56,2 %. Такие индивидуальные реакции характеризуются наличием оценочных суждений, эмоциональных переживаний, личного мнения.

Преобладание релятивных реакций, как мы полагаем, можно объяснить следующим. Во-первых, научно-популярный текст по своим текстовым характеристикам не относится к «неэмоциональным» типам речевых произведений. Являясь одной из универсальных текстовых характеристик, непосредственно влияющих на процессы восприятия и понимания, категория субъективной модальности присуща научно-популярным текстам. Данные тексты маркированы элементами оценочности и экспрессивности. А.В. Кинцель полагает, что «абсолютная объективность и неэмоциональность» какого-то ни было текста невозможна, так как его создателем является конкретный индивид со своей концептуальной системой [Кинцель 1997: 37].

Делая обзор лингвистических исследований эмоций человека, В.И. Шаховский говорит о том, что, как показывают речевые контексты художественных произведений, «в определенных ситуациях практически любое слово может приобрести эмотивную коннотацию. Она приобретается за счет актуализации скрытых, вероятностных сем эмотивности, их семантических признаков или семных конкретизаторов, потенциально закодированных и свернутых в семантике слова, или за счет наведения сем эмотивности из консоциации на семантику нейтрального слова» [Шаховский 2009:40]. Мы считаем, что это утверждение справедливо и по отношению к текстам научно-популярного типа.

Во-вторых, эмоции читателя являются субъективным психологическим состоянием и находят свое проявление в деятельности любого типа, в том числе в процессах смыслового восприятия текстовой информации. Другими словами, эмоциональная реакция возникает как отклик на любые рода информацию, формирующийся в сознании индивида под воздействием содержания и языковых средств текста. При этом реципиенты реагируют не на все предложение целиком, а выделяют в нем определенные смысловые аспекты. В данном случае смысловые доминанты (по А.И. Новикову) рассматриваются нами как определенные стимулы, вызывающие разные по своему характеру реакции. Различия в выборе смысловых аспектов выражаются в многообразии полученных индивидуальных реакций.

Рассмотрим реакции реципиентов на следующее предложение: «Возможно, источником ее является как раз та **скрытая масса**, из которой, как утверждают теоретики, состоит свыше 90% нашей Вселенной, и которая обладает как раз **отрицательной энергией**». Для многих реципиентов оказались выделенными следующие смысловые аспекты:

- а) отрицательная энергия
  - *Что за отрицательная энергия?* (ориентировка)
  - *Не вызывает желания ее использовать, раз она отрицательная* (вывод)
  - *О боже, она отрицательная!* (оценка)
- б) скрытая масса
  - *Как измерить эту массу?*, – *Ну что за скрытая масса?* (ориентировка),
  - *Темная масса 90%* (перифразирование)
  - *Наверное, к этой массе относится космическая пыль и т.д.* (предположение)
  - *Быть может и возможно создание устройства, ведь в мире все относительно. И такая величина как масса – понятие, связанное с гравитацией Земли. Взять ту же массу на Луне, то показатель станет другим* (компликативная реакция).

Обращаясь к проблемам понимания речевого произведения, А.И. Новиков неоднократно подчеркивал, что семантику текста «составляет мыслительное образование, которое соответствует непосредственному результату понимания. Этот результат существует в виде той информации, которая возбуждается в интеллекте непосредственно под воздействием языковых средств, составляющих данный текст, а также той информации, которая привлекается для его понимания» [Новиков 1983: 33]. Иными словами, семантику текста составляют его содержание и смысл, в структуре которого находят свое отражение проявление эмоций реципиента и в том числе эмоциональная оценка.

Понимание текста следует рассматривать как процесс его интерпретации, на которую оказывают влияние и внутренние содержательно-смысловые характеристики текста, и его внешняя языковая структура. Помимо собственно текстовых характеристик, непосредственно и опосредованно влияющих на понимание сообщения, огромную роль здесь играют и индивидуальный опыт реципиентов, и наличие разной степени мотивации к восприятию текстовой информации, и интеллектуальные и психические особенности адресата и др. Другими словами, побудительные, эмоциональные и мотивационные факторы оказывают влияние на внимание, память и мыслительную деятельность в целом. При этом, как уже отмечалось, реципиенты в процессе понимания играют активную роль не просто адресата, но и одновременно автора «встречного текста».

С позиций психологии, эмоциональные моменты, выраженные в отношении субъекта к окружающему, включаются в каждый интеллектуальный процесс и, по словам С.Л. Рубинштейна, своеобразно его окрашивают [Рубинштейн 2002]. На наш взгляд, это высказывание справедливо и по отношению к пониманию текста. Таким образом, эмоциональность является важной характеристикой человеческого восприятия. Каждый читатель, делая какие-либо обобщения или выражая собственное мнение, придает своим высказываниям эмоциональную окраску.

Остановимся более подробно на рассмотрении реакций, в которых присутствуют эмоциональный и оценочный компоненты. Как показали результаты эксперимента, реакции «мнение» и «оценка» во «встречных текстах», являются наиболее частотными в процентном отношении и значимыми с точки зрения их участия в процессах восприятия и понимания текста. Именно оценочные реакции, относящиеся к релятивным или смыслообразующим, наиболее значимы с точки зрения их участия в процессах восприятия и понимания текста, т. к. выражают отношение реципиентов к воспринимаемой информации. По словам А.И. Новикова, «релятивные реакции, не являясь содержательными, участвуют в создании определенного эмоционально-аксиологического поля, определенных интенций и установок» [Новиков 2003:69].

Отметим, что, реакции, содержащие оценку и мнение, составляют вместе 31% от общего количества реакций «встречного текста»: «мнение» – 15% и «оценка» – 16,1% соответственно. Нельзя не заметить, что в ряде случаев мнение как личное отношение к тому, что сказано в предложении, содержало и оценку того, что сказано.

Так, например, реакции на следующее предложение: «Сейчас, по некоторым данным, американский профессор Рональд Маллет из университета Коннектикут

пытается создать подобную антигравитационную конструкцию на практике». – *Вот здорово! Жаль то, что это не Российские ученые, но думаю, что это полезно для науки. Страшно, я считаю такое вполне возможно.*

Данные примеры ответов испытуемых показывают, что мнение может сопровождаться оценкой, и обе реакции зачастую действительно тесно связаны.

Если обратиться к определениям понятий «мнение» и «оценка», приводимым в энциклопедических словарях, можно увидеть, что «мнение» традиционно толкуется достаточно широко, как понятие о чем-либо, суждение, выражающее оценку, убеждение в чем-либо, заключение [БЭС 2006:1092]. Что касается «оценки», под ней понимается отношение субъекта к чему-либо, кому-либо, взгляд, критика или одобрение [БЭС 2006:1276]. Таким образом, реакция «мнение» относится к *суждениям*, которые подчинены скорее эмоциональным, чем рациональным принципам, а «оценка» трактуется как положительное или отрицательное *отношение* индивида.

Нужно заметить, что реакция «мнение» хотя бы однажды высказывалась каждым испытуемым и регистрировалась для каждого предложения текста.

Показательным, на наш взгляд, является тот факт, что именно первые и последние предложения вызвали максимальное количество высказываний личного отношения к информации. Завершая чтение, испытуемые реагировали уже не только на отдельные предложения текста, но и на всю полученную и осмысленную информацию, так как на этом этапе у большинства из них уже сложилось более или менее целостное представление о содержании и смысла прочитанного. Вследствие чего и возникала потребность выразить свое личное отношение к прочитанному. Например:

– *Откровенно радуется, что фантастика становится реальностью. Эйнштейн всегда был прав. Одна беда – его не слушали. А зря!*

«Оценка» часто представляет собой положительное или отрицательное отношение индивида к информации, извлекаемой из текста, или, в некоторых случаях, непосредственно к процессу чтения.

– *Хорошая идея, захватывающая! – На самом деле это очень, очень плохо! – В конце концов, это же удобно!*

– *Наверное, чтение займет много времени. – Скучно!*

Предложение о потерях самолетов вследствие поражения их ракетно-зенитными комплексами, вызвало у испытуемых такие реакции:

– *Печально. – Обидно. – Жаль.*

В данном случае находит отражение такое эмоциональное состояние человека, как настроение, связанное со слабо выраженными отрицательными эмоциями.

Нужно отметить, что некоторые испытуемые с сожалением признают, что многое в текстах осталось непонятым, «язык сухой, с именами, с фактами. Похоже на конспект научного труда».

Интересен тот факт, что в эксперименте Я.А. Давлетовой, проведенном на материале текста Библии, в еще большей степени преобладают реакции оценочного типа или реакции «мнения» и «оценки» [Давлетова 2012]. Сравнивая полученные данные, автор также приходит к выводу, что доминирующую роль в формировании смысла поступающей реципиенту текстовой информации играют эмоции, задавая выбор средств для их реализации в форме оценок, мнений, оценочных мнений. В

процессе восприятия и понимания реципиент почти всегда, в явной или завуалированной форме, выражает свое оценочное мнение о представленной в конкретном тексте информации [Давлетова 2012].

Таким образом, можно констатировать, что согласно экспериментальным данным при восприятии разных типов текста могут преобладать реакции, выражающие индивидуальное отношение к содержанию, характеризующиеся проявлением эмоций реципиентов.

Эмоциональное состояние реципиентов или их эмоциональное отношение к получаемой или уже осмысленной информации может быть представлено различными способами. Поскольку реципиенты фиксировали то, что возникало у них в сознании при чтении текста и строили свой «контртекст», используя при этом различные языковые средства, можно сделать некоторые выводы относительно участия эмоций в данном процессе. На наш взгляд, содержание «контртекстов» носит в целом эмоциональный характер. Следует отметить, что эмоциональность содержания «встречного текста», как правило, передается целой совокупностью языковых средств, принадлежащих разным уровням: словообразовательному, лексическому, синтаксическому.

Далее обратим внимание на эмоциональный характер некоторых других типов реакций, полученных в результате построения реципиентами «встречного текста» при чтении научно-популярной литературы. С точки зрения участия эмоций можно отметить и такие реакции, как «прогнозирование», «компликативная» реакция и др.

Последняя определяется нами как сложная реакция, состоящая из нескольких связанных между собой типов. Нужно сказать, что выявленная нами компликативная реакция является не просто сложением составляющих ее реакций. Полагаем, что она демонстрирует одновременное действие нескольких ментальных составляющих. Если судить по качественному составу такой реакции, можно сделать вывод о некоторой скачкообразности мыслительного процесса. Так, испытуемые могут сначала согласиться с тем, что сказал автор, затем, как бы возвращаясь к прочитанному ранее, дать свою оценку происходящему или описываемому явлению и далее высказать прогноз. Таким образом, по сравнению с другими видами реакций, компликативная реакция имеет более сложную природу. Приведем пример реакции такого типа, включающий эмоционально-смысловой компонент.

Предложение № 23. «Но и те пытаются обмануть тепловые головки ракет самонаведения не лазерными импульсами, а вспышками специальных электроламп, что требует большего расхода энергии, уменьшает эффективность и «дальнобойность» защиты». – *Конечно! Мы сами умные, как всегда. Почему вот только страна такая?! Полуразрушенная и уровень жизни низкий...* (компликативная реакция).

Следует отметить, что индивидуальные реакции испытуемых могут иметь эмоционально-экспрессивную окраску независимо от того типа, которому они принадлежат.

Приведем примеры реакций испытуемого М.А. на несколько предложений текста:

Предложение № 9. *Ух ты! Афган! Первое поколение. Слабовато* (оценка+вывод)

Предложение № 10. *Я так и думал!* (констатация)

Предложение № 11. *Ура! Салют. Красиво!* (ассоциация+оценка)

Предложение № 14. *Автоматика! Волнами, наверное, определяет траекторию. А защита?* (ориентировка)

Предложение № 16. *Круто! Слепить безглазого! Она, наверное, упадет! А если на населенный пункт?! Плохо! Недодумали!* (компликативная реакция).

В приведенных примерах присутствуют реакции прогнозирования, констатации, ассоциации, мнения, оценки, но все они имеют ярко выраженную эмоциональную окраску. Анализ компликативной реакции показывает, что в ходе домысливания реципиент предполагает возможный результат и одновременно дает свою оценку тому, что могло произойти.

Что касается прогнозирования, следует отметить, что эта реакция часто имеет эмоциональный характер. Прогнозирование относится к речевым механизмам чтения и является неотъемлемым компонентом активной мыслительной деятельности, которая во многом определяет успешность восприятия и понимания. Например: – *Скорее всего, она полетит не туда* (прогноз). *Вот здорово!* (оценка).

Одно из преимуществ используемой нами методики «встречного текста» А.И. Новикова заключается в том, что в процессе порождения «контр-текстов» испытуемые сразу же записывают свои реакции, возникающие во время чтения предложения. Эти реакции являют собой «первичное» понимание, т.е. то, что возникает в их сознании непосредственно после прочтения, без задержки во времени, в течение которой может происходить дальнейшее обдумывание и осмысление. Это еще одно свидетельство многоуровневости процессов понимания. Именно на стадии «первичного» понимания испытуемые в своих реакциях проявляют эмоциональный настрой, передавая его на вербальном уровне с помощью эмоционально маркированных выражений.

Л.С. Выготский отмечал, что потребности, интересы и побуждения направляют движение мысли в ту или другую сторону. Таким образом, неправомерно отрывать интеллектуальную сторону нашего сознания от аффективной стороны [Выготский 2004]. Именно эмоция на первом этапе восприятия текста пробуждает интерес к информации. Как отмечают психологи, интерес имеет значение для процессов внимания, памяти и обучения.

Наличие у испытуемых мотивации или ее отсутствие, общий эмоциональный настрой, субъективное отношение к самому процессу чтения непосредственно отражаются в их реакциях, имеющих оценочный характер: *Здорово! Молодцы! Интересно узнать, а что дальше.* Мы полагаем, что субъективное отношение (или интерес) к чтению также может оказывать влияние на результат осмысления информации.

Так, например, реакции испытуемых после прочтения первых пяти предложений текста о гравитации указывают на наличие или отсутствие интереса, что находит отражение в следующих высказываниях самих реципиентов: – *Так-так, интересенько!* – *Так, это уже интересно!* – *Ерунда какая-то!* – *Неинтересно.* – *А я и не знал про это!*

В данном случае прослеживается тесная связь между эмоциями, различными по своему характеру, и оценкой. Отметим при этом, что сами тексты не несут в

своей внутренней форме установку на «включение интереса».

Несомненно, интерес играет важную роль в процессах понимания текстовой информации. «Интерес к предмету дискурса рассматривается как фактор активизации энергии сознания, т.е. как мощный организующий и стимулирующий рефлексию и мыследеятельность языковой личности в целом фактор. Иными словами, сущность интереса состоит в его способности поддерживать рефлексию языковой личности в состоянии активности и обеспечивать надежные фиксации рефлексии на объекте мысли» [Карманова 2010: 128].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что интерес, возникающий на фоне эмоционального состояния читателя, впоследствии формирует его дальнейшую готовность к восприятию текста, и далее – к следующему этапу – осмыслению информации. Испытуемые, не проявившие интереса к обсуждаемому в тексте предмету, при выполнении второго задания эксперимента (сформулировать смысл текста) в основном ограничились пересказом его содержания. Однако имеются случаи, когда интерес «запускается» в процессе дальнейшего чтения следующих предложений текста. Например:

Предложение № 16. – *Теперь интересно, а как эта ракета поразит цель?*

Предложение № 20. – *Да, этот этап разработки по-настоящему поразил мое воображение.*

На основании сказанного выше такого рода реакции, по сути, можно упрощенно разделить на две большие группы – мотивированные или немотивированные. Мотивированные реакции они характеризуются наличием интереса и готовностью к дальнейшему осмыслению получаемой информации, а также ориентированностью и на процесс чтения, и на его результат.

По словам Л.П. Доблаева, «в процессе чтения мы не только что-то усваиваем, познаем, но нередко также осознаем и переживаем понятность или непонятность текста» [Доблаев 1970]. Это справедливое высказывание подтверждается такими субъективными ответами испытуемых, как:

– *А, ну теперь понятно.*

– *Ничего не понятно, а что-то надо написать.*

– *Не для средних умов.*

Создание «встречных текстов» сопровождается различного рода переживаниями. Н.П. Пешкова отмечает, что имеются так называемые «интеллектуальные» эмоции, непосредственно связанные с восприятием и осмыслением научно-популярного и научного текстов. Они могут относиться к общему чувству удовлетворенности или неудовлетворенности от самого движения мысли, ее успешности или неудачи, возникающему в процессе восприятия информации и т.п. [Пешкова 2010]. Покажем это на примерах:

– *Я так и думал! Долго они будут придумывать, как друг друга обмануть?*

– *Где-то так. Если подумать, может и как-то можно сделать.*

– *Теперь понятно, почему его не поняли.*

Если говорить о качественном многообразии эмоций, то необходимо обратиться к имеющимся в психологии классификациям эмоций и чувств (см., например, обзоры: [Мягкова 1990, 1999, 2000]). В своем исследовании мы не задавались целью разграничить эмоции, эмоциональные состояния и чувства. Вместе с тем

мы осознаем важность и целесообразность такого разграничения и допускаем возможность использования его в наших дальнейших исследованиях. Позволим себе привести еще ряд примеров для иллюстрации разнообразия проявляемых испытуемыми эмоций.

Предложение №2. – *Зачем же их тогда придумали?! (недоумение)*

Предложение № 11. – *Сама идея меня, конечно, захватывает (интерес, принятие)*

Предложение № 13. – *Жалко, что идею не приняли (разочарование, грусть, оценка)*

Предложение № 21. – *Для кого это написано? Мы что детский сад? (изумление и неудовольствие)*

Предложение №22. – *Молодцы! (восхищение и оценка). Им это тоже нужно, у них тоже война.*

Приведенные примеры не только свидетельствуют о многообразии самих эмоций и разнообразном характере их проявления в ответах испытуемых, но и предлагают для анализа языковые средства, связанные с выражением эмоций. К ним относятся лексика (слова и выражения с экспрессивно-эмоциональной оценкой, передающие психическое состояние и переживания реципиента), и синтаксические конструкции, включающие эмфатический порядок слов, и графические средства. Большинство оценочных реакций представляют собой восклицательные предложения, что также свидетельствует о присутствии эмоций как неотъемлемого компонента мыслительных операций, составляющих процессы восприятия и понимания текста.

З.Я. Карманова отмечает, что восклицание актуализирует широкий спектр феноменологических функций, среди которых выражение сильных чувств, эмоций и волнения. При этом оно передает не только эмоциональную составляющую мысли, но и эмоциональное отношение к содержанию мысли; выполняет функции акцентуации и амплификации мысли как выражения ее неординарности, исключительности и силы; раскрытия смысловой перспективы текста и ряд других функций [Карманова 2010:161].

Во второй серии эксперимента, задача которой состояла в формулировании общего смысла всего прочитанного текста, нами были выявлены два основных, наиболее часто повторяющихся способа передачи смысла прочитанного текста нашими испытуемыми. Первый способ демонстрирует склонность реципиента к генерализации, обобщению, при этом частности и детали его, как правило, не интересуют.

Второй способ представляет собой выделение реципиентом некоторого доминирующего смыслового компонента путем перестройки иерархии элементов содержания, предложенной автором текста. В них обычно высказываются и собственное отношение, и оценка прочитанной информации.

Формулировки смысла, в которых присутствуют оценка или мнение о содержании текста в целом или его отдельных проблемах, о намерениях автора и т.п., можно условно назвать оценочными смыслами. Таким образом, можно говорить о неразрывной связи процессов формулирования смысла с проявлением оценочного мышления индивида [Давлетова 2012].

Можно привести следующий пример оценочного смысла, сформулированного одной из испытуемых: – *Смысл текста в том, что он жизненный. Очень рада за наших специалистов, разрабатывающих такие системы, охраняющие жизни людей.*

Результаты нашего исследования, проведенного с использованием методики «встречного текста», основной задачей которого является изучение общих механизмов понимания научно-популярного текста на основе индивидуальных реакций реципиентов, вербализованных в «контртекстах» испытуемых, демонстрируют тот факт, что эмоционально-оценочные операции выполняют ведущую роль в общих механизмах смыслообразования. Как можно было видеть из анализируемого материала, эмоциональная составляющая «встречного текста» является его неотъемлемым элементом. Под воздействием текста у реципиентов проявляются различные эмоции, нашедшие отражение в релятивных реакциях. Гипотеза о преобладании релятивных (смысловых) реакций над содержательными в процессе понимания текстов определенного типа находит подтверждение как в нашем исследовании, так и в работах других авторов [Давлетова 2012], [Пешкова 2013]. Преобладание релятивных реакций говорит о доминировании эмоций в процессах понимания, об их влиянии на процесс осмысления фактов. На основании этого можно сделать вывод относительно «первичности» эмоций в общих психических процессах, в когнитивных процессах, в работе языкового сознания.

Что касается современных моделей понимания речевых произведений, обзор которых проводится в нашем диссертационном исследовании, большинство из них являются многоуровневыми и предлагают учитывать субъективные характеристики, свойственные индивидам [Кирсанова 2007]. Используемая нами методика предполагает не только построение общей читательской проекции, но и позволяет выявить действие индивидуальных механизмов проявления эмоций реципиентом в процессе восприятия информации и увидеть их влияние на процесс понимания и осмысления содержания в целом. Полученный материал также представляет интерес и для разработки общей интерактивной модели понимания на материале текстов различных типов.

Литература

Первый толковый БЭС. Большой энциклопедический словарь. – Норинт, Рипол Классик, 2006. – 1466 с.

Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2004. – 1136 с.

Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Уфа, 2012. – 19 с.

Доблаев Л. П. Психологические основы работы над книгой. – М.: Книга, 1970. – 72 с.

Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. – Тверь: ТГУ, 2001. – 177 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – Гнозис, 2005. – 543 с.

Карманова З.Я. Феноменология слова: слово vs мысль. Монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2010. – 390 с.

Кинцель А.В. Эмоциональность текста как психолингвистическая категория// Языковое сознание и образ мира. XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1997. – С.77-78.

Курсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: Дис... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 196с.

Курсанова И.В. Индивидуальные стратегии понимания как реализация механизмов смыслообразования// Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. – С. 262-266.

Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования: монография / Е. Ю. Мягкова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 110 с.

Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: Вопросы теории: Дис... д-ра филол.наук. – М., 2000. – 247 с.

Мягкова Е.Ю. К проблеме исследования эмоциональности единиц индивидуального лексикона. – 1999. [Электронный ресурс] URL: http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/myagkova.pdf (дата обращения 1.03.14).

Нестерова Н.М. Психолингвистика текста, или есть ли смысл в тексте? // Вопросы психолингвистики. – 2009. - №9. – С. 217-223.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 216с.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания// Вопросы психолингвистики. – М.: Институт языкознания, 2003. №1. – с.64-76.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты/ [под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой] – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224с.

Пешкова Н.П. Имплицитность в тексте: препятствие vs. и условие понимания// Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. – С.223-235.

Пешкова Н.П. Психолингвистическая интерактивная модель понимания текста (на материале текстов различных типов) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 5 (25). – С. 48–54.

Пешкова Н.П. Понимание текста: проблемы содержания и смысла / Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода: Монография / Пешкова Н.П. и др. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 268с.

Пешкова Н.П. Интерактивная модель понимания в психолингвистике текста (практический опыт последнего десятилетия) // Материалы X Международного Конгресса ISAPL по прикладной психолингвистике. – М.: Институт языкознания РАН, 2013. – С. 148-149.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб, 2002. – 720с.

Сорокин Ю. А. Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик (ретроспективный обзор) // Вопросы психолингвистики. – 2008. – №8. – С.29-40.

А.А. Нистратов, В.П. Сinyaкин

УДК 81'23

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЦЕННОСТЕЙ¹

В данной работе описываются гендерные различия восприятия общечеловеческих ценностей. Для исследования использовалась методика семантического дифференциала (СД) Ч. Осгуда. В результате обработки данных было построено два дерева сходства (две дендрограммы) шкалируемых объектов (ценностей) для мужчин и для женщин. Анализ этих двух дендрограмм позволяет увидеть сходство и различие в восприятии исследуемых ценностей мужчинами и женщинами, показывая иерархию семантических связей в оценках стимулов. Кроме того, мужская и женская матрицы обрабатывались методом факторного анализа с построением семантического пространства мужчин и женщин.

Ключевые слова: общечеловеческие ценности, антиценности, семантический дифференциал, семантическое пространство, дендрограмма, гендерные различия.

Aleksandr A. Nistratov, Vladimir P. Sinyachkin

GENDER DIFFERENCES IN PERCEPTION OF HUMAN VALUES

This paper examines gender differences in perception of human values. The semantic differential (SD) technique by Charles E. Osgood was used for the purposes of this research. Through the data analysis two clustering dendrograms were created, both for men and women. The analysis of two dendrograms enabled to see some similarities and differences in perception of human values between two genders. In addition, it showed the hierarchy of semantic network in evaluation of stimuli. Moreover, the semantic space was constructed and the factor analysis method was used for gender matrixes.

Keywords: semantic differential, categorize, semantic space, dendrogram, gender distinction.

Описание эксперимента

В работе исследовалось восприятие некоторого набора ценностей у студентов московских вузов. В данный набор входило 37 ценностей, отобранных в результате предварительного эксперимента. Для исследования использовалась методика семантического дифференциала (СД) Ч. Осгуда. В методе СД измеряемые объекты оцениваются по ряду биполярных градуированных шкал, полюса которых заданы с помощью вербальных антонимов. Оценки понятий по разным шкалам коррелируют друг с другом, и с помощью факторного анализа удастся выделить группы высококоррелирующих шкал, сгруппировать их в факторы. Переход от признаков, заданных шкалами, к факторам фактически является построением семантического пространства. Фактор можно рассматривать как смысловой

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Информационно-исследовательская база современного русского языка “Общечеловеческие ценности в русском языковом сознании”», проект № 14-04-12-021.

инвариант содержания входящих в него шкал, и в этом смысле факторы являются формой обобщения прилагательных-антонимов, на базе которых строится СД. Группировка шкал в факторы позволяет перейти от описания объектов с помощью признаков, заданных шкалами, к более емкому описанию с помощью меньшего набора категорий-факторов.

В эксперименте приняли участие 170 респондентов в возрасте 18-24 года примерно в равном соотношении мужчин и женщин. Полученная суммарная матрица обрабатывалась отдельно для мужчин и для женщин. В результате обработки данных было построено два дерева сходства (две дендрограммы) шкалируемых объектов (ценностей) для мужчин и для женщин. Анализ этих двух дендрограмм позволяет увидеть сходство и различие в восприятии исследуемых ценностей мужчинами и женщинами, показывая иерархию семантических связей в оценках стимулов. Кроме того, мужская и женская матрицы обрабатывались методом факторного анализа с последующим вращением факторов до простой структуры. В результате обработки данных как у мужчин, так и у женщин было выделено четыре сходных фактора – категории, которые можно назвать исходя из входящих в них шкал следующим образом:

1. Оценка (тёмный – светлый, неприятный – приятный, безобразный – красивый, опасный – безопасный)

2. Упорядоченность (изменчивый – устойчивый, таинственный – обычный, хаотичный – упорядоченный)

3. Активность (неподвижный – движущийся, медленный – быстрый, пассивный – активный)

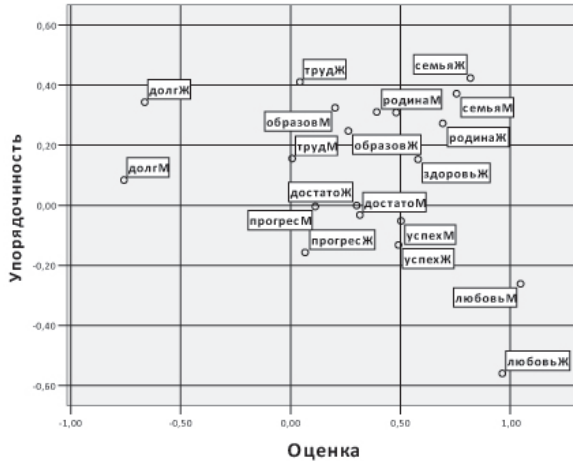
4. Сила (легкий – тяжелый, мягкий – твердый, простой – сложный, маленький – большой)

Сравнивая семантические пространства восприятия ценностей мужчинами и женщинами, видим некоторые различия. Так, женщины более положительно относятся к таким ценностям, как *родина, образование, свобода, независимость, семья*, менее отрицательно, чем мужчины, относятся к демократии, но гораздо более негативно, чем мужчины, оценивают *власть*. Для объяснения этого можно предположить, что образование, свобода, независимость были долгое время недоступны женщинам в традиционном патриархальном обществе и сейчас эти ценности для них более значимы, чем для мужчин, а семья и родина позволяют чувствовать себя в большей безопасности. Более негативное отношение женщин к власти можно объяснить тем, что власть рассматривается как инструмент угнетения и подавления и женщины к этому более чувствительны. Также надо отметить более негативное отношение женщин к «антиценностям» (бедность, беззаконие, неудача, одиночество). Есть различие в отношении мужчин и женщин к такой ценности, как *равенство*. Если мужчины к равенству относятся скорее отрицательно, то женщины наоборот – положительно. Кроме того *удовольствие* женщины ценят более высоко, чем мужчины.

По фактору «упорядоченность» для женщин ценности *долг, труд, семья, безопасность* представляются более устойчивыми и обычными, чем для мужчин, но *любовь* воспринимается женщинами как более изменчивая, таинственная, хаотичная. Ценности *успех, прогресс, здоровье, наука* представляются для женщин

также более изменчивыми и менее упорядоченными, чем для мужчин. Что касается «антиценностей», то *бедность, беззаконие, одиночество* мужчинами воспринимаются как более изменчивые и хаотичные, неудача как более обычная.

Рис. 1 Размещение ценностей по критериям:

- **оценка**
- **упорядоченность**

Рассмотрим пространство «оценка – активность». Здесь также заметны гендерные различия. Такие ценности, как *труд, прогресс, любовь, наука, процветание, творчество, образование* у женщин вызывают ассоциации с активностью, движением. Для мужчин более активными представляются *долг, эффективность, здоровье*. Интересно, что *власть* мужчины воспринимают скорее как неподвижную, медленную, пассивную, в то время как женщины совершенно противоположным образом. Что касается «антиценностей», то женщины считают *бедность, неудачу, одиночество* более пассивными объектами, чем мужчины, но *беззаконие* воспринимается женщинами, в отличие от мужчин, более активным.

Рис. 2 Размещение ценностей по критериям:

- **оценка**
- **активность**

В пространстве «сила-активность» различия по категории «сила» более заметны, чем по другим категориям. Возможно это объясняется тем, что категория силы (легкий - тяжелый, мягкий – твердый, простой – сложный, маленький – большой) всегда была наиболее значима в противопоставлении «мужское – женское». Так *труд*, *долг*, *успех*, женщинами воспринимаются как более тяжелые, сложные, твердые. Такие ценности, как *любовь*, *здоровье* женщины считают более легкими, простыми и мягкими, чем мужчины. Однако *семья* и *достаток* женщины воспринимают более сложными и тяжелыми, чем мужчины. Интересно, что *власть* мужчины воспринимают как более сложную и тяжелую, но в тоже время как менее активную. Для женщин восприятие власти прямо противоположно.

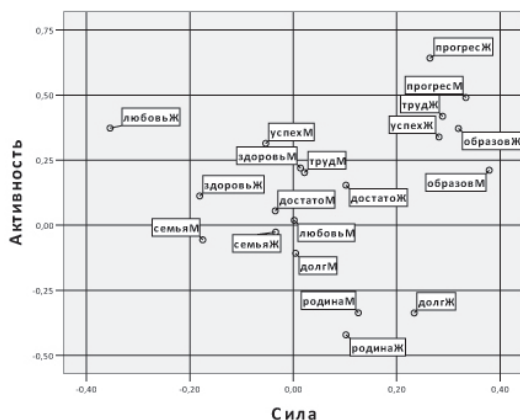

Рис. 3 Размещение ценностей по критериям:

- **сила**
- **активность**

Полученные две суммарные матрицы обрабатывались также методом кластер-анализа. В результате обработки данных было построено два дерева сходства (для мужчин и для женщин) шкалируемых объектов (ценностей). Кластерное дерево позволяет увидеть интегральное сходство исследуемых объектов, показывая иерархию семантических связей в оценках стимулов.

Сравнивая две дендрограммы на рис. 4 (мужчины) и рис. 5 (женщины), можно заметить некоторую разницу в группировках ценностей. Так для мужчин тесно связаны *богатство* и *достаток*, и эта группа связана на более низком уровне с парой *независимость*, *свобода личности*. Для женщин *достаток* не ассоциируется с *богатством*. У женщин кластер выглядит так: *независимость*, *свобода личности*, *достаток*, *справедливость*, *стабильность*. Далее к этой группе присоединяется *здоровье*, *свобода*, *процветание* и *успех*, а на более низком уровне к этому кластеру присоединяется пара *образование* и *труд*. Видимо, женщины предпочитают труд, который требует образования (он же предполагается более эффективным). А ценность *эффективность* входит в группу *безопасность*, *практичность*, *эффективность*, *законность*. У мужчин *труд* более ассоциируется

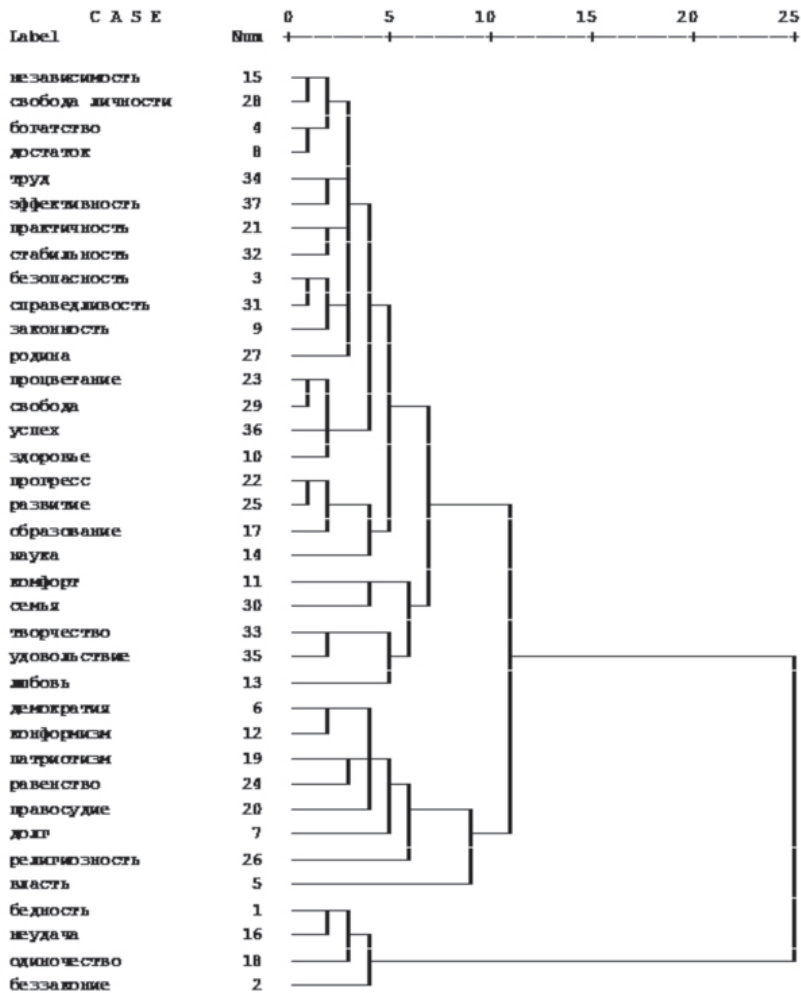

Рис. 4 Дерево кластеризации ценностей у мужчин

с эффективностью. Затем присоединяется пара *практичность, стабильность*, группа *безопасность, справедливость, законность*, и объединяет этот кластер *родина*. На следующем шаге к этому кластеру присоединяется группа из пары *процветание, свобода* и пары *успех, здоровье*. Эта группа ценностей одинакова у мужчин и у женщин, но различается последовательность объединения, и входит она в разные более крупные кластеры. Следующий этап кластеризации дает у мужчин группу *прогресс, развитие, образование, наука*, у женщин – *прогресс, развитие, богатство, наука, творчество*. Для женщин здесь характерна большая прагматичность: прогресс и развитие связаны не только с наукой и

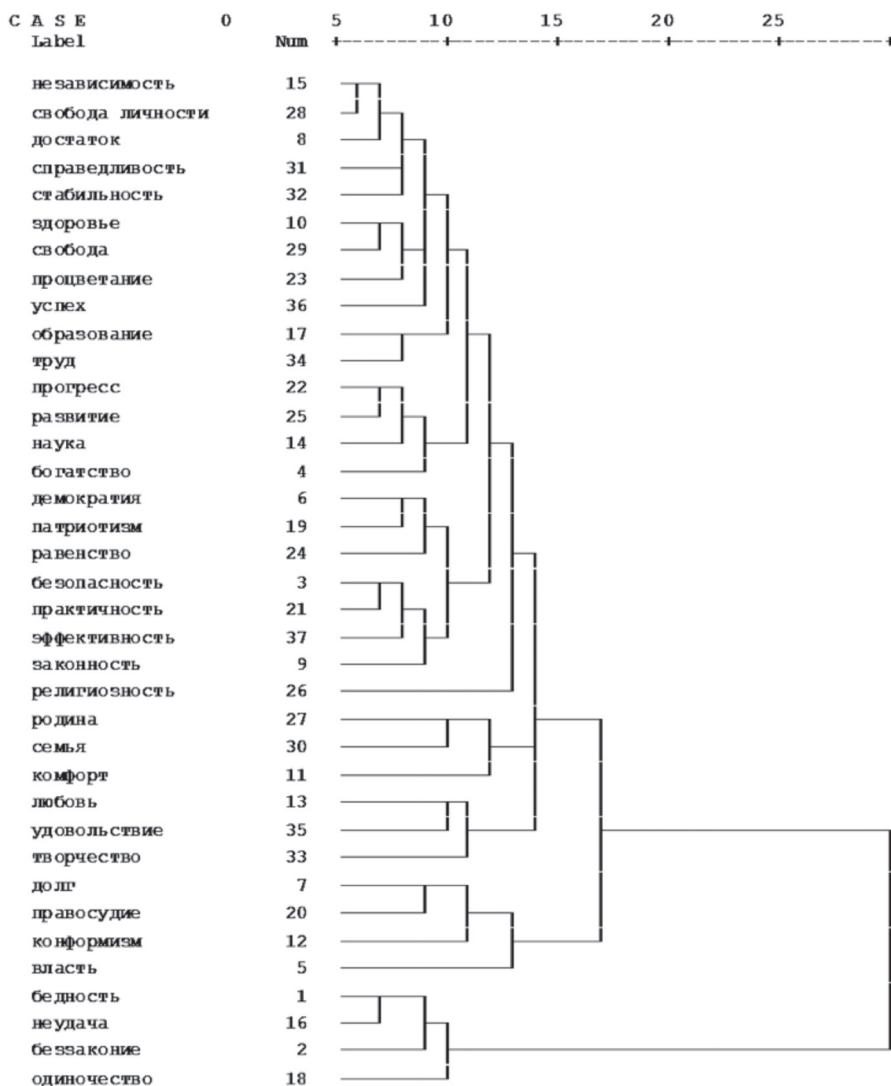

Рис. 5 Дерево кластеризации ценностей у женщин

творчеством, но и с богатством. Следующий шаг кластеризации также выявляет гендерные различия. У мужчин это пара *комфорт*, *семья*, объединенная с парой *творчество*, *удовольствие* и *любовь*. Можно предположить, что для мужчин *семья* – это *комфорт*, а *творчество* и *любовь* связаны с удовольствием. Для женщин эти ценности группируются несколько иначе. Так *любовь* и *удовольствие* – отдельная пара – связывается группой *родина*, *семья*, *комфорт*. Надо отметить, что для женщин *родина* имеет более личный характер, чем для мужчин. Есть различия и в объединении социально-политических ценностей. Так у мужчин выявлена

связь *демократия, конформизм*, затем *патриотизм, равенство правосудие, долг, религиозность и власть*, а у женщин – *демократия, патриотизм, равенство*, и объединяется это с кластером *безопасность, практичность, эффективность и законность*. *Долг, правосудие, конформизм и власть* – отдельный кластер. Практически идентично у мужчин и женщин объединение антиценностей в отдельный кластер, но есть один нюанс. У мужчин *бедность и неудача* наиболее близкая пара, затем к ней присоединяется *одиночество*, и на более низком уровне к этому кластеру присоединяется *беззаконие*. Можно сказать, что бедность и неудача провоцируют одиночество. Одиночество у мужчин скорее социально обусловлено. У женщин к наиболее близкой паре *бедность и неудача* присоединяется *беззаконие*, а потом *одиночество*. Можно предположить, что бедность и неудачу женщины связывают с беззаконием, т.е. у женщин бедность и неудача социально обусловлены.

Целью данного исследования было определить глубинные критерии отношения населения России к различным общечеловеческим ценностям, выявить специфику отношения россиян к следующим ценностям: *достаток, труд, здоровье, успех, родина, прогресс, образование, любовь, семья, долг* в контексте других ценностей. Также анализировалась гендерная специфика отношения к выбранным ценностям. Отдельно проведенный анализ для женской и мужской выборки позволил выявить специфику мужского и женского общественного сознания в отношении изучаемых ценностей. Нечеткость и противоречивость восприятия некоторых ценностей можно объяснить той трансформацией общественного сознания, которая происходит сейчас в России. Но все же социум удерживается от распада благодаря стабильности мифологического сознания, эволюция которого происходит гораздо медленнее, чем социально-политические изменения. Это дает возможность влиять на формирование ценностных ориентиров посредством изменения языкового сознания в процессе изучения языка и культуры страны.

Литература

Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. – М.: Смысл, 1999. – 349 с.

Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. – М., 2003. – 448 с.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. и др. Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т.1. – М., 2002. – 784 с.

Лакофф Дж. «Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. № 23. – М.: Прогресс, 1988. – 314 с.

Леви-Стросс К. Культура как система // Семиотика и искусствометрия. – М.: Мир, 1972. – 364 с.

Нистратов А.А., Петренко В.Ф. Исследование форм репрезентации обыденного сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание». – М., 1988. – 136 с.

Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. – М.: Мир, 1972. – 364 с.

Нистратов А.А., Петренко В.Ф. Построение вербального семантического дифференциала на базе русской лексики // Исследование проблем речевого общения. – М., 1979. – С. 139-156.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 398 с.

Серкин В.П. Методы психосемантики. – М.: Аспект-пресс, 2004. – 206 с.

Толковый словарь русского языка Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>.

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – 462 с.

Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – 462 с.

Carroll J.D. A review of the Measurement of meaning // Language. 1959. – 35. – Pp. 58-77.

Carroll J.D., Wish M. Models and methods for three-way multidimensional scaling // Contemporary development in mathematical psychology. San Francisco, 1974.

Osgood Ch. Studies on Generality of affective meaning system // American Psychologist. – 1962. – Vol. 17. – Pp. 10-28.

Osgood Ch., Suci G. J., Tannenbautn P. H. The measurement of meaning. – Urbana, 1957. – 342 p.

Osgood C.E. Semantic space revisited // Word. – 1959. – 15. – Pp. 195-200.

Е.С. Ошечкова

УДК 81'23

ЦЕННОСТИ «БОГАТСТВО» И «БЕДНОСТЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ ¹

В статье дается анализ двух общечеловеческих ценностей: «богатство» и «бедность». Кроме того, рассматривается образ денег в языковом сознании русских. Для анализа ценностей привлекаются толковые словари русского языка, Словарь языковых изменений русского языка, Русский ассоциативный словарь. Кроме того, исследуются образы богатства и бедности в общественном сознании через анализ экспертных статей по данной тематике и социологических опросов общественного мнения носителей языка и культуры. К анализу привлекается Национальный корпус русского языка и паремиологический фонд русского языка. Делается вывод о неоднозначном отношении носителей русского языка и культуры как к богатству, так и бедности. Образ денег также амбивалентен, деньги не представляются русским однозначным благом.

Ключевые слова: общечеловеческие ценности, богатство, бедность, языковое сознание, ассоциативный эксперимент.

Ekaterina S. Oshchepkova

UNIVERSAL VALUES "WEALTH" AND "POVERTY" IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The article is dedicated to the analysis of two universal values: wealth and poverty. Additionally, the image of money in Russian language consciousness is considered. The materials used are the Dictionary of changes in the Russian language, Russian associative dictionary, National corpus of the Russian language, specific texts and public opinion polls. The authors conclude that both wealth and poverty are the concepts characterized by high ambivalence in the Russian cultural context.

Keywords: universal values, wealth, poverty, language consciousness, associative experiment.

Как было показано Е.Ф. Тарасовым [Тарасов 2012], общечеловеческие ценности имеют свое этническое содержание. Особенно ярко это проявляется на примере такой ценности, как «богатство», и антиценности «бедность». Для того чтобы увидеть, как эти ценности раскрываются в русском языковом сознании, проанализируем три элемента: деньги, бедность и богатство как в русской традиции и культуре, так и в современном российском обществе.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 14-04-12021в «Информационно-исследовательская база современного русского языка по материалам словаря-справочника "Общечеловеческие ценности в русском языковом сознании"».

Образ денег, богатства становится одним из важных образов в любой культуре, поскольку любое общество проходит (а многие так и не преодолевают) стадию имущественного расслоения, деления на богатых и бедных.

Однако в разных культурах отношение к деньгам может очень сильно отличаться: от презрения и восприятия денег как зла до принятия их как главной ценности и показателя праведности жизни.

Вообще, стремление к материальному благополучию характерно для любого человека, но относится ли это в полной мере и к России? Нет ли в нашей стране особенностей, которые отличали бы ее от других стран мира?

Традиционное отношение русских к деньгам можно понять из анализа пословиц и поговорок. Если посмотреть пословицы, приведенные в словаре В.И. Даля к слову «деньга» (отдельной статьи «деньги» в словаре нет вообще), мы увидим, что при существовании пословиц, указывающих на важность денег, большинство рассматривает их либо как зло, либо просто указывают на их недостаточность для счастья и уважения людей. При этом пословицы первого типа указывают скорее на людскую природу и осуждают жадность и завистливость. Очень часто эти пословицы полны иронии и даже сарказма: *Денежка – молитва, что острая бритва (т. е. все грехи сбреет). Денежка дорожку прокладывает. Денежка на стол, и девушку за стол (о кладке, плате жениха). При деньгах Панфил всем людям мил; без денег Панфил никому не мил. Родись, крестись, женись, умирай, за все денежки подай.*

Во втором типе пословиц встречается предостережение против чересчур серьезного отношения к деньгам, указывается, что кроме денег есть более важные вещи, а несправедные деньги могут лишиться покоя и спасения души: *Без денег сон крепче. Без хозяина деньги черепки. Грехов много, да и денег вволю. Денег нет – перед прибылью; лишний грош – перед гибелью. Денег нет, так подушка под головой не вертится. Деньга прах: ну их, в тартарарах! Деньгами души не выкупишь. Деньги – забота, мешок – тягота. Деньги – склока, а без них плохо. Деньги копил, да нелегкого и купил. Деньги не голова: наживное дело. Деньги пух – только дунь на них – и нет. Деньги, что камня: тяжело на душу ложатся. Деньги: что вода. Кабы не деньги, так бы весь (так быть бы) в полденьги, только богатством славен. Меньше денег – меньше хлопот. Не деньги нас, а мы их нажили. То не беда, что денег просит, а то беда, как и даешь, да не берут.*

Итак, в русской культуре традиционно отношение к деньгам достаточно своеобразно: признается, что человек может быть жадным и завистливым, «охочим до денег», но эти качества порицаются и утверждается, что деньги отнюдь не главное в жизни.

Традиционное нестяжательство русских подчеркивается во многих исторических, философских и культуроведческих работах. Существует даже поговорка: *Американцы работают, если платят хорошо. Русские работают. Если платят – хорошо*, что еще раз подтверждает нашу мысль.

Изменилось ли это отношение к деньгам в наше время? Мы полагаем, что не так сильно, как хотелось бы тем, кто навязывает нашей стране чуждые ей идеалы и чуждую иерархию ценностей.

Наше экспертное сообщество о деньгах говорит мало и походя, видимо, не считая это темой, достойной обсуждения. Однако в СМИ в целом слово «деньги»

и связанные с ним в 90-е годы стали употребляться чрезвычайно часто. «Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения» [Скляревская 2002], изучающий перемены в лексике русского языка за 1985 – 1997 годы, приводит очень интересные данные. Согласно этому словарю, слово «деньги» актуализировалось за 90-е годы, в языке СМИ стали активно использоваться такие выражения, как *«быстрые, деньги, горячие деньги, деревянные деньги, живые деньги, отмывание грязных денег, пластиковые деньги, черные деньги»*. Согласно этому же словарю, в 90-е годы впервые зафиксированы в словарях такое слово, как *«бабки»*. Самое частотное выражение *«делать бабки»* прекрасно отражает разницу с привычным *«зарабатывать деньги»*: бабки не зарабатывают, их делают, часто из воздуха. Появились также слова *«баксы (баки)»* (новизна этого слова нашла отражение в такой шутке: *«американские баксы – это всего лишь наши родные доллары»*), *«башили»* (при этом *«башилять»* – платить большие деньги), *«гринь»* (доллары), *«долларизация»* (внедрение американского доллара в экономику России), *«зеленые»* (в значении «доллар», часто встречается выражение *«двадцать (тридцать...) зеленых»*), *«кусок»* (в значении «тысяча рублей» разг., сниж.), *«тысячерублевка»*, *«штука»* (тысяча рублей или долларов, в зависимости от контекста).

Актуализировались также слова *«доллар»*, *«рубель»*, *«лимон»* (в значении «миллион»). Интересно, что актуализация последнего слова в 90-е повторяет его актуализацию в 1920 – 1923 гг. во время обесценения денег. То есть слова, связанные с деньгами вообще, стали употребляться намного чаще и активнее. В пассив же ушли такие наименования отдельных денежных знаков, принятые в СССР, как *«копейка»*, *«пятак»*, *«пяточок»*, *«пятерка»*, *«пятерочка»*, *«стольник»*, *«сторублевка»*, *«треха»*, *«трешка»*, *«трешник»*, *«тройак»*, *«червонец»*, *«четвертак»*, *«четвертной»* [Скляревская 2002].

Таким образом, мы видим, что, судя по используемым выражениям, отношение к деньгам довольно пренебрежительное, хотя говорят/ пишут о них действительно много. Очень большую роль в экономике стала играть иностранная валюта, что, естественно, нашло свое отражение и в языке.

А что же рядовые граждане? Изменилось ли каким-либо образом отношение к деньгам в связи с переходом к рыночной экономике?

По данным ФОМ, исследование, проведенное в 2002 году, показало, что подавляющее большинство опрошенных (83%) считают, что, по сравнению с советскими временами, деньги стали играть в жизни россиян гораздо более значительную роль. Участники фокус-групп отмечают, что «при социализме» люди довольно легко относились к деньгам – их хватало для обеспечения минимальных потребностей, и думать о деньгах было не принято. В новых же экономических условиях, при значительном расслоении населения, это необходимо делать постоянно.

Эксперты ФОМ подчеркивают, что, «говоря о возрастании роли денег, респонденты имеют в виду не столько изменения в системе ценностей россиян, сколько перемены в условиях их существования: деньги оказались в фокусе внимания скорее в качестве объекта постоянного беспокойства и заботы, чем в качестве предмета поклонения» [http://bd.fom.ru/report/cat/job_and_leis/dd023028].

В этом же исследовании «53% опрошенных полагают, что деньги - это главное в жизни, и 43% - что всё же есть вещи поважнее» [там же].

Однако сами респонденты объясняют свою позицию тем, что у них не хватает денег на самые базовые потребности, а поэтому они постоянно думают о деньгах, и поэтому деньги являются для них самым главным. Среди экспертов ответы на вопрос о значимости денег распределились иначе, не так, как среди рядовых граждан: здесь более 2/3 полагают, что деньги не главное в жизни, и только около 1/5 придерживаются противоположного мнения.

Видимо, эксперты более четко, нежели участники фокус-групп, осознают, что думать о деньгах и считать их главной жизненной ценностью - не одно и то же. Хотя и среди участников групповых дискуссий находятся те, кто, говоря о высокой значимости денег в сегодняшней жизни, подчеркивает, что деньги как таковые не самоценны, но именно о них прежде всего приходится задумываться, когда речь заходит о получении образования, создании семьи, самореализации, здоровье и т. д.

Вот примеры высказываний респондентов: *'Рыночная экономика, которую мы сейчас строим, она заставляет нас быть такими. Мы сегодня говорим о том, что деньги для нас – самое главное в жизни, для меня, например' (ДФГ, Санкт-Петербург); 'Сейчас ситуация уже другая... сейчас мне все равно приходится думать о том, что мне нужно купить. Сейчас я прогуляю, а завтра мне придется где-то искать деньги. Тогда немножко задумываешься, что нужно на то, на то и на то' (ДФГ, Москва).*

Эксперты же пытаются объяснить, с чем связаны эти ответы, почему деньги стали значить так много: *'Деньги стали рыночным товаром в том плане, что раньше в основном гонялись за товаром, а сейчас товарная масса достаточна, а дефицитом стали именно деньги - это главный платежный инструмент в нашем государстве' (эксперт, Кемерово). 'Если в советской системе деньги не являлись решающим аргументом – многое значили какие-то межличностные отношения, родственные, блат так называемый, – то сейчас, имея деньги, можно решить практически все проблемы, не прибегая к этим средствам' (эксперт, Тула).*

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что все-таки деньги для русских людей не стоят на первом месте. Чаще всего им просто необходимо удовлетворять базовые потребности, за что нужно платить. А поскольку денег не хватает, то это приводит к такому гипертрофированному вниманию к деньгам в определенные периоды жизни общества. Подтверждение наших слов мы находим в ответах респондентов того же исследования: *'Конечно, если мы рассматриваем отдельно здоровье, мы можем сказать, что здоровье - это самое главное, отдельно – счастье, все очень важно. Но чтобы все это обеспечить... нужны деньги' (ДФГ, Санкт-Петербург). 'Если взять критерии благополучия, это, прежде всего, здоровье, это интересная работа, это интересная жизнь, это условия отдыха – все это практически невозможно без денег. Здоровье - это деньги, отдых – это деньги, хорошая работа – это хорошее образование, а хорошее образование – это тоже деньги' (эксперт, Новгород).*

Данные исследования «Базовые ценности россиян» [Базовые ценности россиян 2003] подтверждают эти данные. Согласно ему, для россиян достаток как ценность стоит на 4-м месте после здоровья, безопасности и семьи.

Когда же человек имеет возможность удовлетворить свои минимальные потребности, деньги перестают быть для него такой ценностью. Даже для молодых,

нацеленных на успех людей при удовлетворении базовых потребностей предпочтительнее работа, приносящая удовлетворение, интересная, творческая, вопрос же денег отходит на второй план.

Однако мы считаем, что к социологическим опросам мы должны относиться с осторожностью, поскольку людям свойственно либо изображать себя более несчастными, чем они есть на самом деле (вспомним, что в России особенно не принято «хвастаться»), либо понравиться исследователю и т.д. Поэтому данные социологических исследований необходимо дополнять другими методиками. Нам представляется, что оптимальным будет использование Русского ассоциативного словаря (РАС) и Словаря ассоциативных норм русского языка (САНРЯ), поскольку они наилучшим образом вскрывают языковое сознание русских и позволяют нам увидеть реальное отношение носителей языка к исследуемому феномену. Так вот, если проанализировать реакции испытуемых на стимул ДЕНЬГИ, приведенные в РАС, то мы увидим, что реакции:

- либо довольно нейтральные: *большие (41), много (19), кошелек (14), золото (12), бумага, крупные, нужны (11), мало (10), рубль (9), бумажные, время, нет (8), есть, кончились (5), считать (5), мелочь, мои, монета, получить, тратить, чужие (4);*

- либо несут скорее негативный оттенок, вплоть до явно негативного: *бешеные (14), зло (9), вода (8), не пахнут (8), бумажки (4), грязные (4), грязь (4);*

- и очень редко вызывают положительные эмоции: *счастье (5).*

Обратный словарь в этом отношении тоже весьма показателен: на стимул «любить» реакция «деньги» встречается только в РАСе (не в САНРЯ) и только как единичная. На стимул «работа» – то же самое.

Вообще же реакция «деньги» является довольно частотной, но, чтобы лучше разобраться с этим феноменом, интересно посмотреть, как изменялась структура обратной словарной статьи в зависимости от этапа анкетирования.

Самой частотной реакция «деньги» стала в первом этапе, проводившемся до 1991 года: реакция «деньги» в нем возникает у 1880 испытуемых как ответ на 177 стимулов. Чаще всего на стимулы: *тратить 259, платить 142, считать 111, получить 109, иметь 59, отобрать, рубль 51, стоить, штраф 35, давать, копейка 30, долг 29, грести, отдать 28, делать, нуждаться 27, карман 26, платили 25, материальный, платите 24, передать, утаивать 23, брать 22, отнять, платил, потерять 20, взять, просить 19, платят 18, требовать 17, золото, платим 16, дать, купить, платит, платишь 14, прислать, сдавать 13, покупать 11, есть, капуста, кончиться, найти, платила, экономный 10 и т.д.*

На втором этапе, проводившемся в 1992-93 годах, эта реакция возникает у 724 респондентов в ответах на 199 разных стимулов: *кошелек 24, бабки, менять 22, займы 20, в долг 17, красть 16, воровать, украл 15, время, касса 14, достаток, мелочь, монета, прятать 13, зарплата 12, богатство, долги, сделка, штраф 11, вернуть, стипендия, чек 10.*

Наконец, на третьем этапе, проводившемся в 1994-1995 годах, «деньги» опять стали чрезвычайно частотной реакцией: появились у 1093 человек в ответ на 212 стимулов: *тратить 77, заработать 69, подучка 28, в банке 27, прибыль 26, сумма 25, залог, занимать, заплатить 24, премия 22, занять 21, в кармане, валюта*

20, банк, бюджета 18, взятка, должен, нашел 17, доход 15, бизнес, копейка, потерять, рубль 14, налог, нуждаться 13, доллар, мотать, расчет, хранить 12, расход 11, выиграть, добывать, стоит 10 и т.д.

Можно ли на основании этих данных говорить о том, что деньги играют все-таки очень важное место в сознании испытуемых? Мы считаем, что нет, поскольку сами стимулы чаще всего предполагают именно эту реакцию с точки зрения сочетаемости слов русского языка. В частности, в «Словаре сочетаемости слов русского языка» под редакцией П.Н. Денисова и В.В. Морковкина слова «тратить», «платить», «считать что-то» и прочие в первую очередь сочетаются именно со словом «деньги». Многие другие стимулы, вызвавшие эту реакцию входят в одно тематическое поле и предполагают друг друга (кошелек, рубль, копейка, доллар, бабки, мелочь и т.д.).

Хочется отметить и еще одну особенность восприятия денег в России. Очень часто, если деньгами пытаются заменить заботу и человеческие отношения, это вызывает неприятие и раздражение. Существует понятие «откупиться», которое употребляется и для родителей, которые не имеют времени/сил/желания посвящать время своим детям, но покупают им все, что им хочется, дают много денег на карманные расходы, и для друзей, которые на праздник вместо тщательно выбранного подарка дарят деньги, и для выросших детей, которые ограничиваются материальной помощью родителям, не желая уделять им больше внимания.

Итак, проанализировав феномен денег в России в разное время, мы можем сделать вывод, что в нашей стране отношение к деньгам, их образ в сознании людей весьма неоднозначны: в периоды, когда денег не хватает на удовлетворение базовых, жизненных потребностей, их ценность возрастает и становится основной. Однако как только базовые потребности удовлетворяются, деньги перестают играть столь заметную роль. Следовательно, в России элите нужно озаботиться не навязыванием гражданам культа денег, а возможностями для развития их творческого потенциала и возможностей, удовлетворив при этом, разумеется, основные потребности.

Восприятие бедности в этноязыковом сознании русских

Однако проблема с удовлетворением базовых потребностей миллионами граждан нашей страны по-прежнему остается весьма актуальной. И это проблема бедности.

Бедность – это социальное зло. Она воспринимается как основная проблема России максимальным числом наших граждан (30%, по данным ФОМ: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/soc_gr/rich_poor/of041902).

На тему бедности сейчас пишется очень много. На XI Всемирном Русском Народном Соборе в 2007 году основной темой стало «Богатство и бедность: исторические вызовы России». В Соборном слове говорится, что бедность – это угроза единству нации, вызывающая, кроме того, и все остальные проблемы: демографическую, нравственную и т.д. (<http://www.mospat.ru/index.php?page=35350>).

Вообще, бедность всегда была довольно актуальна для России. Недаром в русском языке зафиксировано столько слов, обозначающих это понятие (по словарю Даля): *бедность, нищета, нужда, нуда, крайность, недостаток, голь, нужда, нужбица, скуда, скудость, скудность, скудота, скудство, убожество*.

В России бедных всегда жалели. По Далю, «бедный - убогий, неимущий, скудный, недостаточный, нужный, т. е. нуждающийся; о человеке, небогатый, у кого нет достатка, имущества, средств для жизни <...>. В народе, бедный или победный иногда значит бедующий, бедствующий; вообще же, несчастный, бедный счастьем, долей, *достойный сожаления, возбуждающий сострадание*».

Это сочувствие к нищим, а также предопределенность бедности, независимость ее от человека проявляется и в пословицах: *Бедно живет, да по-божьи. Что беднее, то щедрее. И бедный украдет, да его Бог прощает. Бедность не порок, а несчастье. Кого Господь полюбит, нищетою взыщет. Не родом нищие ведутся, а кому Бог даст. Нищего убить, не спасенье нажать. У нищего взять, сумою пахнет. Просит убогий, а подаешь Богу.*

Вообще, у слов, обозначающих бедственное состояние, в русском языке много дериватов, то есть они действительно всегда были довольно частотными. Например, от слова «нищета» мы видим: *нищенка, нищяя, нищева сума, нищенкин костыль, нищенский быт, нищенство, нищенствовать, нищесбродничать, нищесброд*. Кроме того, некоторые дериваты показывают нам на обычай помогать тем же нищим: *нищелюбие, нищелюбивый, нищепитание; нищепитатель, -нища*.

Интересное явление, также зафиксированное в словаре Даля, – *нищиться*. Это значит *прибедниваться, прикидываться нищим и попрошайничать*. Такое явление явно порицалось: *Полно тебе нищиться, Бога гневить! У нас целые деревни нищажутся, промышляя нищенством. Перенищались кой-как в голодные годы, перебились*.

Итак, в народе бедных жалеют, им сочувствуют, стараются помочь. В русских народных сказках правда всегда на стороне бедного.

Сколько бедных было в России до революции 1917-го года, до сих пор вызывает много споров. Некоторые делают упор на Столыпинские реформы и утверждают, что Революция – это всего лишь результат происков немецких шпионов, другие подчеркивают нищету подавляющего числа жителей России и их отчаяние, приведшее к бунту. Здесь необходимо отметить одну важную особенность традиционного деревенского уклада в России: большинство населения жило в деревнях, общинами. При этом община зачастую не давала человеку опуститься на дно нищеты, помогая ему и материально, и поддерживая с ним социальные связи, поскольку, подчеркнем это еще раз, бедность вызывала не осуждение, а жалость.

Как бы то ни было, но Революция, уничтожив богатых, не принесла значительного облегчения большинству бедных: гражданская война, голодомор, ВОВ, тяжелое послевоенное время – все это не способствовало процветанию наших соотечественников, однако в советское время применительно к бедным в нашей стране использовался термин «малоимущие», поскольку считалось, что с бедностью в СССР покончено.

Открыто о бедности и нищете стали говорить в 90-ые годы. С тех пор слова «бедность» и «нищета» прочно вошли в дискурс о России на всех уровнях и у экспертов любого направления. С чем это связано? Напомним, что «бедность» – понятие относительное.

Существует несколько подходов к определению бедности.

«Официальный российский подход к определению бедности базируется на

абсолютной концепции, в соответствии с которой черта бедности устанавливается на уровне прожиточного минимума, ориентированного на физиологические минимальные нормы. Этот прожиточный минимум был разработан в 1992 г. и складывается из минимальной продуктовой корзины, расходов на непродовольственные товары, услуги, налоги и обязательные платежи, включаемые в определенной доле к продуктовому набору. Кроме того, возможен относительный подход, субъективный подход, а также метод измерения бедности, основанный на индикаторах лишений [Малева 1998].

Многие исследователи при этом подчеркивают, что данная сумма удовлетворяет настолько малые потребности, что люди, имеющие доход выше прожиточного минимума, все равно лишены самого необходимого.

Недаром в Общественной палате считают, что понятие «прожиточный минимум» должно быть заменено на понятие «стандарт экономической устойчивости» (СЭУ) и применено к семье, т.е. пытаются ввести норму, которая была бы достаточна для нормального воспроизводства семьи. Общество понимает, что прожиточного минимума совершенно недостаточно для нормальной жизни, однако эти нормы по-прежнему остаются в силе.

Кроме того, вопиющим, на наш взгляд, является тот факт, что среди бедных подавляющее большинство составляют многодетные семьи. Так, по данным Госкомстата за 2004 год (цит. по [Архангельская 2004]), среди супружеских пар с тремя и более детьми уровень бедности достигал 80% (среди супружеских пар с двумя детьми – 64%, среди домохозяйств неработающих пенсионеров – 10%). Многодетность по-прежнему остается одним из факторов риска попадания в категорию бедных.

Кроме того, как говорится, «беда не приходит одна», и в нашей стране бедность чаще всего сопряжена с тем, что в социологической литературе называется «эксклюзия» – т.е. выпадение человека или семьи из привычных социальных связей, их маргинализацию, потеря ими своего социального статуса и т.д. Это еще одна очень серьезная проблема. Люди попадают в замкнутый круг: они выпадают из общества из-за того, что им не хватает средств на поддержание достойного уровня (нет денег ни на подарки, ни на то, чтобы принять гостей, ни на развлечения, ни на приличную одежду), но в результате выпадения из общества они могут навсегда лишиться возможности выбраться из нищеты. Это явление называется «застойной бедностью» (ситуация, когда душевой доход оставался ниже прожиточного минимума в течение 5 лет).

Сейчас все больше говорят о том, что бедность была предопределена реформаторами и воспринималась ими как неизбежный побочный продукт проводимых реформ. Например, Джон Раунд [Раунд 2008] показывает, что существующее положение дел с бедностью в нашей стране просто ужасающе, а риторика, принятая властями на всех уровнях, предполагает, что бедность – это проблема самих бедных. Зачастую они обвиняются в теневой деятельности, сокрытии своих доходов и т.д. То есть государство не только спровоцировало всеобщую ужасающую бедность, но и пытается переложить ответственность за нее на самих потерпевших.

Вопиющим фактом, характерным для России, является бедность среди работающего населения. Такая бедность называется парадоксальной, т.к. человек ра-

ботаает на полную ставку, в штате предприятия или учреждения, но при этом еле сводит концы с концами. Так, вплоть до последнего времени многие и многие бюджетники получали зарплату ниже прожиточного минимума. Это до сих пор относится младшему медицинскому персоналу, воспитателям детских садов и т.д. Часто к бедным относятся люди, работающие на предприятиях малого бизнеса в малых городах. Чаще всего в таких местах предприятия советского периода развалились, и люди вынуждены соглашаться на любую работу за любые деньги.

Чрезвычайно неприглядной остается и бедность среди пенсионеров. В последние годы правительство регулярно повышает пенсии, однако многим пенсионерам приходится работать, чтобы обеспечивать себя самым необходимым. Кроме того, бедность среди пожилых людей усугубляется их маргинализированным положением в обществе: прекратив работать, они оказываются зачастую в изоляции. К этому добавляются и проблемы со здоровьем, которые решаются тоже за деньги, а потому являются критичными для пожилых людей [Лежнина 2008].

Данные РАС показывают, что проблема бедности не понаслышке знакома нашим соотечественникам.

Анализ русского языкового сознания показывает, что у кого-то бедность (и особенно нищета) связаны с литературными героями (нищий – *принц, бродяга, на паперти, король*; бедная – *Лиза, овечка*; бедный – *Йорик, папа Карло, пудель, поэт, рыцарь*), однако очень часто проступают очень эмоциональные реакции, показывающие, насколько проблема бедности касается нашей страны и большинства ее населения:

НИЩИЙ – *человек, грязный, старик, бомж, лохмотья, метро, народ, попрошайка*; БЕДНАЯ – *женщина, девушка, семья, старушка, жизнь, мама, страна, я*; бедность по-прежнему «не порок», но это уже не просто отвлеченные слова, БЕДНОСТЬ – это *нужда, безработица, в стране, жалость, мрак, плохо, российская, серость, грязь, СССР, страдание, существует, труппа, ужасающая, ужасная, хреново, хуже некуда*; НИЩЕТА – *бедность, голод, бомж, угнетает, безвылазная, бешеная, боль, бомжи, босоногая, в России, вопиющая, гольная, грех, грязный, грязь, убогость, депрессия, довела, жалкая, зияющая, кругом, лохмотья, милостыня, не иметь ничего, обида, отсутствие, плоха, плохая, полная, помойка, прозябать, процветает в стране, разруха, сегодняшняя, страшна, убогость, ужасно, унижение, это плохо*.

По реакциям мы видим, насколько сильно затронула бедность нашу страну, насколько тяжело она переживалась гражданами.

Обратные словари подтверждают сделанные нами выводы и подчеркивают существование в нашей стране парадоксальной бедности, а также показывают самые незащищенные слои нашего общества. Кроме того, в эти годы и сама страна воспринимается как очень бедная (или несчастная?):

беден – *народ*; бедная – *деревня, женщина, старуха, старушка, мама, медицина, о стране, страна, учительница*; бедное – *государство, общество, хозяйство*; бедность – *военный, жалость, колхоз, крестьяне, страна, студент, увечье, экономика, всюду*; бедные – *крестьяне, рабочие*; бедные люди – *математики*; бедный – *студент, крестьянин, колхоз, инженер, безработный, солдатик, инвалид, трудяга, солдат, вдовый, старик, музыкант, пролетариат, советский, сотрудник*,

труженик; бедный инженер – НИИ; бедный человек – бедняга, трудяга; нищая – бедная, пьяница, страна; нищее – государство; нищета – колхоз, интеллигенция, многодетная; нищие – бедная, бедность, крестьяне, трудящиеся; нищий – студент, безработный, пролетариат, калека, бездомный, бомж, крестьянин, страна, инженер, лентяй, служащий, совхоз, интеллигент, солдат, трудяга, трудящиеся.

Однако и здесь проявляется традиционное к беднякам сочувствие: бедным – *сочувствие*; бедных – *жалеть*.

Таким образом, мы видим, насколько распространенными стали слова, связанные с бедностью, насколько они актуализировались в сознании наших граждан. Этот же вывод подтверждает уже упомянутый нами Словарь языковых изменений последнего десятилетия 20-го века. Он показывает, что слова «бедность», «бедные», «бедняк», «малообеспеченный», «неимущий», «неимущие» в эти годы актуализировались [Скляревская 2002]. Часто стали использоваться такие устойчивые словосочетания, как «порог бедности», «черта бедности». Словарь, по мнению его авторов, впервые зафиксировал слова «малообеспеченность» и «незащищенный».

Итак, одной из самых больших проблем в России остается бедность ее граждан. Можно сказать, что правительство пытается решить эту проблему, однако до ее разрешения еще очень далеко. Мы все еще помним 90-е годы. Сколько стариков было вынуждено рыться по помойкам, чтобы найти себе хоть какую-то еду? Вероятно, слишком многие были тогда бесчувственными, потому что, чтобы перенести все это, нужно было отключить чувства, совесть, мысль. Иначе настигало ощущение бесконечного ужаса. Сейчас, по мере отдаления от тех времен, мы как будто «размораживаемся», оттаивают ощущение и чувство стыда, и начинает болеть, как болит рана, отходящая от заморозки. У всей нации возникает чувство стыда за отношение к родителям, ветеранам, калекам, немощным и больным. Может быть, русским нужно постоянно испытывать стыд? И выльется ли этот стыд во что-то позитивное? Или богатые будут по-прежнему отгораживаться от своих соотечественников высокими заборами, закрытыми поселками, бронированными джипами и охраной и мечтать уехать за границу, где нет такого безобразия? Посмотрим, каков же образ богатых в русском языковом сознании, как раскрывается ценность *богатство* в нашей культуре.

Восприятие богатства в русском языковом сознании

В Толковом словаре под редакцией Ушакова **богатый** (человек) определяется как *«обладающий большим имуществом, преимущественно денежным»*, а **богатство** – как *«большое имущество, преимущ. денежное»*. Однако, точные размеры этого «большого» имущества не определены и, на наш взгляд, не могут быть определены. Если для определения бедности можно ввести некие параметры (как мы видели выше), начиная от минимального набора ресурсов, необходимых для жизни, и заканчивая отношением уровня жизни данной группы к среднему по стране, то для определения богатых людей таких параметров нет. Даже на официальном уровне, когда пытаются ввести налог на роскошь, или налог на богатство, сталкиваются с тем, что в нашей стране пожилые люди могут владеть квартирой в центре Москвы, очень дорогой в стоимостном выражении, но при этом жить на пенсию,

т.е. находиться на грани бедности. Кроме того, власть сама сняла любые рамки, отменив прогрессивный налог на прибыль, в результате чего всё население: и военные, и пенсионеры, и миллиардеры – платят 13% подоходного налога.

Соответственно, в русском языковом сознании образ богатого достаточно размыт: некоторые граждане называют «олигархом» любого обеспеченного человека, а сами «богатеи», сравнивая себя с еще более богатыми, считают, что не так уж они и обеспечены. Воистину, «кому жемчуг мелок, а кому щи жидкие». Образ олигарха мы рассмотрим ниже, а пока проследим, как менялось отношение к богатым и богатству в нашей стране.

Исторический опыт русских зафиксирован в пословицах и поговорках, в которых (в частности, взятых из словаря В.И. Даля) утверждается, что, во-первых (одни из самых частых пословиц), богатство – это благо. Богатому многое позволено, его жизнь праздная и счастливая: Богатому все (или: ежедень) праздник. Богатому и умирать не хочется. Богатый хоть врет, и то впрок идет. Были бы бумажки, будут и милашки. Живется, у кого денежка ведется. И правда тонет, коли золото всплывает. И слова не скажи, только гроши покажи (т.е. поймут). Как деньги при бедре, так помогут при беде. У богатого все сладко, все гладко. Богатому все льготно. Золото (или: Мошина) не говорит, да много творит (или: а чудеса творит). Золотой молоток и железные ворота прокует (или: отпирает). Кто силен да богат, тому хорошо воевать. Сила и слава богатству послушны. Стоит крикнуть да денежкой брякнуть – все будет.

Кроме того, богатому все рады. Рады с ним подружиться, породниться: Богатому везде дом. Богаты, так здравствуйте, а убоги, так прощайте! В полном мешке – брат родной; в полумешке – двоюродный; на дне мешка – в сватовстве; а нет в мешке, нет и родни. Добр Мартын, коли есть алтын. При деньгах Панфил всем людям мил; без денег Панфил никому не мил (или: всем постыл). Кто богат, тот мне и брат. С деньгами мил, без денег постыл.

Наконец, богатство связано с умом, т.е. чаще всего богатым становится умный человек, и наоборот. Богатый в любом случае считается умным: Богатство ум рождает (или: ум дает). Богатый ума купит; убогий и свой бы продал, да не берут. Кормлена лошадь, так и добра; богат мужик, так и умен. Ни конь без узды, ни богатство без ума. Рубль есть – и ум есть; нет рубля – нет и ума.

С другой стороны, богатство преходяще, оно зависит от удачи: Богатство – вода: пришла и ушла. Вдруг густо – вдруг пусто.

Богатство приносит множество проблем: Богатому не спится: богатый вора боится. Богатому сладко естся, да плохо спится. Богатство гинет, а нищета живет. Богатство полюбится, и ум расступится. Богатство родителей – порча детям (или: кара детям). Богатый – что бык рогатый: в тесные ворота не влезет. Богатый и не тужит, да скучает. Богатый совести не купит, а свою погубляет. Через золото слезы льются. Убогого доука, богатого скука одолевает. Мамон гнетет, так и сон неймет. Нищий болезней ищет, а к богатому они сами идут. Отец богатый, да сын неудатный. Соболино одеяльце в ногах, да потонули подушки в слезах.

Богатство очень часто связано со скупостью: Будешь богат, будешь и скуп. Не от скудости (или: убожества) скупость вышла, от богатства. Не убогий дол-

жает, а богатый. Сыта свинья, а все жрет; богат мужик, а все копит. Он тут не весь: половина его в земле есть (т. е. деньги зарыты).

В этом богатому противопоставляется тороватый (великодушный, щедрый), к которому испытывают больше симпатий: Не проси у богатого, проси у тороватого. Не богатый кормит, тороватый. Не богат, да тороват. Не богато, да торовато живет. Не богатый пиво варит, тороватый. На что мне (или: не надо мне) богатого, подай тороватого! Скупой на тороватого копит.

Наконец, богатство связано с несправедливой жизнью: В аду не быть – богатства не нажить. У богатого черт детей качает. Пусти душу в ад, будешь богат. Ростовщики на том свете каленые пятаки голыми руками считают. Не отвернешь головы клячом, не будешь богачом. И двери богатых стыдятся нищих. Богатому черти деньги куют.

После Революции 1917-го богатых в нашей стране не стало (за исключением нескольких лет НЭПа), но бедных не убавилось. Правда, теперь им не с кем было себя сравнивать, они видели таких же бедных повсюду, а значит, гораздо легче переживали свою малообеспеченность. Разумеется, мы говорим здесь не о голоде 30-ых годов, хотя и там нужно говорить не о бедности, а о катастрофической нехватке продовольствия. Долгое время «богатый» было в нашей стране чуть ли не ругательством на официальном уровне, а на неофициальном деньги все равно ничего не решали – на них невозможно было что-либо купить. С началом перестройки появились и первые советские богачи – кооператоры. Отношение к ним в обществе сразу стало отрицательным: цены на кооперативные товары были высокими, непривычными для советских людей. Кооператоры, или, как их стали называть, «кооперативщики» были чаще всего богатыми, им же общественное сознание приписывало хитрость, ушлость, пронырливость. Толковый словарь русского языка конца 20 века зафиксировал такие употребления: «У нас ходят слухи, что какие-то ушлые кооперативщики выкрали сборник совершенно секретных документов КГБ» (АиФ, 26.05.90). «Перестроечный кооперативщик... более похож на местечкового «гешефтмахера»» (ЛР, 26.04.91) [7]. Именно кооперативы стали первыми ласточками надвигающегося рынка. Дэвид Хоффман показывает, что именно с кооперативов началась предпринимательская карьера Александра Смоленского. В работе с кооперативами впервые хорошо зарекомендовал себя и Ю.М. Лужков [Хоффман 2007].

В дальнейшем, в период «дикого капитализма», когда доходы граждан стали различаться коренным образом, и в нашей стране появились по-настоящему богатые и нищие, отношение к богатым еще больше ухудшилось. Конечно, люди были озлоблены, поскольку рушилось всё, земля уходила из-под ног. Они сразу лишились всего: страны, статуса, сбережений. Лишились миллионы, а приобрели единицы. Естественно, людям казалось это несправедливым, а несправедливость – это в России хуже, чем нарушение закона. Разжиганию ненависти способствовало и поведение самих, как их стали называть, «новых русских», строящих шикарные особняки за двухметровыми заборами, швыряющихся деньгами, отдающими за ужин в ресторане сумму, равную полугодовой зарплате своей прислуги. Такое кичливое хвастовство богатством, чаще всего несправедливо нажитым, создало в обществе социальную напряженность, усиливающуюся тем, что, по мнению большинства, власть стоит на стороне богатых.

Сейчас эти тенденции сглаживаются, ненависти все меньше, однако разрыв между богатыми и бедными продолжает увеличиваться. Увеличивается и пропасть между ними. Кроме того, отрицательное отношение к богатым усугубляется еще и тем, что они так и не стали национальной элитой. Чаще всего они мыслят себя вне России. Самые богатые люди России постоянно проживают в Лондоне, там же живут их семьи, учатся дети. Это же отношение зафиксировано и у детей обеспеченных людей. Так, в одной из элитных гимназий г. Омска, где учатся дети городской элиты, на вопрос «В какой стране ты хотел бы жить?» были получены просто вопиющие результаты. В России хотели бы жить лишь 2 девочки и 3 мальчика из всего класса, в котором 25 человек. При этом заметно, что с возрастом соотношение меняется. Уехать из страны к 15 годам хотят уже 53% «богатых» молодых людей. Одна из девушек пишет: «Хочу жить в Австралии, к большому сожалению, я не патриот».

И наоборот, среди учащихся другой омской школы, в основном из бедных семей, оказалось больше всего патриотов: в России хотят остаться 8 из 9 молодых людей («только в России» – пишет один из них) и 7 из 9 девушек. Как пишет автор статьи С. Старовойтов, «среди мест иммиграции в подростковой среде наиболее популярны США, Германия, Великобритания, Франция. Встречаются Чехия, Канада, Австралия, Аргентина, Италия, Испания, Португалия, Бразилия. А также: “там, где хорошо платят” и “где наиболее благополучные условия”» [Старовойтов 2002]. Таким образом, мы видим, что среди богатых детей, будущих руководителей нации из благополучных семей, которые ни в чем не нуждаются, уже к 12 годам формируется установка, что «из этой страны» нужно уезжать. На наш взгляд, это действительно трагедия России.

Правда, в последнее время все чаще стали появляться сообщения о том, что наши соотечественники возвращаются, но тенденция, на наш взгляд, остается той же. И это еще один повод для остальных не любить богатых. Хотя, как утверждают социологи, ненависть к богатым – это миф. Остальные сограждане к богатым скорее равнодушны. Об этом свидетельствует и опрос того же Левада-центра, проведенный в 2003, 2004 и 2005 годах. Цифры остаются почти неизменными: к людям, разбогатевшим за последние 10-15 лет, с уважением относятся около 13% (в 2003 году – 14%, в 2004 – 15%, в 2005 – 12%), с сочувствием – 2%, с интересом – около 15%, с раздражением – 14%, с презрением – 6-7%, с ненавистью – 8%, но больше всего граждан, 41%, вообще не питает к ним никаких чувств (<http://www.levada.ru/press/2005112102.html>).

Исследование ВЦИОМ подтверждает эти данные. Согласно их опросу, к людям, которые за последние 15 лет разбогатели, с симпатией относятся только 3% опрошенных, еще 12% – с уважением и 10% – с интересом. При этом 19% относятся к ним с подозрением, неприязнью, 5% – с презрением и всего 2% – с завистью. Большинство же, 44%, относятся к ним не лучше и не хуже, чем ко всем остальным <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3765.html>

Можно было бы сказать, что опрошенные просто стремились выглядеть лучше в глазах интервьюера, но приведенные выше данные ассоциативного эксперимента, а также русские пословицы подтверждают эти данные.

Богатство ассоциируется у респондентов прежде всего с жадностью (32% опрошенных считают, что богатым присуща жадность), но и с инициативностью, энергичностью (30%), а также с неуважением к закону (26%) [там же]. На наш взгляд, эти опросы грешат тем, что понятие богатства недифференцировано. Для наших же граждан важным является вопрос, насколько богат человек, своим ли трудом заработал состояние. По этим основным параметрам отличаются и олигархи, о которых мы поговорим ниже, и обычные предприниматели, и высококвалифицированные специалисты, достигнувшие благополучия своим трудом.

Что касается неосознаваемых представлений о богатых вообще, то посмотрим, каковы реакции испытуемых на стимул «богатый». По данным РАС, реакции либо нейтральные: *бедный, человек 12, мужик 5, кооператор, купец 3*, либо отрицательные: *тоже плачет 3, дурак, злой, проклятый, несчастный, плачет, подлец, сноб*.

Богатство – это, конечно, прежде всего *деньги (11)*, но также и *большое, души 4, бедность, народа, народное, несметное, огромное 3; братство, власть, духовное, знаний, золото, мое, хорошо 2; ад, бред, дикое, жадность, козлов, не радость, рабство, смерть, там царь над золотом чахнет, тяжесть*.

Положительные реакции единичны: *беспроблемная жизнь, впрок, денежки, дорожке, достаток, жизнь, и слава, комфорт, роскошь, свобода, хорошо жить*.

Таким образом, мы видим, что, по данным РАС, во-первых, богатство – это не всегда обязательно деньги, а во-вторых, оно не воспринимается как что-то однозначно положительное или желанное.

Обратный словарь только подтверждает наши выводы.

На 1 этапе (то есть в 1988 – 1991 годах) реакция «богатый» получена, в первую очередь, на стимул *урожаем 77, бедный 21, колхоз 5, владелец, материальный, нищенский 4, край, магазин 3*. Стимула «человек» нет вообще!

Реакция «богатая» появляется на стимулы *природа 7, речь, страна 2*.

Реакцию «богатство» вызывают такие стимулы как *здоровье 7, золото, хлеб 6, урожай 4, природа 2*.

На Втором этапе (1992 – 1993 годы) картина уже несколько изменяется. Отношение к богатству становится лично окрашенным: *богатство – мое 3, богатый – жених 3, буду, родственник, принц, сват*, хотя по-прежнему стимул «человек» отсутствует, а чаще всего эту реакцию вызывают стимулы *колорит 7, нищий, щедрый 6, капиталист 4, миллионер 3, дар, кругозор 2. Богатая – Америка 2, богатое – воображение 15*.

На третьем этапе (1994 - 1995) изменений не слишком много: *богат – русский язык 3; богатая – бедная, фантазия 6, богатство – несметный 32, роскошь 16, золото, наживать 12, нищета 7, бедность, наше 6, богатый – купец 16, барин 7, золотник, князь, несметный, предприниматель 4*.

Таким образом, мы видим, что богатые – это некий довольно расплывчатый образ, далекий от большинства наших сограждан.

Кроме того, характерно, что в последнее время недовольство общества сместилось от очень богатых людей, олигархов к чиновникам и политикам (если высокие доходы олигархов раздражают 19% граждан, то высокие зарплаты чиновников – 24%, а высокие расходы на содержание депутатов – 31%).

Подводя итоги, можно сказать, что «богатство» и «бедность» весьма актуализированы в языковом сознании русских. Особенно это касается антиценности *бедность*, поскольку проблема бедности так или иначе затронула всю нашу страну. В нищете оказались десятки миллионов наших граждан, многим из которых уже никогда не удастся из нее выбраться. Это наш позор и наша боль. С другой стороны, богатство как высшая ценность только декларируется. И в ментальности народа, и в его языковом сознании богатство занимает отнюдь не ведущее место. Небольшая группа людей, оказавшаяся в состоянии извлечь личную пользу и выгоду из осуществленных реформ, так и не стала национальной элитой в подлинном смысле. Она по-прежнему вызывает у народа негативные чувства, усугубляя их своим образом жизни и установками. Для самих же граждан здоровье, безопасность, благожелательность, универсализм, самостоятельность и традиционализм являются намного более значимыми [Лейбин 2014].

Литература

- Архангельская Н.* Кто беден в России// Эксперт. 2004. № 16 (417).
- Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы// Отв. ред. Рябов А.В., Курбангалиева Е.Ш. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]: подгот. по 2-му печ. изд. 1880–1882 гг. – М.: АСТ и др.: 1998.
- Денисов П.Н., Морковкин В.В.* Словарь сочетаемости слов русского языка. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1983. – 686 с.
- Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасова Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский ассоциативный словарь. – М., 1994.
- Лежнина Ю.П.* Роль здоровья в борьбе с бедностью и эксклюзией у пенсионеров// П. Романов, Е. Ярская-Смирнова Социальная политика в современной России: реформы и повседневность. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – С. 197-223.
- Лейбин В., Вакарюк В., Руднев М.* Братья или чужаки? // Русский репортер №41 (369) от 23.10.2014.
- Леонтьев А.А.* Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977.
- Малева Т.М.* (ред.). Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Коллективная монография. Науч. докл. – М.: Моск. центр Карнеги, 1998. – 281 с.
- Ослунд А.* Сравнительная олигархия: Россия, Украина и США// Отечественные записки. 2005. № 1. – С. 49-72.
- Привалов А.* Приговор по нераскрытому делу// Эксперт. 2005. № 29-30 (476).
- Раунд Д.* Конструирование феномена «бедности» в постсоветской России// П. Романов, Е. Ярская-Смирнова Социальная политика в современной России: реформы и повседневность. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – 167-196.
- Склярёвская Г.Н.* (ред.). Толковый словарь русского языка конца 20 в. Языковые изменения. – СПб: Фолио-Пресс, 2002. – 700 с.
- Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков. Выпуск 2 (В – Воль). / под ред. Л. Карповой. – СПб.: Наука. Ленинградское отделение, 2006. – 344с.

Старовойтов С. Принцы и нищие / Завтра. – 2002, № 46 (469) от 11.11.2002.

Стафьева Е. Ценность денег// Вещь. 2005. № 10 (63).

Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей (проект) // Вопросы психолингвистики № 1 (15), 2013. – С. 8-17.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб, 1998.

Ушаков Д. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov>.

Хинштейн А. Как убивают Россию. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 470 с.

Хоффман Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России. – М.: Колibri, 2007. – 624 с.

А.А. Степанова, Д.В. Маховиков

УДК 81'23

ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ НОСИТЕЛЯМИ ОБЫДЕННОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ¹

В статье приводится обзор исследований, представляющих психологический и психолингвистический подход к именам собственным, который сопровождается нашим анализом ассоциативных полей антропонимов, полученных по данным свободного ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: имя собственное, антропонимы, обыденное языковое сознание, ассоциативное поле, ассоциативные эксперимент.

Anna A. Stepanova, Denis V. Makhovikov

CHARACTERISTICS OF PROPER NAMES IN THE ORDINARY LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The article reviews psychological and psycholinguistic researches of proper names. The theoretical part is supported by our analysis of associative fields formed for personal names based on associative experiment results.

Keywords: proper names, personal names, ordinary language consciousness, associative field, associative experiment.

Психологический или психолингвистический подход к изучению имен собственных имеет давнюю историю, но исследования этого аспекта не отличаются фундаментальностью, а носят скорее фрагментарный характер. Антропонимы можно назвать важными маркерами, которые расскажут о половой принадлежности, возрасте и зачастую о социальном статусе носителя. Этот факт подтверждают многие исследователи [Kasof 1993; Mehrabian 2001; Mehrabian, Piercy 1993; Aura, Hess 2004]. Отмечается даже, что человек, имя которого звучит как афроамериканское, имеет меньше шансов получить работу по сравнению с человеком, имя которого звучит иначе [Bertrand, Mullainthan 2004].

Исследователи приводят примеры того, как имена оказывают влияние на поведение человека. У народов ашанти (Западная Африка) принято называть детей в зависимости от дня недели, в которой был рожден ребенок. При этом личные качества связываются с полученными именами. Ожидается, что мальчики, рожденные в понедельник, должны быть тихие и уравновешенные, а в среду – агрессивными [Hargreaves, Colman, Sluckin 1983].

Еще одним примером психологического влияния имен может служить ситуация в племени пондо (Южная Африка). Здесь принята целая система табу, запрещающая замужней женщине произносить имена некоторых своих родственников [Hunter 1961].

Исследование выполнено при поддержке грантов Президента РФ № НШ-366.1.2012.6 и МК-3661.2013.6, а также гранта РГНФ № 12-04-12059в.

Таким образом, поскольку факт психологической и социальной значимости имени собственного известен и неоспорим, многие исследователи пытаются нащупать рычаги влияния имени, выявить характеристики имени, отношение к ним или их оценку носителями языка. Ряд ученых поднимают вопрос привлекательности, пытаются объяснить престижность имени через различные факторы.

Харгривс и его коллеги объясняют привлекательность некоторых имен тем, что они более привычны. Редкие имена нравятся меньше, чем распространенные. К такому выводу ученых привели результаты эксперимента, в котором они просили испытуемых оценить имена по степени привлекательности и привычности для них [Hargreaves, Colman, Sluckin 1983]. В то же время отмечается, что, когда популярность имени достигает своего пика, его привлекательность резко снижается [Hargreaves, Colman, Sluckin 1983].

Другая группа исследователей [Laham, Koval, Alter 2012] связывает привлекательность имени с его звучанием. Согласно их гипотезе, легкие в произношении имена оцениваются более позитивно по сравнению со сложно произносимыми именами. Вывод основан на серии экспериментов.

О престижности имен писали и отечественные исследователи. В.А. Никонов выдвинул понятие антропонимической нормы, которая, по его мнению, проявляется статистически, выражает общественный вкус в обусловленности выбора имен для каждого последующего периода [Никонов 1967]. Б.С. Шварцкопф выделяет характеристики имен из художественных произведений. Он использует понятие оценки речи, то есть функциональные характеристики, которые дают говорящие в процессе речи. Такие характеристики относятся к самой речи и эксплицитно в ней выражены, они представляют собой результат интуитивного обобщения говорящими своего речевого опыта [Шварцкопф 1976]. Автор отдает себе отчет в том, что такие характеристики имен собственных можно назвать вторичными: они не выражают непосредственных оценок носителей языка, а преломляются через сознание писателя.

Непосредственные характеристики имени носителями языка, разумеется, более информативны. Их можно выявить в процессе эксперимента. Обзор экспериментальных исследований имен собственных, которые могут определяться как психоономастические, приводит Н.В. Васильева. Как отмечает автор, развернутого определения термина «психоономастика» еще не сложилось [Васильева 2014], хотя в интернациональном словаре базовых ономастических терминов он присутствует и определяется как «область ономастики, которая занимается именами собственными с позиции психолингвистики» [List of Key Onomastic Terms].

Наиболее популярным методом психолингвистического исследования является ассоциативный эксперимент, хотя таких опытов с именами собственными пока проведено немного. Разумеется, стоит отметить работу А.В. Суперанской, пионерскую в этом направлении, целью которой было изучение восприятия собственных имен, в частности топонимов. По результатам эксперимента А.В. Суперанская приходит к выводу, что в активном употреблении у каждого человека имеется ограниченное число имен, активный фонд известных человеку имен зависит от его профессии и местожительства, кроме того, общий фонд активности ономастической

лексики бывает един для значительных коллективов и территориях и в разных социальных и профессиональных коллективах [Суперанская 1975].

Особо отметим исследование А.А. Черноброва, автора «Ассоциативного словаря английских личных имен» [1995], так как наш собственный анализ в какой-то мере коррелирует с ним.

А.А. Чернобров подчеркивает значимость ассоциативного эксперимента и тематического опроса для изучения имен собственных, так как такие методы дают возможность выявить как общеизвестные, так и специфические фоновые знания, определяющие их коммуникативную значимость [Чернобров 2003]. Исследователь говорит о том, что ассоциативный эксперимент ценен свежестью синхронического среза. Актуальные ассоциации имени собственного оперативно отражают культурные стереотипы сознания. Имена собственные тесно связаны с культурой в материальном смысле. Под связью с культурой А.А. Чернобров понимает ассоциативную связь имен с культурно-специфическими объектами. Исследователь отмечает, что ассоциативный словарь дает возможность установить, какие имена в силу свойств их носителя могут быть материалом вторичной номинации [Чернобров 2003].

А.А. Чернобров проводит анализ ассоциативных полей «Ассоциативного словаря английских личных имен» и приходит к выводу, что реакции распадаются на следующие виды: реакции-персоналии; другие реалии; коннотации и характеристики имен; фразеологические выражения и свернутые тексты; фонетические ассоциации.

Согласно этому исследованию, персоналии составляют абсолютное большинство: личные имена связаны в сознании испытуемых с наиболее известными носителями (Abraham – Lincoln; Teddy – Roosevelt). На втором месте по количеству реакций стоят ономастические реалии других типов: названия книг, фильмов и т.д. (Mercedes – cars, Georgia – state).

Фразеологические выражения и свернутые тексты занимают меньше место в сознании носителей. Наибольшее количество реакций такого типа составляют свернутые тексты стихов и скороговорок (Mary – had a little lamb; Jill – Jack and Jill came up the hill).

Как отмечает А.А. Чернобров, наиболее ценные реакции, характеристики и их коннотации, получены в малом количестве. Автор разделяет коннотации на: оценочно-эмоциональные (Ashley – weak name; Peggy – warm name), функционально-стилистические (Bessie – country name; Mamie – country name). Отмечается локальная окраска некоторых имен (Madge – Welsh lady; Griffith – old Welsh name), исторический колорит (Ronald – legend; Cecil – history), национальная принадлежность (свое – чужое) (Nina – Russian; Gil – Israeli name).

Автор выделяет имена, которые четко ассоциировались с кличками животных. Такие имена чаще всего характеризовались как непривлекательные и относились к малоупотребимым дериватам (Polly – parrot; Dobbin – horse).

Фонетические ассоциации обнаружены двух видов: этимологически мотивированные (Lily – flower, Olive – oil) и случайные (Eve – Xmas Eve; Frank – open) [Чернобров 2000].

В отличие от эксперимента А.А. Черноброва наше исследование посвящено антропонимам русского языка и характеристикам, которые приписывают именам собственным наивные носители русского же языка.

Идея возникла при изучении ономастикона Русского ассоциативного словаря. Было обнаружено, что антропонимы представлены в нем далеко не в полной мере, и решено расширить наши представления об этой области ономастики.

В качестве материала исследования было отобрано более 400 антропонимов, распространенных на территории Российской Федерации. Выборка производилась при помощи множества Интернет-сайтов, на которых обсуждаются вопросы выбора имени для новорожденного и предлагаются рейтинги имен ЗАГСов по разным годам и регионам страны, например, babyblog.ru; lifeflowers.net; imena21.ru; detlep.ru и многих других, а также учитывались стимулы-антропонимы Русского ассоциативного словаря. К 400 полученным таким образом антропонимам относятся как полные формы, так и уменьшительно-ласкательные варианты.

Имена были перемешаны в случайном порядке и разбиты на 8 типов анкет по 50 стимулов в каждой. Мы планируем опросить около 100 испытуемых по анкете каждого типа. Таким образом, в результате надеемся получить более 800 анкет. Проведена уже большая часть опроса, по результатам которого можно сделать некоторые выводы.

Исследование А.А. Черноброва вызвала у нас большой интерес, так как независимо от его выводов при анализе полученных нами реакций мы интуитивно разбили их на похожие типы, представляющие собой, как нам кажется, характеристики, которыми наивные носители русского языка определяют то или иное имя. Таким образом, совокупность полученных реакций распадается на следующие виды в зависимости от доминирующего признака, который носители языка приписывают имени, или от особенности ассоциирования:

- прецеденты;
- собственно характеристики;
- семантически диффузная совокупность реакций;
- ассоциации на форму слова;
- фонетические ассоциации.

Остановимся на каждом типе более подробно. Под прецедентами мы понимаем прецедентные тексты в понимании Ю.Н. Караулова, который определяет их как «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216].

Это самая многочисленная группа, к которой мы отнесли реакции-названия фильмов, имена знаменитостей и т. д. (*Зоя – Космодемьянская* 8; *Вениамин – «Папины дочки»* 4; *Маргарита – Мастер* 10; *Тарас – Бульба* 32; *Марк – Твен* 12; *Людмила – Руслан* 10; *Герасим – Му-Му* 42; *Филипп – Киркоров* 27). В эту же группу мы отнесли реакции, которые, сами не являясь именем собственным, характеризуют антропоним-стимул как прецедентный феномен, например, *Пелагея – невица* 17; *Кузя – домовенок* 22, *домовой* 7; *Ольга – княгиня* 9, *крещение* 2). На наш взгляд, к прецедентам можно отнести также свернутые тексты, например, тексты скороговорок, стихов, песен (*Карл – кораллы* 6, *Клара* 5, *коралл* 2, *украл* 2, *Карл у Клары украл кораллы* 2, *украл у Клары, вор*).

Мы отметили, что антропонимы, имеющие тесную связь с прецедентным феноменом имеют более четкое ядро ассоциативного поля, реакции с наибольшей частотностью, например, *Маргарита* – Мастер 8; цветок5; цветок маргаритка 4; Мастер и Маргарита 3; Булгаков 3; маргарин 3; цветы 2; коктейль 2; *Тарас* – Бульба 32; персонаж книги 2; Гоголь 2; Украина 2; сильный 2; казачество; казак; атаман; воин; степи; *Арина* – няня 9, Родионова 7, Пушкин 2; Герасим – Му-Му 32; собака 5; персонаж книги 2; молчаливый 2.

Интересно, что иногда прецедентный образ дает устаревшему имени второе рождение, например, имя *Пелагея* утратило статус устаревшего с появлением одноименной группы: *Пелагея* – певица 17; голос 4; народная песня 2; песня. Подобные реакции мы наблюдаем наряду с *деревня, бабушка, сундук, кокошник, гусли, славянка, изба*, которые явно характеризуют имя как устаревшее.

Обратимся к следующему типу реакций, характеристикам, наиболее важной группе реакций, наименее предсказуемой и слабо мотивированной. Характеристики логически распадаются на оценочные и функционально-стилистические. Привлекательность имени, его престижность в настоящий период или, напротив, старомодность и неаттрактивность получают выражение в соответствующих реакциях.

Рассмотрим это на примерах ассоциативных полей *Дуня* и *Ваня*: *Дуня* – деревня 12, доярка 3, корова 2, платок 2, бабушка 2, Русь 2, повариха, трактористка, репка, старая дева; *Ваня* – сказка 5, деревня 4, дядя 3, дед 3, дурачок 3, дурак 3, деревенское 2, баня 2, друг 2, простота 2, простой 2, Иванушка.

Проанализировав приведенные выше ассоциативные поля, можно сделать вывод о том, что носители языка считают имена *Дуня* и *Ваня* просторечными, несовременными и непрестижными. Но это относится только к этим формам данного антропонима. Ассоциативные поля антропонима в полной форме и его различных уменьшительно-ласкательных образований будут существенно различаться.

Стимулы типа *Леха, Андрюха* имеют более размытое ассоциативное поле (*Леха* – друг 10, дворовый парень 3, простота 2, Алексей 2, псих 2, Лазарев2, пацан 2; *Андрюха* – друг 7, дружба 2, хулиган 2, школа 2, брюхо 2, брат 2, свой, братан, братуха, одноклассник). Несмотря на несильную концентрированность этих ассоциативных полей и множество единичных реакций, вырисовывается, на наш взгляд, вполне определенный денотат `дворовый простой парень, хулиган`. Если использовать категорию «свой – чужой», то такие имена оцениваются испытуемыми как «свои». К «чужим» носители русского языка относят имена, которые звучат «как не наши», типа *Амир* – Амур 6, – 6 восток 4, чурка 3, Кавказ 5, драгоценный камень 2, хач 2, нерусское 2, араб 2, кольцо 2, эмир 2, амир 2, боги, пустыня, горы, султан, понаехали, большой нос, море, продавец, скрытный, закрытый, иностранец, загар, чужой, турок, мир, зарубежность, чужеземное, Балтика, кумир, Тартарстан, Ашот, дебил, изюм, Баку, Аравия, Памир, Ближний Восток, татарин.

Интересно, что к «чужим» имена могут относиться независимо от происхождения. Так, в связи с нечастотностью имени Радомир в наши дни оно воспринимается в первую очередь как чужое, и только среди единичных реакций проскальзывает воспоминание о славянском происхождении этого имени (*Радомир* – - 3, нерусский 2, Испания, имя, грозный, старославяне, мир, радио, богатырь, царь, князь).

Ряд антропонимов отличаются крайней диффузностью ассоциативного поля, выделить ядро в нем не представляется возможным, например, **Юлия** – 3, *красота* 3, *Юлий Цезарь* 2, *тепло* 2, *юла* 4, *знакомая* 2, *Роман* 2, *умная* 2, *одноклассница* 2, *подруга* 2, *Юлька*, *подвох*, *громкое*, *пчела*, *хорошо говорит*, *симпатия*, *кольцо*, *магазин*; **Ирина** – *мама* 3, *ириска* 3, *тетя* 2, *знакомая* 2, - 2, *решительная* 2, *картина* 2; *мирная* 3; *рябина* 2; *пряжа*; *умница*; *длинная палка*; *утонченность*; *сериал*; *платице*; *всюду*; *человек ни о чем*; *цветы*; **Алевтина** – 4, *учительница* 4, *бабушка* 3, *оливка* 5, *осень* 2, *улыбка*, *грубое*, *радуга*, *склочница*, *женщина за 40*, *дура*, *шарф*, *старая дева*, *фильм*.

Некоторые имена характеризуются испытываемыми исключительно как клички животных, например, **Тимоша** – *кот* 21, *собака* 5, *попугай* 4, *ребенок* 4, *картошка* 2, *милый* 2, *мальчик* 2, *котенок* 2, *котик*, *собачка* 2, *конфеты*, *котэ*, *мягкий*, *плюшевый медвежонок*, *игрушка*; **Боря** – *поросенок* 6, *кот* 3, *баран* 3, *Моисеев* 5, *певец* 2, *свинья* 3, *Ельцин* 6, *простота* 2, *брат* 2, - 2, *луна* 2, *бык* 2, *друг* 2, *круглый*. Такие имена, а точнее формы имени, чаще всего полностью становятся именами для животных.

Остальные реакции можно было назвать случайными, если бы не их относительная частотность. Это фонетические ассоциации и реакции на форму слова, на его графический образ. Реакций на форму слова не очень много, их появление легко объяснить особенностью проведения эксперимента: эксперимент проводится в письменной форме. Вероятно, таких реакций можно было бы избежать, если бы мы предъявляли стимулы устно. Часто оба типа ассоциирования встречаются в одном ассоциативном поле. Реакции подобного типа появляются на имена и формы имен, которые редко встречаются в наши дни (**Фая** – *фея* 17, - 3, *Раневская* 5, *бабушка* 3, *фуфайка* 3, *песня «Фаина»* 2, *фен* 2, *Фет*, *нет Вай-Фая* 2, *ужасная песня*, *старушка*, *простушка*, *простота*; **Эля** – *эль* 7, *эльф* 3, *персонаж книги* 2, *подруга* 2, - 2, *ангел* 2, *алкоголь*, *Элеонора*, *эльфийка*, *пианино*, *напиток*, *Ирландия*; **Рая** – *рай* 8, *бабушка* 4, *тетя* 3, *Ада* 4, *простота* 2, *село* 2, *свет* 2, *яблоко* 2, *деревня* 4, *соседка* 3, -, *церковь*, *сарай*).

По результатам эксперимента было выявлено, что большая часть антропонимов имеет содержательные ассоциативные поля с четко выраженным ядром при значительном количестве единичных реакций. Перед началом исследования мы имели некоторые опасения, что основная часть ассоциаций будет представлять собой реакции типа *мой папа*, *моя мама*, *мой друг*, но наши опасения не подтвердились. Таких реакций оказалось незначительное число. В то же время выявилось большое количество реакций-характеристик, имеющих коннотативный характер. Кроме того, в ассоциативном поле ряда имен прослеживается денотат. Таким образом, исследование показало, что имена – это не пустые слова, которые используются для называния людей. Это сложные единицы со своеобразной семантикой, требующей более детального изучения. Ассоциативный эксперимент, как нам кажется, это один из методов, который в совокупности с другими экспериментальными методами может помочь в изучении такой спорной и противоречивой проблемы, как семантика имени собственного.

Литература

- Васильева Н.В.* Заметки о психолингвистике // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 2 (20). – С. 128–137.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
- Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.
- Никонов В.А.* Личные имена в современной России // Вопросы языкознания. – 1967. № 6. – С. 111.
- Суперанская А.В.* Экспериментальные методы изучения восприятия имен // Actes du XI-e Congrès international des sciences onomastiques. Sofia, 28 VI–4 VII 1972. – Sofia. 1975. Т 2, – С. 327–338.
- Чернобров А. А.* Ассоциативный словарь английских личных имен. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1994. – 98 с.
- Чернобров А.А.* О достоинствах и недостатках количественных эмпирических методов в лингвистике (Обзор ассоциативных экспериментов с собственными именами за 1993–1999 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://imena.org/name_exp.html (дата обращения: 20.08.2014).
- Чернобров А. А.* Лингвокультурология: основа интегрального гуманитарного знания (язык – философия – логика – психология – культура): Учебное пособие для студентов старших курсов гуманитарных факультетов, аспирантов и соискателей. Материалы к спецкурсу. - Новосибирск, Изд-во НГПУ, 2006.- 221 с.
- Шварцкопф Б.С.* О социальных и эстетических оценках личных имен // Ономастика и норма. – М.: Наука, 1976. – С. 47–59.
- Hargreaves, D.J., Colman A.M., Sluckin W.* The attractiveness of names // Human Relations. – 1983. Vol. 36, №4. P.393– 402.
- Hunter, M.* Reaction to conquest. – London: Oxford University Press, 1961. – P. 38.
- Kasof, J.*, Sex bias in the naming of stimulus persons // Psychological Bulletin. – 1993. – №13. – P. 140–163.
- Laham, S.M., Koval, P., Alter A.L.* The name pronunciation effect: Why people like Mr. Smith вчmore than Mr. Colquhoun // Journal of Experimental Social Psychology. – 2012. – № 48. – P. 752–756.
- List of Key Onomastic Terms [Электронный ресурс] // URL: www.icosweb.net/index.../terminology.htm (дата обращения 21.10.2014).
- Mehrabian, A.* Characteristics attributed to individuals on the basis of their first names // Genetic, Social, and General Psychology Monographs. – 2001. – №127. – P. 59–88.
- Mehrabian, A., Piercy M.* Positive or negative connotations of unconventionally conventionally spelled names // Journal of Social Psychology. – 1993 – №133. – P. 445–451.

В.А. Белов

УДК 81'23 / 81'373.421

ТИПЫ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ

Статья посвящена представленности синонимов в ментальном лексиконе. На основе экспериментальных и корпусных данных выделяются два типа синонимических рядов, имеющих различное строение.

Ключевые слова: синонимия, синонимический ряд, доминанта синонимического ряда, ментальный лексикон

Vadim A. Belov

TYPES OF SYNONYMIC ROWS

The article is devoted to the representation of synonyms in the mental lexicon. Based on experimental data two types of synonymic rows with different structures have been distinguished.

Keywords: synonymy, synonymic row, synonymic row dominant, mental lexicon

Введение

Традиционно считается, что синонимы могут быть объединены в синонимические пары или группы синонимов. Такие группы синонимов принято называть синонимическими рядами:

Основой для объединения синонимов традиционно признавались следующие критерии:

- отражение «одного и того же явления объективной действительности» [Палевская 1964: 31];

- общность или тождественность значения: «Synonymy is held to be sameness of meaning of different expressions» [Harris 1973: 11]; «Синонимы – слова близкие или тождественные по своему значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения, либо стилистической окраской, либо обоими признаками» (А.П. Евгеньева) [Словарь синонимов русского языка 1970: 8];

- тождество лексического значения и совпадение семантических валентностей: «Для признания двух слов (или синтаксически неразложимых фразеологических единиц) А и В лексическими синонимами необходимо и достаточно, (1) чтобы они имели полностью совпадающее толкование, т.е. переводились в одно и то же выражение семантического языка, (2) чтобы они имели одинаковое число активных семантических валентностей, (3) чтобы они принадлежали к одной и той же (глубинной) части речи» [Апресян 1995: 223];

- возможность функциональной замены: «Two words are synonyms if they can be used interchangeable in all sentence contexts» [Jackson 1988: 66]; (см. также [Звегинцев 1963]).

---

¹ Работа проведена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

Возможно, отсутствие единого представления о критериях синонимичности повлияло на то, что синонимические ряды по-разному представлены в словарях синонимов.

В современном языкознании принято выделять доминанту (центр, опорное слово) синонимического ряда, обладающую общим для всех членов синонимического ряда значением: «Синонимический ряд начинается опорным, или основным, словом. Опорное слово наиболее отчетливо выражает то понятие, которое обозначают слова, входящие в синонимический ряд. Таким в подавляющем большинстве случаев является слово в своем основном номинативном значении, непосредственно и прямо выражающем связь с предметом, явлением, понятием, иначе говоря, представляющем в современном литературном языке наиболее прямое и точное его наименование без дополнительных (экспрессивных, эмоциональных, стилистических) элементов» [Евгеньева 1970: 17]. Ю.Д. Апресян пишет, что доминанта имеет наиболее широкое в ряду значение, «является наиболее употребительным синонимом, обладает наиболее полной парадигмой, наиболее широким набором синтаксических конструкций, наиболее широкой сочетаемостью и наиболее нейтральна стилистически, прагматически, коммуникативно и просодически» [Апресян 2009: 219].

Доминанта синонимического ряда должна быть лишена стилистических, дополнительных эмоционально-экспрессивных оттенков: «Опорное слово синонимического ряда в своем значении представляет тип свободного номинативного значения или близкие к нему производные значения [Степанова 2006: 66]. Одно и то же слово (многозначное) может быть опорным сразу для нескольких синонимических рядов [там же].

Доминанта синонимического ряда выражает интегрирующее понятие, общие семы для всех членов синонимического ряда: «Ядро синонимического ряда обычно состоит из нескольких сем, в равной степени значимых для всех членов ряда» [Черняк 1989: 13]. Доминанта «нейтрализует» оттенки значений слов в синонимическом ряду. А.А. Брагина сравнивает отношения в синонимическом ряду с фонологической системой (в прочтении Н.С. Трубецкого) и называет доминанту фонемой (отвлеченной, наиболее абстрактной единицей), а другие члены синонимического ряда, обладающие оттенками значения, – аллофонами (см. [Брагина 1986: 30–37]).

По словам Ю.Д. Апресяна, доминанта имеет прагматическую специфику: «Она [доминанта. – В.Б.] обслуживает такие жизненные ситуации, в которых другие синонимы ряда не могут быть употреблены» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2003: 28].

Однако понятие доминанты вызывает у многих ученых серьезные возражения. Реальный статус доминанты не доказан и подвергается сомнению; это «приводит фактически к подмене природных свойств семантики естественных языков метаязыковой семантикой, единиц языка – единицами описания» [Уфимцева 1976: 33]. Анализ языкового материала нередко приводил ученых к мысли, что невозможно однозначно выделить в конкретных синонимических рядах доминанту, поскольку она не выражает общую, интегральную сему всей группы синонимов. Так, В.Д. Черняк говорит о том, что общую сему или ядерные семы нельзя представить в

виде одного слова – доминанты: «Общее значение синонимического ряда не может толковаться однословно» [Черняк 1989: 23].

Проблема доминанты особенно важна при составлении словарей синонимов. Как показывает лексикографическая практика, в некоторых случаях нелегко или невозможно выделить доминанту в синонимических рядах: нередко возникают ситуации, когда не все свойства доминанты «идеально согласованы друг с другом» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2003: 28].

При выделении доминанты оказывается важна установка лексикографа на те или иные семантические признаки. Так, при составлении Нового объяснительного словаря синонимов русского языка озвучивалась установка на антропоцентричность: «Большинство синонимических рядов, включенных в НОСС, объединены общей идеей человека, т.е. отобраны по принципу антропоцентричности» [Апресян 2009: 217]. Эта установка на практике проявляется в том, что при описании синонимических рядов важнейшее значение имеют признаки, связанные с деятельностью человека: например, в синонимическом ряду существительных определяющей являются признаки формы, цвета, размера, способа применения [там же].

Таким образом, несмотря на общепринятый подход к доминанте синонимического ряда и наличие критериев ее выделения, на практике ее определение вызывает определенные трудности. Поэтому для изучения структуры синонимического ряда мы обратились к психолингвистическому исследованию того, как представлены синонимы в ментальном лексиконе.

Описание эксперимента

Для исследования функционирования синонимов в ментальном лексиконе нами были организованы два психолингвистических эксперимента: в первом приняли участие 45 человек, во втором – 63 человека. В качестве испытуемых выступили студенты негуманитарных специальностей.

Испытуемым выдавались анкеты, в которых были приведены синонимические ряды. Предлагалось определить (путем подчёркивания), какое слово в каждом ряду является главным. В инструкции говорилось, что это слово должно выражать максимально общее значение, характерное для всего ряда в целом. Также предусматривался вариант отсутствия подобного слова – в тесте был специальный пункт «нет». Время на проведение эксперимента не ограничивалось.

Для проведения экспериментов были составлены две экспериментальные таблицы. Первая таблица состояла из 12 синонимических рядов, вторая – 20.

Отобранные для первого эксперимента синонимические ряды по-разному трактуются в различных словарях синонимов. Например, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» представлен ряд «еда, снедь (уходящее), яства (книжное), пища» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2003: 314], в словаре В.Н. Ключевой – «пища, еда, корм, харчи, яства, снедь» [Ключева 1956: 144-145], в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой – «пища, пропитание, еда, съестное, харчи (прост.), харч (прост.), жратва (груб.-прост.), шамовка (груб.-прост.)» [Словарь синонимов русского языка 1970: 146-147], в словаре З.Е. Александровой – «пища, питание, пропитание, стол, еда, снедь; кормежка, харч(и), харчевка (прост.), жратва, шамовка (груб.-прост.), корм (для животных)» [Александрова 2001: 117]; в словаре Н. Абрамова – «пища, кушанье, снедь, еда, брашно,

яства (множ. ч.), стол, харчи (харч), хлеб, хлеба, продовольствие, провизия, провиант, съедобное, съестные припасы, пищевое вещество, продукт потребления; лакомство, сладь, амброзия (<пища богов>)» [Абрамов 1911: 107].

В синонимические ряды, представленные в первом эксперименте, были включены те синонимы, которые указаны во всех словарях синонимов. Из эксперимента были исключены слова, имеющие выраженные стилистические ограничения (например, *харчи, жратва*) и низкую частотность употребления в современном русском языке (например, *башино* имеет частотность 27).

Второй эксперимент содержал 20 синонимических рядов. Принцип отбора синонимических рядов здесь был изменен: в отличие от первого эксперимента, куда были включены синонимические ряды из разных словарей, для второго эксперимента были отобраны ряды только из словаря синонимов под редакцией А.П. Евгеньевой [Словарь синонимов русского языка 1970]. При этом, как и в первом эксперименте, из синонимических рядов также исключались слова, имеющие выраженные стилистические ограничения и низкую частотность употребления в современном русском языке.

В обоих случаях выбирались синонимические ряды, содержащие только имена существительные. Синонимические ряды состояли из слов литературного языка. Нами была проведена корпусная проверка материала эксперимента (для этого использовался Национальный корпус русского языка), но в отличие от «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», где корпусные данные служили «эмпирической базой исследования и источником иллюстрации» [Апресян 2009: 218], в нашем эксперименте проверялась частотность синонимов. Критерий частотности важен, потому что доминанта должна обладать высокой частотностью в языке.

Типология синонимических рядов

Результаты эксперимента и корпусное исследование позволяют выделить два типа (группы) синонимических рядов.

В **первую группу** вошли синонимические ряды, доминанту которых можно однозначно определить с помощью экспериментальных и частотных данных. В таких случаях наблюдается согласование экспериментальных и частотных данных: испытуемые в подавляющем количестве случаев называют доминантой самое частотное слово. Например, слово *судьба* будет ядерным для ряда *фортуна, удел, судьба, доля, пища* – для ряда *корм, яства, пища, еда*.

В первом эксперименте из 12 синонимических рядов в первую группу попало 8 (67 %), а во втором – 14 (70 %).

Таблица 1. Центрированные синонимические ряды (первый эксперимент)

	Синоним	Ответы испытуемых	Частотность словоформы
1	Корм	1	1 226
	Яства	3	260
	Пища	29	2 016
	Еда	9	1 674
	Нет	0	–

2	Фортуна	0	306
	Удел	0	1 160*
	Судьба	38	13 832
	Доля	0	5 420*
	<i>Нет</i>	7	–
3	Недуг	4	487
	Хворь	0	148
	Болезнь	32	8 644
	Заболевание	9	1 000
	<i>Нет</i>	0	–
4	Мальш	3	1 421
	Шалун	0	239
	Ребенок	39	13 070
	Кроха	1	72
	<i>Нет</i>	2	–
5	Приятель	3	4 558
	Друг	25	76 005
	Товарищ	3	21 827
	<i>Нет</i>	14	–
6	Враньё	0	802
	Вымысел	2	496
	Неправда	12	2 998
	Ложь	27	4 475
	<i>Нет</i>	5	–
7	Диалог	1	2 399
	Переговоры	0	5 910
	Беседа	4	3 294
	Разговор	12	26 688
	Речь	26	30 355
	<i>Нет</i>	2	–
8	Стезя	2	71
	Тропа	0	997
	Путь	25	32 326
	Дорога	16	13 267
	<i>Нет</i>	3	–

9	Занятие	8	3 694
	Труд	23	11 013
	Дело	8	142 812
	Работа	5	27 345
	<i>Нет</i>	1	–

* Возможно совпадение частотности омонимов.

Таблица 2. Центрированные синонимические ряды (второй эксперимент)

	Синоним	Ответы испытуемых	Частотность словоформы
1	Недостаток	21	4 555
	Изъян	10	268
	Порок	14	1 160
	Несовершенство	13	421
	<i>нет</i>	5	-
2	Колдун	8	700
	Волшебник	31	844
	Чародей	9	254
	<i>нет</i>	15	-
3	Восторг	19	3 760
	Восхищение	9	1 333
	Упоение	9	302
	Экстаз	12	389
	<i>нет</i>	12	-
4	Вид	17	29 240*
	Облик	8	3 168
	Внешность	26	1 630
	Наружность	6	1 314
	<i>нет</i>	4	-
5	Безрассудство	17	96
	Безумие	21	1 663
	Сумасшествие	9	405
	Сумасбродство	6	65
	<i>нет</i>	9	-

6	Огонь	28	15 244
	Пламя	12	3 672
	Пыл	10	674
	<i>нет</i>	13	-
7	Ошибка	48	3 975
	Просчет	6	186
	Промах	4	573
	<i>нет</i>	4	-
8	Памятник	31	4 275
	Монумент	6	457
	Надгробие	0	106
	Мавзолей	10	331
	<i>нет</i>	15	
9	Пейзаж	8	1 701
	Ландшафт	13	628
	Вид	35	29 240*
	<i>нет</i>	7	-
10	Врач	29	8 744
	Доктор	7	20 150*
	Медик	10	594
	Лекарь	9	1 026
	<i>нет</i>	8	-
11	Источник	22	6 321
	Ключ	8	6 452*
	Родник	20	447
	<i>нет</i>	4	-
12	Взгляд	13	28 769*
	Воззрение	4	383
	Убеждение	9	2 208
	Точка зрения	23	1 442
	<i>нет</i>	13	-

13	Недочет	16	75
	Пробел	7	483*
	Дефект	25	338
	<i>нет</i>	14	-
14	Привилегия	6	287
	Преимущество	21	2 800
	Льгота	15	141
	Прерогатива	9	136
	<i>нет</i>	12	-

* Возможно совпадение частотности омонимов.

В подобных случаях центром синонимического ряда является слово, обладающее общим для всего ряда значением и наиболее высокой языковой частотностью. Синонимические ряды первой группы мы назвали центрированными, так как они имеют явно выраженный центр.

Отдельного обсуждения требуют сложные синонимические ряды *занятие – труд – дело – работа; вид – внешность – облик – наружность; врач – доктор – лекарь – медик*, где наблюдается рассогласование экспериментальных и корпусных данных. Так, несмотря на чрезвычайно высокую частотность синонима *дело*, испытываемые чаще называют главным слово *труд*, которое по частотности значительно уступает словам *дело* и *работа*.

Рассогласование экспериментальных и корпусных данных в этом случае, на наш взгляд, объясняется тем, что ряд образован словами, имеющими высокую языковую частотность и богатое лексическое значение²: «... more frequently used words tending to be more polysemous than less frequent ones» [Taylor 2003: 98]. Поэтому синоним *дело* преобладает лишь над определенными значениями входящих в синонимический ряд слов, а не над словами в целом. В подобных случаях контекст ряда актуализирует определенные значения синонимов.

Используя термины когнитивной лингвистики, доминанту синонимического ряда можно назвать прототипом синонимического ряда в том смысле, что она является идеальным представителем категории: «By prototypes of categories we have generally meant the clearest cases of membership defined operationally by people's judgments of goodness of membership in the category» [Rosch 1978: 38].

По отношению к доминанте центрированных рядов применим также термин «инвариант», активно обсуждаемый в функциональной грамматике. Как отмечает А.В. Бондарко, прототип и инвариант объединяют роль источника воздействия на зависимые объекты: «Прототип – это эталонный репрезентант, эталонный вариант определенного инварианта среди прочих его представителей (вариантов)» [Бондарко 2002: 263].

² По данным Малого академического словаря [Словарь русского языка 1985], слово *дело* имеет 15 лексико-семантических вариантов,

Рассматривая проблему центрарованных синонимических рядов в ментальном лексиконе, нельзя оставить в стороне вопрос о причинах доминирования одного члена над другими членами синонимического ряда. Попытаемся объяснить причины доминирования центра над другими членами ряда.

Существует точка зрения, восходящая к идеям Л.С. Выготского, согласно которой история семантического поля определяет его строение [Ахутина 1994]. Похожего подхода придерживаются Дж. Лакофф и М. Джонсон, утверждающие, что новое понятие в сознании формируется через познанные (освоенные) понятия [Лакофф, Джонсон 2004]. Согласно этой точке зрения доминантой ряда становится слово, которое усвоено человеком раньше других. Однако, если следовать такому подходу, иерархия в синонимическом ряду должна оказываться неизменной с момента освоения языка. Одна и та же единица должна доминировать в течение всего времени существования семантического поля.

Понятно, что последнее заявление противоречит современным исследованиям человеческой памяти, в которых доказывается, что память человека можно «переписать». См., например, детальное экспериментальное исследование памяти в [Найсер, Хаймен 2005]. Память человека, в том числе языковая память, динамична. В когнитивной лингвистике представление о языке как динамичном феномене является одним из основных посылов: «Knowledge of a language is dynamic, and evolves in accordance with a person's linguistic experience» [Taylor 2003: 28].

Как представляется, в этом случае плодотворно разграничение синхронии и диахронии синонимического ряда. В диахронической перспективе иерархия синонимического ряда может меняться: по-видимому, доминанта ряда при определенных условиях может потерять свой статус, напротив, другое слово ряда, освоенное позднее, может стать доминантой, подчинив «старшие» синонимы. Выскажем предположение, что доминирование синонима в синхронии объясняется его утилитарностью: «It seems likely that things are first named so as to categorize them in a maximally useful way. The categorization that is most useful for very young children may change as they grow older» [Brown 1958: 20].

Во **вторую группу синонимических рядов** были включены синонимические ряды, доминанту которых испытуемые затруднились выбрать: преобладает ответ «нет» (т.е. испытуемые не смогли выбрать главное слово ряда) или сразу несколько синонимов ряда получили большое количество «баллов» от испытуемых. Сюда относятся ряды: *буря – ураган – метель – вьюга – пурга; хандра – грусть – тоска – печаль – скука, плут – жулик – похититель – вор – мошенник.*

Во вторую группу были отнесены 4 синонимических ряда (33 % от общего количества) из первого эксперимента и 6 рядов (30 %) из второго эксперимента.

Выделить доминанту в синонимических рядах второго типа невозможно. Вместе с тем семантическая связь между этими понятиями не вызывает сомнения.

По всей видимости, слова в подобных синонимических рядах объединены на основе семантического гештальта, который нельзя выразить с помощью конкретной вербальной единицы. Существование невербального семантического кода доказывается в работах отечественной психолингвистики (см. [Жинкин 1964]).

Невербальный смысловой код объединяет семантически близкие слова. Пользуясь метафорой Л. Витгенштейна, можно сказать, что синонимы в таких ря-

Таблица 3. Нецентрированные синонимические ряды (первый эксперимент)

	Синоним	Ответы испытуемых	Частотность словоформы
1	Буря	9	2 438
	Ураган	6	825
	Метель	8	1 386
	Вьюга	4	660
	Пурга	1	468
	<i>Нет</i>	17	–
2	Плут	4	569
	Жулик	3	596
	Похититель	2	137
	Вор	11	2 993
	Мошенник	14	710
	<i>Нет</i>	11	–
3	Хандра	7	167
	Грусть	9	1 806
	Тоска	6	5 000
	Печаль	9	2 328
	Скука	4	1 597
	<i>Нет</i>	10	–

* Возможно совпадение частотности омонимов.

Таблица 4. Нецентрированные синонимические ряды (второй эксперимент)

	Синоним	Ответы испытуемых	Частотность словоформы
1	Каприз	9	545
	Прихоть	12	330
	Причуда	8	84
	Фокус	12	1 093
	<i>нет</i>	20	-
2	Манера	11	1 722
	Привычка	14	2 661
	Обычай	11	2 548
	Обыкновение	8	755
	<i>нет</i>	19	-

3	Дымка	1	395
	Мгла	9	662
	Муть	19	661
	Туман	17	5 499
	<i>нет</i>	17	-
4	Влечение	13	952
	Тяга	7	991*
	Склонность	19	1 705
	Страсть	16	5 962
	<i>нет</i>	8	-
5	Окончание	3	1 273*
	Завершение	18	1 004
	Конец	22	20 846
	Финал	14	1 398
	<i>нет</i>	5	-
6	Поправка	8	378
	Исправление	24	610
	Корректировка	25	166
	<i>нет</i>	6	-

*Возможно совпадение частотности омонимов.

дах связаны по принципу «семейного сходства». Л. Витгенштейн ввел это сравнение для понятий, не допускающих точного определения³: «Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их «семейными сходствами», ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т.д. и т.п.» [Витгенштейн 1994: 111]⁴.

Синонимические ряды второго типа были названы нецентрированными, т.к. они не имеют четкого вербального центра. Выделять доминанту в нецентрирован-

³ В лингвистической литературе встречается не совсем корректное использование понятия Витгенштейна: такая интерпретация термина восходит к статье Э. Рош: «He [L. Wittgenstein. – В.Б.] suggested that, rather, a family resemblance might be what linked the various referents of a word. A family resemblance relationship consists of a set of items of the form AB, BC, CD, DE. That is, each item has at least one, and probably several, elements in common with one or more other items, but no, or few, elements are common to all items». [Rosch, Mervis 1975: 574-575].

⁴ Советский психолог Л.С. Выготский, рассуждая о «мышлении в комплексах», использует похожее сравнение: «Всякое фамильное имя, например “Петровы”, охватывает такой комплекс единичных предметов, который ближе всего подходит к комплексному характеру детского мышления» [Выготский 2000: 355].

ных синонимических рядах сложно, а применение методики так называемого компонентного анализа не даст четкого результата, потому что смысловая общность ряда образована за счет несловесных единиц.

Заключение

Использование экспериментальных и корпусных методов исследования позволяет выделить две группы синонимических рядов.

Синонимические ряды первой группы (центрированные синонимические ряды) организованы вокруг вербального центра – доминанты. Важным критерием включения ряда в эту группу стало совпадение экспериментальных и корпусных данных, т.е. испытуемые не испытывают затруднений при определении главного слова ряда. Именно применительно к центрированным синонимическим рядам допустимо говорить о доминанте синонимического ряда как о лингвистическом и психолингвистическом понятии.

Синонимические ряды второй группы (нецентрированные синонимические ряды) объединены с помощью семантического гештальта, который принадлежит к внутреннему невербальному коду, поэтому выделить доминанту в таком ряду невозможно.

Предложенная типология дает ответ на активно обсуждаемый в традиционной лингвистике вопрос, возможно ли выделение доминанты в синонимических рядах. Результаты проведенного нами исследования показывают, что доминанту можно выделить только у центрированных синонимических рядов. Таким образом, использование психолингвистических методов исследования позволило по-новому взглянуть на проблему структуры синонимического ряда, охарактеризовав два типа синонимических рядов, имеющих различную организацию.

Вместе с тем предложенная типология, как и любая научная классификация, описывает лишь общие правила и может не учитывать переходные и сложные случаи, когда трудно однозначно определить, к какому типу относится синонимический ряд, поэтому в будущем необходимо продолжить исследование организации синонимических рядов.

Литература

- Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – 3-е изд. – М., 1911. – 176 с.
- Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. – 11-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. – 586 с.
- Апресян Ю.Д.* Исследования по семантике и лексикографии: Т. 1: Парадигматика. – М., 2009. – 568 с.
- Ахутина Т.В.* Проблема строения индивидуального лексикона человека в свете идей Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Серия 14, «Психология». 1994. – № 4. – С. 44-51.
- Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002. – 736 с.
- Брагина А.А.* Синонимы в литературном языке. – М., 1986. – 126 с.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. – М., 1994. – 612 с.

- Выготский Л.С.* Психология. – М., 2000. – 1008 с.
- Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – М., 1964. – № 6. – С. 26-38.
- Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные работы. – М., 2005. – 543 с.
- Звегинцев В.А.* Замечания о лексической синонимии // Вопросы теории и истории языка: Сборник в честь проф. Б.А. Ларина. – Л., 1963. – С. 137-138.
- Клюева В.Н.* Краткий словарь синонимов русского языка. – М., 1956. – 280 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём. – М., 2004. – 256 с.
- Найсер У., Хаймен А.* Когнитивная психология памяти. – СПб, 2005. – 640 с.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. руководством Ю.Д. Апресяна. – М, 2003. – 1488 с.
- Палевская М.Ф.* Синонимы в русском языке. – М., 1964. – 120 с.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1985. – Т. 2. – 696 с.
- Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – Л., 1970.
- Степанова В.В.* Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии. – СПб., 2006. – 272 с.
- Уфимцева А.А.* Семантический аспект языковых знаков // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 31-45.
- Черняк В.Д.* Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов. – Л., 1989. – 118 с.
- Brown R.* How shall a thing be called? // Psychological Review. – 1958. – Vol. 65. – № 1. – P. 14-21.
- Harris R.* Synonymy and Linguistic Analysis. – Oxford, 1973. – 166 p.
- Jackson, H.* Words and Their Meaning. – London, 1988. – 280 p.
- Rosch E., Mervis C.* Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories // Cognitive psychology. – 1975. – № 7. – p. 573-605.
- Rosch E.* Principles of Categorization // Cognition and Categorization / Ed. by E. Rosch, B. Lloyd. – Hillsdale, 1978. – p. 27-48.
- Taylor J.R.* Cognitive Grammar. – Oxford, 2003. – 621 p.

Выдающийся американский ученый профессор Дэвид Хортон Смит является основоположником эмпирических исследований гражданского общества в США, автором и редактором более 15 опубликованных книг и монографий и более 160 статей в научных журналах, глав в монографиях и статей в энциклопедиях. Д.Х. Смит является почетным членом Американской социологической ассоциации, членом Американской психологической ассоциации, членом Американской ассоциации продвижения науки.

В 1971 г. Д.Х.Смит основал первую международную междисциплинарную ассоциацию исследователей гражданского общества ARNOWA (Association for Research on Nonprofit Organizations and Voluntary Action (www.arnova.org)). Профессор Д.Х. Смит является основателем первого международного научного журнала, посвященного исследованиям третьего сектора, который сегодня носит название Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. Журнал стал популярной международной площадкой обсуждения исследований некоммерческих организаций, гражданского общества, благотворительности и добровольчества (<http://nvs.sagepub.com>).

Профессор Смит посвятил более 50 лет изучению проблем гражданского общества. Его научные интересы охватывают широкий спектр проблем, касающихся организации и самоорганизации некоммерческого сектора, в частности объединения людей на основе добровольческой деятельности, воздействия подобных объединений на социальную динамику общества, мотивов совместной добровольческой деятельности и роли психологических и социальных факторов в формировании мотивации добровольческой деятельности.

С 2013 г. Д.Х. Смит в сотрудничестве с Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики» проводит социологическое обследование мотивации вовлеченности взрослого населения Российской Федерации. Программа исследования разработана на основе разработанной Д.Х. Смитом комплексной модели человеческого поведения, в том числе социального поведения и добровольческой деятельности.

Дэвид Хортон Смит

S-ТЕОРИЯ: ОБЪЯСНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА¹

Общественные науки, изучающие поведение человека, определяют тысячи переменных, релевантных для объяснения и/или прогнозирования поведения индивида. Вместе с тем теории, которые носили бы междисциплинарный и интегративный характер и согласовывали бы эти переменные между собой, весьма немно-

---

¹ Автор благодарит своих коллег René Bekkers, Ram Cnaan, Christopher Corbett, Christopher Einolf, Chao Guo, Алису Молдаванову и Ярослава Слободского-Плюснина за полезные и вдумчивые комментарии к раннему варианту данной статьи.

численны и обычно не универсальны. Данная статья представляет собой краткий обзор новой, обобщающей, количественной, согласованной, междисциплинарной теории, использующей 31 пропозицию/гипотезу, 50 релевантных переменных величин и понятий, а также Базовое Уравнение Поведения (BBE)². Выдвигается гипотеза о том, что Базовое Уравнение Поведения в различных его вариантах может объяснить и предсказать почти любое сложное поведение человека, включая поведение в обществе и волонтерство. В основе уравнения лежит одна из двух широких, внешне наблюдаемых Зависимых Переменных (DV), оценивающих поведение человека, называемых Позиция (P) и Изменение Позиции (P'). Наиболее компактной версией Базового Уравнения Поведения является Краткое BBE: $P' = B \times E \times Y$, где **B** = Тело человеческого индивида (англ. Body), **E** = внешняя Среда по отношению к этому телу (англ. Environment), а **Y** (Пси) = психологическая система индивида, его Психика (англ. Psyche).

Ключевые слова: S-Теория, Синантрометрия³, Базовые Уравнения Поведения, общая теория поведения человека, междисциплинарная теория гуманитарных наук, человек как психо-социо-био-система, эволюционная психология, микросоциология, биосоциология, социобиология, Новая Стандартная Модель Науки о Человеке.

David Horton Smith

S-THEORY: EXPLAINING INDIVIDUAL HUMAN BEHAVIOR

(Translated from English by Dina B. Nikoulitcheva)

The socio-behavioral sciences have identified thousands of variables relevant to explaining/predicting human individual behavior, but interdisciplinary and integrative theories linking these are very rare and usually not comprehensive. This paper presents an abbreviated overview of a new, comprehensive, quantitative, consilient, interdisciplinary theory that uses 31 propositions/hypotheses, 50 relevant variables and concepts, and a Basic Behavior Equation (BBE) in various forms that are hypothesized to explain and predict the complexity of nearly all individual human behavior, including sociality and voluntary action. Using one or the other of two broad, externally observable, dependent variable measures of behavior called Position (P) or Position Change (P'), the most compact version of S-Theory is the Brief BBE: $P' = B \times E \times Y$, where B = the Body of an individual human, E = the external Environment of the body, and Y = the Psyche, referring to the total psychological system of an individual.

---

² Английское название уравнения Basic Behavior Equation сокращается как BBE. В целях сохранения формульного аппарата теории в сокращениях далее везде будут использоваться аббревиатуры, производные от англоязычных терминов (прим. переводчика).

³ Синантрометрия – неологизм, созданный автором для обозначения своей теории, которая стремится к синтезу разнообразных трансдисциплинарных влияний (на переменные) на поведение людей (антро-) с помощью количественных уравнений (метрика).

Keywords: S-Theory, Synanthrometrics, Basic Behavior Equations, general theory of human individual behavior, interdisciplinary human science theory, humans as psycho-social-bio-systems, evolutionary psychology, micro-sociology, bio-sociology, sociobiology, New Standard Human Science Model.

Часть первая

Общественные науки, изучающие поведение человека, определяют тысячи переменных, релевантных для объяснения и прогнозирования поведения индивида. Вместе с тем теории, которые носили бы междисциплинарный и интегративный характер и согласовывали бы эти переменные между собой, весьма немногочисленны и обычно не всеохватны. Некоторые ученые полагают, что люди, их разум, их мозг, их поведение принадлежат к наиболее сложным явлениям во Вселенной (напр., [Gribbin 2004: xix; E. Wilson 1999: 199]). Данная статья представляет собой краткий обзор новой, обобщающей, количественной, согласованной, междисциплинарной теории, использующей 31 пропозицию/гипотезу, 50 релевантных переменных величин и понятий, а также Базовое Уравнение Поведения (БВЕ). Выдвигается гипотеза о том, что Базовое Уравнение Поведения в различных его вариантах может объяснить и предсказать почти любое сложное поведение человека, включая поведение в обществе и волонтерство. Более полная версия S-Теории будет представлена в находящейся в печати книге [Smith, 2015b]. Наиболее компактной версией Базового Уравнения Поведения является Краткое БВЕ: $P' = V \times E \times Y$, где V = тело человеческого индивида, E = внешняя среда индивида, а Y (Пси) = его психика. Это уравнение основано на одной из двух широких, внешне наблюдаемых Зависимых Переменных (DV), оценивающих поведение человека, называемых Позиция (P) и Изменение Позиции (P').

Психология и другие общественные науки, исследующие поведение человека, издавна стремились понять, почему индивиды делают то, что они делают, и как они делают то, что делают.

Но в основном психологи сосредоточивают свое внимание на демонстрации статистической значимости одной или нескольких объяснительных / прогнозирующих переменных, влияющих на поведение в условиях тщательных лабораторных экспериментов (часто проводящихся на студентах колледжей или университетов). И очень редко психологи создают широкие количественные теории, построенные на множестве переменных, определяющих, когда, где, с кем и как это происходит. S-Теория представляет собой подобную попытку, использующую биологические переменные, переменные, характеризующие среду (в том числе, социокультурную систему), а также психологические переменные.

По соображениям объема статьи, в ней не предлагается общего обзора теорий человеческого поведения. Тем не менее ей предшествует множество обзоров разнообразных по своей эмпирической подтвержденности макро-, мезо- и микро-теорий/моделей поведения людей как в целом, так и в отношении разных поведенческих типов.

Основываясь на предшествующем исследовании и теории, эта статья представляет собой обзор S-теории, или Синантрометрики как обобщающего, коли-

чественного, междисциплинарного, согласованного подхода к объяснению человеческого поведения (поведения индивида) в любом пространственно-временном контексте (любой ситуации), включая сверхсоциальное поведение и волонтерскую деятельность. Данная теория, *представленная здесь только отчасти*, являет собой согласованный подход, основанный на предшествующих исследованиях и синтезе теорий, созданных в рамках отдельных научных дисциплин и областей, причем не только психологии и социологии. Подробно *согласованность* обсуждается в книге Е. О. Wilson [1999] с одноименным названием.

S-теория оперирует двумя основными уравнениями поведения, получившими название Базовые Уравнения Поведения - Basic Behavior Equations (BBEs):

Краткое Базовое Уравнение Поведения (Краткое BBE) включает три обобщающих, объяснительных/прогнозных *Мега-Переменные* (наиболее общие переменные) в качестве Независимых Переменных – Independent Variables (IVs): Тело – Body/B, Среда – Environment/E, и Психика – Psyche/Y (см. P2 ниже).

Общая /Полная Версия (General BBE/CV) состоит из 22 объясняющих/прогнозных IV, которые значительно расширяют Мега-IV Краткого BBE, а также Ключевых Макро-IV, которые в совокупности необходимы и достаточны для объяснения/предсказания всех или почти всех типов поведения при его подробном изучении (см. P4 ниже).

S-Теория охватывает всю протяженность жизни человека и развития тела от зачатия, включая стадию зародыша в матке, до нескольких часов после смерти мозга, когда прекращается всякая наблюдаемая деятельность.

S-Теория также рассматривает поведение человека в повседневной жизни, общие модели использования времени как потенциальные Зависимые Переменные /DV, а не только определенные конкретные события во время фаз бодрствования. Под повседневной жизнью здесь понимаются все секунды, минуты и часы любого дня, недели, месяца и года на протяжении всей жизни индивида, включая время после зачатия в материнской утробе до рождения. S-Теория включает базовые принципы экологической психологии, особенно концепцию естественной социальной среды и условностей.

Нововведением S-Теории является рассмотрение поведения индивида в течение *периодов сна и бодрствования*, в различных измененных состояниях сознания и подсознания в рамках обычных суточных циклов. В данном подходе утверждается, что любая по-настоящему обобщающая теория человеческого поведения должна охватывать все время, отведенное для жизни, и модели использования времени, а не только объяснять нормальные состояния бодрствования не включенного в организационные структуры взрослого населения в любом обществе или любом месте проживания.

В отличие от более узкой Стандартной Модели Социальных Наук (SSSM), разработанной авторами Tooby и Cosmides (1992), S-Теория включает как биологические переменные (Тело/B) так и психологические переменные (Психика/Y), чем достигается более глубокое объяснение / предсказание разнообразия всех типов человеческого поведения. S-Теория расширяет понимание переменных среды, или окружения (Среда/E), за рамки обычных аспектов социокультурных систем / сетей

/ организаций и социальных ролей / категорий в различных институциональных областях за счет включения дополнительных переменных из географии, лингвистики и сфер коммуникации.

Следуя принципам открытости и всеобщности, S-Теория учитывает причинно-следственные факторы/IV до активации Зависимых Переменных/DV определенного поведения: основные причинно-следственные факторы, опосредованные и непосредственные (ближайшие). В отличие S-Теории большинство социобиохевиористских теорий рассматривает только непосредственные (ближайшие) причинно-следственные факторы, немедленно предшествующие активации поведенческих Зависимых Переменных. Эволюционная психология и биосоциология (или социобиология) являются исключениями. S-Теория – также исключение, но ее можно рассматривать более широко, как *психо-био-социологию* или *социо-био-психологию*, поскольку она включает Независимые Переменные IV из биологии, социологии (и других социальных наук) и психологии. Проще говоря, **S-Теория – редкий пример глубоко интегративной, междисциплинарной науки о человеке, способной адекватно учитывать сложность человеческого мозга, сознания и поведения.**

Хотя Краткое ВВЕ наводит на мысль о детерминистском математическом подходе к многомерному анализу, *S-Теория в принципе отвергает такой упрощенный детерминизм в оценке человеческого поведения.* Детерминистское Краткое ВВЕ в Уравнении 1 представляет собой лишь простой пример трех Мега IV и их мультипликативных отношений. *В целом S-Теория утверждает, что поведение человека может быть описано с помощью вероятностного объяснения /прогноза, а не строгого детерминизма.* Данный подход может учитывать следующие факторы влияния:

- (а) случайные и непредсказуемые (в настоящее время) события;
- (б) как внутренние (непоправимые), так и внешние (частично или полностью поправимые) ошибки измерения;
- (с) сложные математические и расчетные проблемы, связанные с (i) относительно большим числом потенциально значимых объяснительных / прогнозных переменных; (ii) нелинейной динамикой (обусловленностью) при изучении / анализе определенных форм поведения; и (iii) добавлением некоторых *Пороговых IV s*, которые влияют на поведение исключительно при значениях, выше или ниже определенных порогов. Такие переменные представляют собой непредвиденные Независимые Переменные/IV.

Только после практического тестирования S-Теории в будущем можно ответить на вопрос, являются ли выделенные до сих пор три Мега-IV и составляющие их 22 Ключевые Макро-IV Общего ВВЕ/CV в совокупности необходимыми и достаточными для детального объяснения большинства вариантов Зависимых Переменных/DV и правильного измерения всех основных типов индивидуального поведения человека.

Уже было доказано, что все 22 Ключевые Макро-IV в S-Теории имеют значительное влияние на поведение человека. Однако многочисленные исследования проводились с измерением лишь одного, двух или трех таких IV. Психологи часто

используют одну или две из семи Макро-IV Психики для объяснения / предсказания поведения (например, [John et al. 2008: Chap. 1]), тогда как все семь Макро-IV, как к тому призывает S-Теория, рассматриваются чрезвычайно редко.

В рамках одного исследования редко проводилось измерение хотя бы пяти, не говоря уже о всех 22 Ключевых Макро-IV Общего Уравнения ВВЕ/CV, представляющих различные типы Независимых Переменных IV. Правильное измерение большего числа *типов* Ключевых IV (по сравнению с меньшим) обычно приводит к более адекватному объяснению индивидуального поведения (объяснение большего числа отклонений, см. [Smith 2015a]). Это значит, что подход, избранный в рамках Полной Версии S-Теории, является по меньшей степени многообещающим.

Базовое уравнение поведения S-теории

В данной статье не рассматриваются многие из Пропозиций Полной Версии S-Теории, которая вскоре будет представлена в книге [Smith 2015b]. Все Пропозиции, описанные в данной статье, пронумерованы последовательно, начиная с P1, P2, и т.д. Поэтому нумерация пропозиций в более развернутой версии *отличается* от нумерации пропозиций в данной статье.

P1: S-Теория использует две связанных, широких, внешне наблюдаемых Зависимых Переменных (DV) значений поведения, обозначенных как *Позиция* (P) и *Изменение Позиции* (P'), более подробно рассмотренные ниже (см. P12-P15).

P2: S-Теорию можно подытожить математически в Кратком Базовом Уравнении Поведения (Brief ВВЕ) в детерминистской форме, из которой следует, что поведение человека (P') является результатом влияния трех Мега-IV: Тела индивида (B), Среды (E), и Психики, психологической системы, или сознания (Y).

(Ур. 1) $P' = B \times E \times Y$

P3: В Краткой Версии ВВЕ три Мега-IV определяются следующим образом:

(1) Мега-IV Тела/B потенциально включает все зависимые Макро-IV, которые полностью описывают физиологические состояния и процессы Тела человека.

(2) Мега-IV Среды/E потенциально включает все зависимые Макро-IV, которые полностью описывают состояния и процессы мира, окружающего тело человека.

(3) Мега-IV Психики/Y потенциально включает все зависимые Макро-IV, которые полностью описывают сознание или психологическую систему индивида, измеряемую как эксплицитно (осознанно), так и имплицитно (неосознанно). Психика/Y - гипотетический конструкт, имеющий отношение к разуму (сознанию) человека или его психологической системе как комплексному, последовательному и целостному (holistic) набору частично осознанных состояний и процессов мозга и нервной системы. В Психике многое скорее неосознано/ имплицитно, нежели осознано/ эксплицитно.

P4: Наиболее полная версия ВВЕ в S-Теории, названная Общее ВВЕ/*Полная Версия* (General ВВЕ/CV), содержит 22 Ключевых Макро-IV:

(Ур. 2) $P =$ [десять IV *Значимого Тела* (BIF, CAP, BGR, CN, CHS, CFC, BE, BSA, CAB, BSR)] + [пять IV *Значимой Среды* (PPM, EDF, SBS, CE, GBP)] + [семь IV *Психики* (M, A, G, I, C, π, S)], или проще:

(Ур. 3) $P = [BIF + CAP + BGR + CN + CHS + CFC + BE + BSA + CAB + BSR] + [PPM + EDF + SBS + CE + GBP] + [M + A + G + I + C + \pi + S]$

P5: Содержание (краткое обозначение) всех 22 Ключевых Макро-IV, подразделяемых на 3 типа Мега-IV:

(A) Десять Ключевых Макро-IV Значимого Тела (Relevant-Body /R-B):

(1) BIF (Body Internal Functioning) = Внутреннее Функционирование Тела (здоровье тела) на текущий момент;

(2) CAP (Conscious Alertness Phase) = Фаза Сознательной Бдительности на текущий момент (Бдительное Бодрствование, Рассеянное Бодрствование, Переходное состояние, Ступор, Легкий Сон, Глубокий Сон, Кома);

(3) BGR (Behavior Genetics Relevant) = Генетически Детерминированное Поведение (различные генетические поведенческие диспозиции, актуальные на текущий момент для DV определенного поведения);

(4) CN (Current Neurology) = Текущая Неврология (Текущая Нейрохимия) / CNC; Текущая Нейрофизиология/CNP);

(5) CHS (Current Hormones and Secretions) = Гормоны и Секреция на текущий момент;

(6) CFC (Current Foreign Chemicals) = Чужеродные (внешнего происхождения) Химические вещества и организмы (бактерии и вирусы);

(7) BE (Body Emissions) = Выделения Тела (испражнения, внешняя секреция, запахи, звуки) на текущий момент

(8) BSA (Body Surface-structure Appearance) = Характерные черты Поверхности Тела (волосы на голове и теле, цвет и фактура кожи, татуировки, шрамы, прыщи, родинки и пр., а также видимые аномалии тела, дефекты и пр.) на текущий момент

(9) CAB (Clothing and Adornments on the Body) = Одежда и Украшения на Теле на текущий момент (технически относится к Микро-Среде/МIE, но по практическим соображениям включено в данную группу);

(10) BSR (Body-linked Socio-cultural Roles) = Социокультурные Роли, связанные с Телом на текущий момент (например, возраст, пол, расо-этническая принадлежность, отклонения в росте или весе, дефекты лица или тела, вариации нормы относительно ограниченных возможностей (инвалидности) [слепой, глухой, немой, с параличом нижних конечностей или полным параличом, с ампутациями, жертва родовой травмы, с повреждением мозга, большой психозом], и пр.).

(B) Пять Ключевых Макро-IV Значимой Среды (R-E), некоторые из которых относятся к Микро-Среде (MIE):

(1) PPM (Physical Permissiveness of the Micro-Environment) = Физические Ограничения Микро-Среды на текущий момент (в какой степени Микро-Среда/МIE ограничивает нормальные, нестандартные, двигательные возможности Тела);

EDF (Environment Driver Factors) = Факторы Воздействия Среды на текущий момент (объективно присутствующие, вредные или опасные стимулы или ситуации в Микро-Среде/ МIE, которые могут заставить индивида покинуть данную Микро-Среду или улучшить/ устранить эти стимулы, если это представляется возможным,

например, сильный холод, жара, ветер, влажность, ядовитый газ, звуки, яркий свет, радиация, неприятный запах, опасные животные, люди, ситуации и пр.);

SBS (Socio-cultural Behavior Setting) = Социокультурный Фон Поведения (социокультурная значимая ситуация или фон, на котором проявляется поведение; обстановка, физически и объективно присутствующая [vs. Воспринимаемая индивидом как Ощущаемое Давление (FP) см. ниже] в Микро-Среде (MIE) или широкой социокультурной среде, ассоциативно связанная с нормативными ожиданиями поведения;

CE (Control over the Environment) = Контроль (объективно вероятный) над Средой, осуществляемый индивидом;

GBP (General Bio-Physical environment) = Общая Био-Физическая Среда на текущий момент (включая Естественную Биологическую Среду, не связанную с жизнедеятельностью человека/NNB, Искусственно Созданную Среду/BAE, а также Среду Проживания Человека/HPE).

(C) Семь Ключевых Макро-IV Психики (Y):

(1) M (Motivations) = Мотивации / диспозиции;

(2) A (Affects) = Аффекты (влияние) / эмоции;

(3) G (Goals) = Цели / намерения;

(4) I (Intellectual capacities) = Интеллектуальные способности / навыки;

(5) C (Cognitions) = Когниции / схемы / восприятие / сознание;

(6) π (π) = Ощущаемый уровень боли, если такой имеется [Пороговые IV];

(7) S (Self) = (Субъективное) «я» – сознательная и бессознательная, уникальная модель организации других шести Независимых Переменных Психики (Psyche IVs), которые обозначаются термином *Независимые Переменные Жизненных Установок (Life Stance IVs/L*, или M, A, G, I, C, π).

P6: 22 Ключевые Макро-IV Полной Версии Базового Уравнения Поведения ВВЕ/СV являются дополнительными и вероятностными по своим взаимосвязям и влиянию на поведение, но не обязательно линейными в этих отношениях. *Выдвигается гипотеза о том, что данные 22 IV необходимы и достаточны для объяснения или прогноза почти всех типов человеческого поведения с высокой точностью в рамках случайных и в настоящее время непредсказуемых событий, а также в рамках ограничений и ошибок измерений, некоторые из которых неизбежны.* S-Теория утверждает, что эти 22 Ключевые IV представляют собой, в частично законченном виде, глубинные структуры и элементарные структуры (фундаментальные базовые модели) всего человеческого поведения. Объяснение/ прогноз некоторых типов Зависимых Переменных/DV можно улучшить за счет более детальной переработки одного или нескольких из 22 Макро-IV в Мезо-IV для использования в уравнении регрессии или в другом статистическом анализе. Как указывалось выше, идет поиск более сложного математического и статистического подхода к многомерному анализу Пороговых IV.

P7: **Общее ВВЕ/СV выше (Уравнение 3) суммирует содержательные инновации в главных Макро-IV S-Теории.** Данное Уравнение 3 легко поддается тестированию и фальсификации (falsifiable) как в целом, так и по частям. Принимая во внимание число выдвинутых гипотез, S-Теория, без сомнения, будет нуждаться в

пересмотре на основании будущего практического тестирования разных типов Зависимых Переменных/DV поведения. В S-Теории постулируется независимое, значительное, статистическое влияние каждой из 22 Ключевых Макро-IV при статистическом присутствии других 21 IV на широкий спектр типов человеческого поведения, но возможно не на все Зависимые Переменные/DV поведения человека. Сфера применимости Уравнения 3 к типам человеческого поведения или конкретным реализациям поведения в качестве DV следует еще продемонстрировать экспериментально.

P8: Уравнение 3 S-Теории предположительно улучшает объясняемость / прогнозируемость большинства или всех DV поведения человека; многомерный математически-статистический анализ применяется при необходимости. Улучшение объясняемости поведения вероятно, поскольку S-Теория является в большей степени междисциплинарной и обобщающей по сравнению с другими в подборе Ключевых Макро-IV для Общего ВВЕ/Полной Версии, представленного здесь (и подборе Мега-IV). Другие общие теории пропускают один или более из 22 типов IV и даже один или два из трех типов Мега-IV, нередко из других академических дисциплин или подразделов. Представленные раньше конкурирующие теории поведения не проявляют достаточной согласованности и в целом являются монодисциплинарными, а не междисциплинарными и интегративными.

P9: S-Теория не предполагает, что все 22 Ключевых Макро-IV станут статистически значимы для каждого типа DV поведения, не говоря уж о выборках с недостаточной степенью статистической свободы (например, менее 2000 случаев, или около того), выборках индивидов с ограничениями в варьировании Ключевых IV (например, ограниченные рамки возраста, ограниченная вариативность в здоровье / инвалидности, ограниченная близость в генетике поведения [например, монозиготные или дизиготные близнецы или братья / сестры]), или о недостаточных измерениях каждой из этих IV (например, отсутствие измеримости имплицитных / неосознанных переменных Психики, зависимость исключительно от самооценки испытуемых при оценке переменных Психики). Для точной оценки S-Теории требуется также адекватный математический и статистический анализ, при этом многофакторный регрессивный анализ может служить лишь временной замещающей мерой.

P10: Несколько более скромно S-Теория утверждает, что все 22 Ключевые макро-IV будут *часто* становиться статистически значимыми независимыми объясняющими/ прогнозными переменными для *многих* типов DV поведения при правильной выборке и соответствующих измерениях, а также при проведении релевантного многомерного математического и статистического анализа. Как утверждается в S-Теории *некоторые* из 22 IV *всегда* остаются релевантными. Именно поэтому потребуется детальное изучение всего разнообразия типов DV для того, чтобы подтвердить/ опровергнуть/ фальсифицировать Общее ВВЕ/в Полной Версии.

P11: S-Теория также утверждает, что *некоторые* Макро-IV (а также некоторые менее абстрактные Мезо-IV и пр.) *заметно* влияют на поведение лишь при *достижении определенной пороговой величины*. Такие Независимые Переменные

называются *Пороговыми IV*. Например, Макро-IV Ощущаемого уровня боли/π значительно влияет на поведение лишь, когда наличие боли осознается или становится интенсивным. В таких случаях боль становится отвлекающим или даже обездвиживающим фактором. Ощущаемая боль не всегда имеет явную физиологическую причину, за исключением некоторых участков мозга. Поэтому S-Теория не включает боль в качестве значимой Независимой Переменной *Тело* (Relevant-Body IV).

Особые пропозиции S-Теории

Сокращенная версия S-Теории, представленной здесь, построена на основе 31 утверждений, названных пропозициями, пронумерованных P1-P31. При разработке S-Теории автор отобрал, создал и дал определения множеству (N = 141) различных понятий, конструкторов или переменных. Каждому было придано уникальное обозначение, включающее от одной до трех заглавных букв (мнемонический ключ) для облегчения запоминания. Пятьдесят понятий (переменных), упоминаемых в статье, приведены в Приложении после основного текста в алфавитном порядке, и объясняются более подробно в статье Smith (2015b). Для выражения важнейших причинно-следственных отношений необходимы только 23 переменных номера в Уравнении 3 (P4), включающих и DV и 22 IV. Поведение человека, его мышление и мозг чрезвычайно сложны, поэтому меньшего числа переменных не хватило бы для объяснения даже сокращенной версии S-Теории.

28 Общих Утверждений S-Теории, не представленных здесь (см. [Smith, 2015b]: Приложение 1), доказывают, что люди и их поведение, как часть природы, подчиняются некоторым обобщениям, которые выявляются в ходе научного исследования, несмотря на сложность человеческого поведения, мышления и мозга [E. Wilson 1999:199].

Основные причинно-следственные влияния (отдаленное прошлое) поведения человека включают такие процессы и факторы, как (а) биологическую и (б) культурно-социальную эволюцию, при этом (в) оба процесса тесно переплелись за прошедшие сто или более тысячелетий.

Более *опосредованные* причинно-следственные влияния (недавнее прошлое, в начале жизни, вскоре после зачатия) на поведение человека включают среди других биофизических факторов: (г) генетику поведения, (д) эпигенетику, (е) физиологическое развитие (созревание), (ж) патологии, например, нарушения, заболевания, травмы, физические дефекты и разные виды инвалидности, (з) социализацию в разные виды и уровни социокультурных систем, в социальные нормы и традиции, социальные ожидания и роли, а также (и) обучение и приобретение уникального индивидуального жизненного опыта.

Современное поведение человека, практически во всех случаях, несет на себе печать непосредственного причинно-следственного влияния (ближайшее прошлое человека), включающее:

(к) прежнее участие в социокультурных системах/ категориях/ сетях/ ролях [Hofstede 2001]. Во всех типах социокультурных систем люди, как правило, следуют существующим нормам и взаимодействуют с другими участниками своих групп/ сообществ, иногда проявляя альтруизм.

(л) Однако социальный порядок почти всегда несовершенен, особенно в современном обществе, в отличие от обществ в дописьменный период.

(м) В каждом обществе и для каждого его члена присутствуют конфликты между нормами и традициями, конфликты между социокультурными ожиданиями и личностными (эгоистическими) предпочтениями, конфликтные притязания на власть и управление и конфликтные социальные личностные особенности и роли, как правило, основанные на ощущаемом участии в социальных группах или социальных категориях.

(н) Во всех известных типах обществ (Human Relations Area Files n.d.; [Macmillan Reference 1996]) наблюдались существенные беспорядки, преступность, мелкие правонарушения, эгоизм, использование положения (норм) в личных целях, отсутствие самоконтроля и пр., вместо идеального социального порядка и уважения к нормам общежития как результата гипотетической идеальной социализации.

(о) У людей объяснением темной стороны поведения, например преступности или серьезных отклонений (нарушение правил, которое вызывает или, в случае огласки, может вызвать негативную реакцию окружающих), служит множество социокультурных и психологических факторов, а также факторов биологических (генетических) и факторов социальной среды.

(п) Контроль внутри своей социальной среды, а также другие неформальные процессы и организации социального управления (например, полиция, внутренняя служба безопасности, вооруженные силы) играют важную роль в воздействии на поведение. Процессы социального контроля существенно влияют на уровень и тип конформизма, проявляемого в поведении человека по отношению к соответствующим традициям, социальным нормам, ожиданиям, правилам и законам.

(р) На уровне социокультурных систем, как формальных, так и неформальных (коллективы, сообщества, семьи, группы, организации, муниципалитеты, области (графства), штаты (регионы), общества (национальные государства)), неизбежны конфликты среди различных лидеров, групп, группировок, партий, социальных слоев, социальных движений, этнических групп, территорий, а также государств или блоков государств. Социологи подробно изучали значимость конфликтов в современном обществе, и мало кто готов оспорить практическую важность социальных конфликтов в современном мире.

Комплект из 31 Специальных Пропозиций, гипотез и определений (P1-P31), представленных в данной статье, касается исключительно S-Теории. Данные Пропозиции уточняют опосредованные и непосредственные влияния на поведение (влияния недавнего или ближайшего прошлого). Другие исследователи и теоретики также отмечали некоторые из данных Специальных Пропозиций (гипотез) S-Теории. Однако большинство из Пропозиций сформулированы впервые, а в качестве комплекта представляют собой новое и отчетливое целое S-Теории. Некоторые определения представлены в виде пропозиций для удобства понимания. Их следует рассматривать в качестве пропозиций с правильной и полезной терминологией, а не в качестве эмпирических гипотез.

Часть вторая

Определение и измерение двух версий теории о переменных зависимого поведения

P12: В полной версии Базового Уравнения Поведения (BBE) S-Теории основное внимание уделено отчетливо и внешне наблюдаемой зависимой переменной (DV), названной *Позицией* (Position) (обозначение *P*), аналогичной понятию положение объекта в пространстве-времени в физике. Данная *P* в качестве DV не имеет никакого отношения к *P*, используемой для обозначения Пропозиций в этой статье (например, P1, P2, и пр.).

P13: Позиция *P* человека определяется как математический результат, измеряющий весь набор дескриптивных переменных для всех внешне наблюдаемых, физических частей и конфигураций тела человека (время и пространство во время измерений) в небольшом сегменте пространства-времени, а также любые звуки или иные явления, включая физиологические субстанции человека (например слезы, кровь, пот, мочу, кал и пр.). Биологи, изучающие поведение животных (этологи), разработали детальные методы измерения поведения, которые возможно применить к людям.

P14: Позицию *P* можно рассматривать как Мега DV при условии уточнения, детализации или расщепления (disaggregation). Позиция *P* человека в пространстве-времени уточняется тремя основными Макро DV (зависимыми переменными). Все три могут быть приняты во внимание, если относятся к изучаемому поведению, если объединить различные измерения в математический результат:

(1) BD (Body Disposition) = Размещение тела – положение в пространстве-времени, поза, ориентация, план местности и пр.).

(2) BEA (Body External Activities) = Внешняя деятельность (телодвижения, звуки, запахи, выделения).

(3) BOA (Body Outside Appearance) = Внешность (внешние особенности тела, одежда и украшения)

Для некоторых целей уточнения и прогноза параметры BEA и BOA можно рассматривать как независимые переменные (IV), а не как зависимые переменные (DV), но никогда – в качестве и тех и других (чтобы избежать тавтологии).

P15: Позицию *P* человека в определенном сегменте пространства-времени можно обобщенно охарактеризовать в терминах согласованных, упорядоченных поведенческих последовательностей (последовательность поступков), имеющих личностное или общественное значение. Например, *P* может обозначать последовательность поступков, (например, прийти, исполнить или не исполнить важную социальную роль, как-то работа за деньги или формальное волонтерство, неформальная помощь, свидание, сексуальный контакт, брак, развод, убийство, ограбление, присвоение чужого, нападение и/или избиение, терроризм, исправление религиозных обрядов, голосование, просмотр телепередач, посещение школы, шопинг, уход за детьми и пр.). При желании эти последовательности поступков можно выразить в числовой форме.

Уточнение и детализация трех Мега-IV (независимых переменных)

В S-Теории три Мега-IV Базового уравнения поведения (BBE) в описанном

в Первой части P2 можно уточнить, детализировать или расщепить на разные комплексы Ключевых Макро-IV, подытоженные в Уравнении 3 раздела P4 Общего Базового уравнения поведения (BBE/ Полная версия (General BBE/СV).

А. Уточнение Мега-IV с Обозначением Тело /В

P16: Мега-IV Тела/В (состояния и процессы тела человека) states and processes of the individual's body) представляет собой математический результат сочетания множества релевантных психологических переменных. Независимые Переменные Тела (Body IVs) включают, но не исчерпываются, жизненно важные параметры (температура тела, давление, пульс / сердцебиение, темп дыхания), функционирование органов тела, нейрохимию, неврологию, эндокринологию / гормоны, биологические недостатки (например, отклонения, болезни, хронические заболевания, физические дефекты, травмы, разные виды инвалидности), чувствительные к боли участки тела, Осознанные и Подсознательные фазы мозга / тела, Альтернативные мини-фазы Сознательного и Бессознательного, генетику и остаточные биологические состояния как результат прошлых биологических процессов, включающих эпигенетику, физиологическое развитие (созревание), болезни, травмы, физические дефекты, хронические заболевания и разные виды инвалидности, а также все события и опыт человека в прошлом. Данные Независимые переменные Тела (Body IVs) приводятся здесь в качестве примера, а не как законченный список или определение.

P17: Среди множества потенциальных IV Тела, которые можно измерить и использовать для объяснения поведения, S-Теория основывается в первую очередь на десяти Макро-IV Тела, обозначенных и определенных автором как *Значимое Тело (Relevant-Body (R-B))*. Пакет Макро-IV Значимого Тела (Relevant-Body/R-B Macro-IVs) определяет, как тело человека ограничивает, допускает или упрощает желаемое поведение в качестве Зависимой Переменной /DV. У некоторых R-B Макро-IV имеются уточняющие их Мезо-IV. Полный пакет R-B IV был представлен выше в разделе P4.

В. Уточнение Мега-IV с Обозначением Среда /Е

P18: Мега-IV Среда /Е объединяет множество переменных, связанных с социальным окружением и средой, в математический результат. Особое внимание уделяется Микро-Среде (MIE) человека, определяемой здесь как непосредственно близкий *пузырь* пространства-времени (сегмент), окружающий человека. IV Среды включают, но не исчерпываются, биофизические факторы окружения, климат, географическое положение, биологию и патологию народонаселения, социокультурные системы, а также факторы лингвистического окружения, которые могут повлиять на поведение человека.

P19: Среди множества потенциальных IV Среды, которые можно измерить и использовать для объяснения поведения, S-Теория основывается в первую очередь на пяти Макро-IV Среды, обозначенных и определенных автором как *Значимая Среда (Relevant- Environment (R-E))*. Эти пять Независимых Переменных определяют, как Среда /Е человека ограничивает, допускает или упрощает желаемое поведение в качестве Зависимой Переменной /DV. У двух из этих Макро-IV Е имеются уточняющие их Мезо-IV. Полный пакет R-E IV был представлен выше в разделе P4.

С. Уточнение Мега-IV с Обозначением Психика /Y (psi)

P20: Мега-IV Y (psi), Психика, сознание или психологическая система человека, характеризуется семью отчетливыми, эмпирически определяемыми психологическими состояниями и процессами или Ключевыми Макро-IV, которые гипотетически полностью описывают и измеряют то, как Психика/мозг влияет на поведение человека на этом высоком уровне обобщения. В психологии личности и других отраслях психологии почти все эти Независимые Переменные Психики (Psyche IVs) используются достаточно широко. Ощущаемый уровень боли /π является исключением, редко включаемым в многомерный анализ поведения, поскольку в лабораторных условиях измерять его не этично. Семь Ключевых Макро-IV Психики (Y) (сокращенно обозначаемые M, A, G, I, C, π, и S) были описаны выше в разделе P4.

Данные семь Макро-IV Психики полностью описывают и помогают измерить сознание человека или психологическую систему на высоком уровне обобщения в целях объяснения и предсказания всех или почти всех типов поведения в рамках S-Теории. Психика человека определяется как совокупность сознательных и бессознательных процессов мозга с точки зрения семи Макро-IV, описанных выше. Физиологически Психика – уникальная структура нейронных связей мозга (и других связей нервной системы), включающая семь Макро-IV Психики и составляющие их субкомпоненты.

P21: Мотивации (M) человека, будучи математическим результатом Макро-IV, объединяют множество релевантных, часто (но не всегда) долговременных поведенческих диспозиций. Мотивации, понимаемые как поведенческие диспозиции, значительно варьируются по степени ситуационной определенности и транс-ситуационной обобщенности. Личностные Качества (Traits/T) являются транс-ситуационными и применимы в большинстве ситуаций, особенно социальных, тогда как Воспринимаемые Общие Отношения (Felt General Attitudes/FGA) и ценности являются поведенческими диспозициями, релевантными во многих, но не всех ситуациях. Как следует из названия, Воспринимаемые Общие Отношения/FSA относятся к ситуационно-конкретным поведенческим диспозициям. Диспозиции Привычек (Habit Dispositions/HD) также, как правило, ситуационно-конкретны, поскольку являются деятельностными тенденциями/ диспозициями, при этом часто неосознанны / имплицитны. С точки зрения Макро- IV Мотиваций/M наиболее важными являются различные поведенческие диспозиции, которые, объединяясь в группы, облегчают, допускают или ограничивают рассматриваемое поведение. Мотивации/M отличаются от Целей/G (см P23-P24) тем, что активируют или не активируют поведение человека на достижение одной или нескольких Целей/G.

P22: Аффекты (Affects/A) человека, будучи математическим результатом Макро-IV, объединяют множество релевантных типов эмоций и чувств, от долговременных факторов характера (черт) до временных эмоциональных ощущений в конкретные периоды, а также мимолетные микро-эмоции. Аффекты, как факторы влияния на поведение, в первую очередь важны тем, как они облегчают, препятствуют или ограничивают рассматриваемое поведение.

P23: Цели/G человека, будучи математическим результатом Макро-IV, объ-

единяют множество релевантных долгосрочных и краткосрочных целей, намерений человека добиться определенных результатов. Были проведены 94 независимых теста по влиянию намерений по достижению целей на поведение. Мета-анализ тестов показал «положительное воздействие на поведение по степени от средней до значительной...». Текущий результат Целей/намерений G характеризует намерения активировать Зависимые Переменные рассматриваемого поведения, чтобы добиться конкретных результатов в будущем. С точки зрения данного исследования Цели/G человека могут находиться на шкале от общего до конкретного.

P24: Цели/G в отличие от Мотиваций/M (см P21) являются результатом поведения независимо от того, мотивирован индивид на достижение определенной цели в определенной ситуации и определенное время или нет. Цели или намерения схожи с понятием «план», некой ментальной программой на поведение в будущем, тогда как Мотивации или поведенческие диспозиции, будучи ментальными событиями/ процессами, схожи с понятием «исполнение команды» в компьютерных программах.

P25: Интеллектуальные способности (I) человека, будучи математическим результатом Макро-IV, объединяют множество релевантных способностей или навыков, но главное внимание при этом уделяется Общему Интеллекту (General Intelligence/GI), а также дополнительным, более конкретным интеллектуальным способностям, которые облегчают или ограничивают реализацию Зависимых Переменных/DV желаемого поведения. Такие дополнительные способности часто включают лингвистические способности, навыки внутриличностных (эмоциональных) реакций, навыки межличностного общения, а также другие интеллектуальные способности (математические/ логические, музыкальные, пространственные, кинестетические), используемые время от времени для реализации DV желаемого поведения.

P26: Когниции (Cognitions/C) человека, будучи математическим результатом Макро-IV, объединяют множество релевантных типов информации, восприятий, мыслей, схем, идей, верований, идеологических убеждений и пр., включая лингвистические знания и другие знания, относящиеся к социокультурным системам. Основное внимание должно быть уделено тому, в какой степени Когниции облегчают, допускают или ограничивают желаемое поведение. Некоторые важные Когниции в S-Теории (но далеко не вся группа) включают (1) FP = Ощущаемое Давление (воспринимаемое индивидом нарушение общей социальной или межличностной Микро-Среды или более широкой Среды), (2) PCS = Воспринимаемый Контроль (над) Личностью человека в определенной Микро-Среде/ MIE, (3) PNC = Воспринимаемые Нормы Близости (давление от ближайшего социального окружения относительно поведения человека, например, от супруг/и), и (4) RPA = Приемлемые Роли, воспринимаемые как подходящие в рамках определенного поведения, основаны на ощущении дозволенного в рамках различных социокультурных систем, групп, сетей.

P27: Макро-IV Уровня ощущаемой боли π могут быть переформулированы с точки зрения Мезо-IV, в качестве интенсивности боли, определенность-неопределенность боли, воспринимаемый источник боли в организме и пр.

P28: «Я» (S) человека, будучи математическим результатом Макро-IV, объединяет методы того, как чувство собственной личности с ограниченным опытом (например, Осознанное Я) организует IV ключевых Жизненных Установок (Жизненные Установки/L, или M, A, G, I, C, π) как фактор шести основных аспектов Психики. «Я» - чрезвычайно важные для объяснения поведения Макро-IV, особенно для объяснения дифференциальных реакций/ поведения между людьми в ответ на одинаковые стимулы или ситуации. «Я» также определяет значительную долю последовательности поведения конкретного индивида с течением времени, как правило, создающей индивидуальные модели IV Ключевых Жизненных Установок, а значит и существенную уникальность мышления каждого индивида или его психологической системы/ Психики.

P29: В качестве Макро-IV переменную «Я» (S) можно разбить на Осознанное «Я» (Conscious Self/S_c) и Неосознанное «Я» (Unconscious Self/S_u) в рамках Мезо-IV. Различают опытное / эксплицитное Осознанное «Я» (Conscious Self/S_c) и внеопытное/ имплицитное Неосознанное «Я» (Unconscious Self/S_u), которые во многом совпадают, но остаются относительно независимыми факторами по своему содержанию и реализации. Эти две версии «Я» включают Осознанные и Неосознанные Функции Принятия Решения, помимо других психологических факторов и их сочетаний.

P30: Семь переменных Психики (M, A, G, I, C, π, S) следует измерять как состояния и процессы, как с точки зрения *осознанных* состояний мозга (эксплицитных, желаемых, добровольных, в бодрствовании) и *неосознанных* (имплицитных, автоматических, невольных, в состоянии сна), а *не только* исходя из измерений сознания. В течение осознанных периодов подсознание / мозг индивида может влиять на любой из шести или на все Переменные Психики; при этом индивид может не осознавать эти воздействующие на подсознание стимулы [Hassin et al. 2005; Mlodinow 2012].

P31: S-Теория поднимает множество других дополнительных методологических вопросов, остающихся за рамками данной статьи. Подробнее об этом написано в [2015b]. Достаточно сказать, что правильное проведение методологии и экспериментальных процедур S-Теории весьма дорогостоящи. Наиболее реальным способом правильно оценить S-Теорию было бы начать новый Мега-Проект с правительственным финансированием и, возможно, международным участием. Оправдать это можно высокой востребованностью проекта и его практической ценностью в получении уточненных объяснений/ предсказаний любых Зависимых Переменных индивидуального поведения.

Заключение

Как уже говорилось, *S-Теория – обобщающая теория, объясняющая человеческое поведение на протяжении всей жизни – пожалуй, наиболее всесторонняя теория из всех существующих*. S-Теория отчетливо междисциплинарна в выборе объясняющих/ прогнозных Независимых Переменных. В широком смысле *S-Теория – всеобъемлющая наука о человеке, не ограниченная традиционными, академическими или дисциплинарными рамками*. Почти все люди живут и действу-

ют, не осознавая или не придавая значения искусственным, исторически сложившимся, профессионально поддерживаемым стандартам и ограничениям, которые часто препятствуют полноценному пониманию, объяснению и предсказанию типов поведения.

S-Теория как возможный новая стандартная модель поведения в социально-поведенческих научных дисциплинах (NSSSM)

В случае или когда S-теория получит достаточные эмпирические подтверждения и/или одобрение экспертов, она вполне может стать новой стандартной моделью поведения в социально поведенческих дисциплинах или NSSSM (термин «Стандартная модель» используется в том же смысле, что и в физике элементарных частиц). Данная модель (NSSSM) стремится объяснить огромное число и разнообразие переменных, влияющих на поведение человека. Но в отличие от SSSM, *Новая Модель SSSM* на основе S-Теории отводит законное место переменным биологического и психологического характера.

Новая Модель (NSSSM) должна заменить более узкую Стандартную Модель Социальных Наук (SSSM), разработанную авторами Tooby и Cosmides (1992). E. Wilson (1999:204-207) предложил некоторые ключевые элементы Новой Модели (NSSSM); все они включены в S-Теорию как совпадения. *Новая Модель (NSSSM)* также руководствуется основными междисциплинарными рекомендациями Комиссии Гулберкиана (Gulbenkian Commission) по Социальным Наукам (Mudimbe 1996). Автор предпочитает термин Новая стандартная модель Науки о Человеке - *New Standard Human Science Model* (NSHSM), поскольку с точки зрения междисциплинарности Наука о Человеке – термин более правильный, чем «Социальные Науки».

S-Теория существенно упрощает общее понимание поведения человека, отдавая должное внимание сложности проблемы [Gribbin 2004; Johnson 2009; Mitchell 2011]. Несмотря на очевидно детерминистское общее уравнение, что необходимо для упрощения понимания (см. Уравнение в P2), S-Теория учитывает и произвольность и ошибочность измерений, рассматривая вероятностную, а не детерминистскую обусловленность, особенно в Полной версии Базового Уравнения Поведения.

Обоснованность S-Теории будет подтверждена или опровергнута *изначально* при использовании множественной регрессии на больших выборках индивидуальных опросов, а не в лаборатории. Но измерение имплицитных/ неосознанных переменных Психики потребует массовых испытаний в лабораторных условиях. Следующая статья представит модель взаимосвязи между всеми группами Независимых Переменных S-Теории во времени для объяснения или предсказания определенных Зависимых Переменных человеческого поведения.

Как уже указывалось выше, в настоящее время разрабатывается более адекватный подход к математическому и статистическому анализу, так чтобы *множественная регрессия была лишь временной мерой начального периода исследования*. Наличие нескольких Пороговых IV в Полной версии S-Теории (например, Ощущаемый уровень боли/ π или Контроль над Средой/CE) требует на дальнейших этапах применения более сложных математических и статистических подходов. Важно и то, что предположение о взаимной автономии Независимых Переменных (IVs) в уравнении множественной регрессии нарушается большинством IV Психики и,

возможно, также некоторыми IV Тела и Среды. Такие сложности с математическим отображением Базового Уравнения Поведения (Полная версия) в рамках S-Теории не должны останавливать ученых в разных областях Науки о человеке от начала тестирования S-Теории с использованием крупномасштабных опросов. Один подобный опрос сейчас проводится на репрезентативной выборке взрослых русских. Данный Проект по выявлению Мотиваций Волонтеров финансируется и направляется Центром изучения гражданского общества и некоммерческим сектором при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», Москва.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Словарь из 50 обозначений Переменных, Понятий и Сокращений

- A= Аффекты, эмоции, темперамент, фактор Y
B= Тело (Мега-IV)
BBE= Базовое Уравнение Поведения
BBE/CV = Базовое Уравнение Поведения/Полная Версия
BD = Размещение тела, фактор P
BE = Выделения Тела, фактор B (Тела)
BEA = Внешняя деятельность (телодвижения, звуки, запахи, выделения), фактор P
BGR = Генетически Детерминированное Поведение (для Зависимых Переменных определенного поведения), фактор B (Тела)
BIF = Внутреннее Функционирование (здоровье) Тела, фактор B (Тела)
BOA = Внешность, фактор P
BSA = Характерные черты Поверхности Тела, фактор B (Тела)
BSR = Социокультурные Роли, связанные с Телом (например, возраст, пол, расо-этническая принадлежность, отклонения в росте или весе, дефекты лица или тела, вариации нормы относительно ограниченных возможностей (инвалидности) [слепой, глухой, немой, с параличом нижних конечностей или полным параличом, с ампутациями, жертва родовой травмы, с повреждением мозга, большой психозом], и пр.), фактор B (Тела)
C= Когниции, схемы, восприятие, фактор Y
CAB = Одежда и Украшения на Теле, фактор B (Тела) (технически относится к Микро-Среде/МIE, но по практическим соображениям включено в группу B (Тела)
CAP = Фаза Сознательной Бдительности, фактор B (Тела)
CE = Управление (вероятное и объективно наблюдаемое) Средой, фактор E (Среды)
CFC = Чужеродные (внешнего происхождения) Химические вещества и организмы (бактерии и вирусы), фактор R-B (Значимого Тела)
CHS = Гормоны и Секреция на текущий момент, фактор B (Тела)
CN = Текущая Неврология, фактор B (Тела)
DV = Зависимая Переменная
E= Среда (Мега-IV; включает Макро-Среду /MAE, Мезо-Среду/ MEE и

Микро-Среду /MIE; обозначается в полной версии Базового Уравнения Поведения измеряется (BBE/CV) как R-B (Значимое Тело)

EDF = Факторы Воздействия Среды, фактор E (Среды)

FGA = Воспринимаемые Общие Отношения, фактор M

FP = Ощущаемое Давление как фактор C (Когниций)

FSA = Воспринимаемые Конкретные Отношения, фактор M

G= Цели и намерения, фактор Y

GBP = Общая Био-Физическая Среда, фактор E (Среды)

HD = Диспозиции Привычек при воспроизведении поведения, фактор M

I = Интеллектуальные способности, интеллект, навыки, фактор Ψ

IV = Независимая Переменная (переменная объяснения или прогнозирования)

L = Жизненные Установки (Life stance), группа из шести IV Психики (M, A, G, I, C, π), за исключением «Я»/S

M = Мотивации, диспозиции, фактор Y

NSHSM = Новая стандартная модель науки о человеке (S-Теория)

NSSSM = Новая стандартная модель социальных наук (S-Теория)

P = Позиция (одна из версий поведения), DV

P' = Изменение позиции (поведение), DV

PCS = Воспринимаемый Контроль (над) Личностью (Self) или телом в конкретной Микро-Среде (MIE), фактор C (Когниций)

PNC = Воспринимаемые Нормы Близости (Perceived Norms of Close people), давление от ближайшего социального окружения, фактор C (Когниций)

PPM = Физические Ограничения Микро-Среды, фактор Микро-Среды/ MIE

R-B = Значимое Тело (наиболее важные свойства тела для DV определенного поведения), фактор B (Тела)

R-E = Значимая Среда (свойства среды, наиболее важные для Зависимых Переменных определенного поведения), фактор E (Среды)

RPA = Приемлемые Роли, фактор C (Когниций)

S= «Я» (личность), включает сознательное и бессознательное, фактор Y

S_C = Осознанное «Я», фактор S

S_U = Неосознанное «Я», фактор S

SBS = Социокультурный Фон Поведения (значимая ситуация или фон, на котором проявляется поведение; обстановка, физически и объективно присутствующая в Среде, связанная с нормативными ожиданиями поведения, релевантного для одной или нескольких социокультурных систем), фактор E (Среды)

SSSM = Стандартная модель социальных наук

T = Свойства характера, фактор M

π (pi) = Ощущаемый уровень боли (при высоком уровне отвлекает ото всего остального), фактор Y

Y = Психика (вся психологическая система или разум, как это следует из параметров M, A, G, I, C, π, S).

Избранная библиография

Mudimbe, V., ed. 1996. Open the Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social Sciences. Stanford, CA: Stanford University Press.

Smith, David H. (in press) 2015a. "Integrating Theories of Behavior." Chapter in International Encyclopedia of Social & Behavioral Sciences, 2nd Edition; James Wright, Editor-in-Chief. Oxford, UK: Elsevier.

Smith, David H. (forthcoming) 2015b. S-Теория (Synanthrometrics): A Proposed New Standard Human Science Model. Bradenton, FL: David Horton Smith International.

Tooby, John, and Leda Cosmides. 1992. "The Psychological Foundations of Culture." Pp. 19-136 in The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture, edited by J. H. Barkow, L. Cosmides, and J. Tooby. New York: Oxford University Press.

Wilson, E. O. 1999. Consilience. New York: Vintage.

А.Ю. Друцэ

УДК 81'23

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТВЕТА В СОВРЕМЕННОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Являясь частью единого целого, того, что называется обществом, и функционируя в нем, человек вынужден вступать в диалог с окружающим его социумом и активизировать речевую деятельность. Выбор определенной модели поведения, стратегии, которая дает возможность максимально успешно реализовать свои намерения, в некотором роде оказывая влияние на речевое поведение партнера по коммуникации, является обязательной составной частью достижения коммуникативной цели.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, стратегия речевого поведения, коммуникативная цель, тактика уклонения.

Anna J. Drutse

DEVIATION STRATEGICS AND TACTICS IN A MODERN DIPLOMATIC DISCOURSE

As a part of a single whole that we denote society, a person has to converse with other people and stir up his speech activity. The right choice of behavior model can give the right opportunity to release a speech intention and have an influence on communication partner that is the main part of achieving communication goal.

Keywords: diplomatic discourse, communication behavior strategy, communication goal, deviation tactic.

Проблема изучения психологии коммуникации, и в частности манипуляций в общении, а также связанных с ними вопросов выражения смыслового содержания, исследования скрытых, стратегических семантических признаков, обуславливает проведение исследований в данной области (работы А.Н. Баранова, Г.Е. Крейдлина; Х. Вайнрих, З. Вейндлер, Г. Грайс, Т.А. ван Дейк, В. Кинч и др.). В сферу манипулятивных высказываний попадают неискренность (Л.А. Исаева, С.Н. Плотникова и др.), некоторые случаи вежливости (Е.Н. Старикова; П. Браун, С. Левинсон и др.), иронии (И.А. Осиновская и др.), неясности коммуникативного намерения говорящего (Т.П. Пенина и др.), а также уклончивость.

В теории речевой коммуникации выявлены и описаны особенности, которым подчиняется успешное речевое общение людей. Кроме мотивированного и подходящего для ситуации распределения ролей, однонаправленного сочетания интенций обоих коммуникантов и ясной целеустановки, для эффективности общения важен целый набор категорий, обеспечивающих и регулирующих коммуникацию. Существует ряд категорий, таких как категории статусности, этикетности и направленности, которые связаны с отношением между участниками общения; категории консентности, ритуальности и репрезентативности, отражающие отношение участников общения к самому эпизоду общения; категории этапности, целенаправлен-

ности и результативности, обусловленные содержанием эпизода [Богушевич 1988]. В основном все вышеперечисленные категории общения сводятся либо к модели согласия, либо к модели конфликта, в свою очередь оба эти случая являются отражением категории консентности. В данной статье будут освещены вопросы, связанные с реализацией тактики уклонения в дипломатическом дискурсе, выявлены характеристики, следующие из построения ответа, которые оказывают непосредственное действие на успешность коммуникации и осуществление коммуникативной цели. Материалом послужат выдержки из интервью дипломатических деятелей разного времени.

На современном этапе развития лингвистики становится возможным и, безусловно, необходимым дать начало основательной теоретической разработке стратегий и отдельных тактик языковой личности, реализуемых ею в процессе создания дискурса. Таким образом, актуальность настоящего этапа исследования определяется необходимостью изучения особенностей скрытого, стратегического смысла в контексте речепроизводства в целом и дипломатического дискурса в частности; изучению особенностей имплицитного уклонения от прямого ответа как одной из форм актуализации дискурса.

Задачей данного исследования является описание комплексной прагматической характеристики дискурсивной тактики уклонения от прямого ответа, также выявление и описание тактик, реализующих данную стратегию.

Коммуникативная стратегия представляет собой сложную систему планирования речевого акта для успешной реализации коммуникативной цели.

В русле когнитивного подхода О.С. Иссерс понимает под коммуникативной стратегией «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс 1999: 54]. Ученый утверждает, что стратегии и тактики речевого поведения непосредственно связаны с основными этапами речевой деятельности – планированием и контролем, из чего следует то, что стратегия представляет собой «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [Иссерс 1999: 100].

Психолингвистика рассматривает стратегию как «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта» [Борисова 1999: 85]. В более широком смысле под коммуникативной стратегией подразумевается сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего [Борисова 1999].

Речевые стратегии выявляются на основе анализа хода диалогового взаимодействия на протяжении всего разговора. Диалоговый «шаг» является мельчайшей единицей исследования и характеризуется смысловой исчерпанностью. Количество данных «шагов» в диалоге варьируется в зависимости от темы, отношений между участниками общения и от всех прагматических факторов. Как правило, стратегию определяет макроинтенция одного (или всех) участника диалога, обусловленная социальными и психологическими факторами. Стратегия связана с выработкой основ диалогического сотрудничества: выбор тональности общения, выбор языкового

способа представления реального положения дел. Выработка стратегии осуществляется всегда под влиянием требований стилистической нормы.

Речевые стратегии соединяют в диалоге элементы игры и ритуального речевого поведения (традиционные реплики, паузы, поговорки и «дежурные» топики, например о здоровье, о погоде). В ситуациях бытового общения действуют одни речевые тактики, в деловой сфере - другие. При речевом воздействии на различные социальные группы населения следует также выбирать соответствующие речевые тактики, имея в виду при этом, что ни одна из тех или иных тактик не является универсальной и эффективной во всех случаях жизни.

Как уже было отмечено выше, данная статья посвящена анализу тактики уклонения в дипломатическом дискурсе, в связи с чем следует отметить основные характеристики данного вида дискурса и рассмотреть проблематику выбора той или иной стратегии ответа на вопрос в интервью или при ведении переговоров.

Дипломатический дискурс по существу представляет собой отражение всего комплекса взаимодействия человека и общества, и, таким образом, это явление по сути своей функционально направлено на формирование у реципиентов определенного компонента мировосприятия или картины мира. Используя дипломатический дискурс, можно понять, каким образом моделируются культурные ценности в разных языковых коллективах, как пропагандируется социальный порядок, какие элементы языковой картины мира остаются за пределами сознательных речевых стратегий говорящих, как происходит формирование концептуальной картины мира, присущей каждому языковому коллективу.

Использование тактики уклонения - характерный метод регулирования речевой деятельности в дипломатической сфере, следует также отметить то, что удачное использование данной тактики приводит к достижению коммуникативной цели дипломата, выбор же неподходящего метода ухода от ответа может повлечь нежелательное акцентирование внимания интервьюера и аудитории на уклончивости ответа. Также следует указать, что данная тактика может быть как спонтанной, так и заранее заготовленной, что может быть обусловлено первоначальной осведомленностью общественного деятеля, о том, какие вопросы он в силу определенных причин и обстоятельств хотел бы обойти. В качестве иллюстрации удачного и неудачного использования тактики уклонения ниже представлены отрывки из интервью нескольких дипломатических деятелей.

С позиции задач данного исследования большой интерес представляет собой интервью с Майклом Макфолом, который является послом США в Российской Федерации. Следует отметить, что Макфол представляет собой неоднозначную дипломатическую фигуру и ряд его комментариев не раз подвергались критике Министерством иностранных дел РФ. Среди таких высказываний: *«Эта необузданная Россия уничтожила западные состояния, помешав инвестициям под предлогом соблюдения природоохранных мер для западных нефтяных компаний, путём исключения иностранных участников в разработке газового месторождения Штокман и отказав во въезде в страну крупнейшему инвестору г-ну Броудеру»*. В официальном документе МИД РФ назвал высказывания Макфола непрофессиональными и выходящими за грань дипломатической этики, которые «по сути представляют собой преднамеренное искажение ряда аспектов российско-американского диалога».

Интересную стратегию ведения диалога и ответов на вопросы можно проследить в интервью Владимира Познера с вышеуказанным деятелем.

Первоначальный вопрос Владимира Познера звучал так:

В. ПОЗНЕР: Вы всего лишь второй посол, не карьерный дипломат, посол США. За всю историю отношений только второй. И вы даже сами сказали, что «случайный посол». Поэтому я надеюсь, что мы с вами можем говорить не дипломатическим языком и, я надеюсь, не профессорским, а просто обыкновенным, прямым языком. Смотрите. На второй день вашего приезда вы встретились с представителями так называемой несистемной оппозиции. Это ваше право, нет вопроса. Но вы же не могли не понимать, что это вызовет определенную реакцию и, более того, это будет понято как некий сигнал. Если это так, то что за сигнал? И если вы понимали, что это, конечно, вызовет реакцию, не правильно ли было бы встретиться с ними через 2-3 недели? Потому что вы приехали, чтобы снизить уровень накала, а это, наоборот, его повышает. Объясните мне.

После того как ответ на заданный вопрос не был получен, он был сформулирован по-другому, таким образом интервьюер дал понять, что обойти ответ не удастся.

В.ПОЗНЕР: Я ничего не забываю, я просто хочу уточнить насчет выбора времени. Смотрите, когда президент приезжает на 2 дня или на 3 дня, у него только и есть 3 дня. Или господин Бернс приехал на 2 дня, так у него есть. Вы-то приехали не на 2 дня, согласитесь. Вот если бы Бернс не приехал, вы бы в качестве второго своего дня назначили встречу с этой оппозицией или подождали бы немножко? То есть можно ли сказать, что эта встреча с оппозицией в данном случае произошла, потому что Бернс с ними встречался? А если бы не Бернс, то вы бы повременили, понимая, что все-таки это, наверное, вызовет какой-то... Или я ошибаюсь?

М.МАКФОЛ: *«Если бы» – очень страшный вопрос, и поэтому я не хочу отвечать. Но очень важно понимать, что, если бы я не сопровождал замгоссекретаря на его встрече с оппозицией, это было бы нарушением протокола. Посол Кисляк в США всегда сопровождает высокопоставленных российских представителей.*

В.ПОЗНЕР: Это нет вопроса, это понятно, что вы должны, конечно же, сопровождать заместителя госсекретаря.

М.МАКФОЛ: *Иначе это тоже был бы скандал.*

В.ПОЗНЕР: Американский.

М.МАКФОЛ: *И, может быть, здесь тоже. Не надо говорить, что все русские одинаково относятся к этому вопросу. Я слышал много критики по поводу этой встречи от одних русских и слышал немало одобрения того, что мы продолжаем свою политику и не играем в эти игры.*

В.ПОЗНЕР: *Я же говорю о реакции официальной, вы понимаете, да?*

М.МАКФОЛ: *Я хочу сказать еще одну вещь, поскольку людям в России нужно понимать, что, когда ваши представители приезжают в мою страну, они встречаются с оппозицией. И это не стало главной темой новостей, когда 6 месяцев назад господин Рогозин встречался с двумя наиболее критически настроенными к моему президенту сенаторами. И когда мистер Киссинджер,*

член Республиканской, оппозиционной, партии, встречался с вашим премьер-министром, никто не кричал об этом в новостях в Америке. Я поражен, я не понимаю этого, честное слово.

В.ПОЗНЕР: Господин посол, я еще раз хочу, чтобы вы поняли смысл моего вопроса. Если бы вы встречались с ними не сразу, я думаю, что вообще никакого бы шума не было, потому что, действительно, американские послы встречаются с оппозицией. Но то, что это был чуть ли не первый ваш шаг (по крайней мере, так он был интерпретирован), вот это вызвало ту реакцию, о которой я говорю. Только это.

М.МАКФОЛ: Но у меня к вам вопрос. Почему начался такой шум? Ведь половина из тех, с кем мы встречались, это только что избранные в ваш парламент люди.

В.ПОЗНЕР: Я полагаю, что этот вопрос вы должны задавать им, а не мне. Я за них не отвечаю.

М.МАКФОЛ: Есть такой Леонтьев, да? Он работает здесь, мы будем с ним разговаривать.

В.ПОЗНЕР: Пожалуйста, вот ему и задавайте вопросы.

Во втором ответе на вопрос Майкл Макфол заявил прямым текстом, что не хотел бы отвечать на данный вопрос, тем не менее прокомментировав ситуацию. В тактике уклонения посла США ярко выраженной чертой является сравнение своих действий и действий российских дипломатов в США, таким образом, деятель старается рассредоточить внимание аудитории и также объяснить свою позицию общепринятыми нормами во всех странах. Следующим этапом беседы стал вновь заданный вопрос, ответ на который так и не был получен. В последующем ответе дипломат задает встречный вопрос и далее переходит на личности, указывая на человека, которому может быть его вопрос переадресован. В своих ответах Макфол использовал тактику повторов и переспросов, а также тактику возмущения. На наш взгляд, данное интервью является яркой иллюстрацией неудачного выбора дипломатом способов ухода от ответа. Помимо игнорирования заданной темы и явного ухода от вопроса, посол США перешел на обвинения, которые лишь акцентировали внимание на нежелательной теме разговора. Удачного выхода из положения после выбранных тактик уже не могло последовать после ответа Владимира Познера на комментарии: *«Господин посол, я еще раз хочу, чтобы вы поняли смысл моего вопроса»*.

Следствием неудачного выбора стратегии ухода от ответа может стать не только повышенное внимание интервьюера к проблематике вопроса, но и общественный резонанс. Такая ситуация сложилась вокруг министра обороны Грузии – Ираклия Аласани. В 2008 году в одном из изданий появилась статья под заголовком «Постпред Грузии при ООН не смог ответить на вопрос, кто начал войну в Осетии». Аннотация к статье звучала так: «Постоянный представитель Грузии при ООН Ираклия Аласания так и не ответил на заданный несколько раз в течение пресс-конференции прямой вопрос о том, кто же начал боевые действия в Южной Осетии в ночь с 7 на 8 августа, дав, таким образом, повод западным журналистам говорить об отказе Тбилиси от прежних категорических заявлений о том, что первыми начали наступление российские войска». Во время конференции в

штаб-квартире ООН грузинскому дипломату шесть раз был задан один и тот же вопрос: «Чьи войска начали атаку первыми?» Журналисты одновременно просили Аласанию прокомментировать последние сообщения в западных СМИ со ссылкой на наблюдателей ОБСЕ о том, что инициировала конфликт грузинская сторона, начав массированный обстрел Цхинвали. *«Да, мы внимательно следили за сообщениями в NY Times и других СМИ. Мы думаем, что нужно провести тщательное расследование, международное расследование, к которому призывала грузинская сторона. Грузинская сторона обязалась предоставить все материалы, относящиеся к этому, все детали, в том числе секретные материалы, чтобы собрать все факты и сделать вывод на хорошо информированной основе»,* – сказал Аласания в первый раз.

Когда вопрос был задан во второй раз, грузинский дипломат ответил: *«Все, что я могу сказать в качестве комментария по этим сообщениям, это то, что некоторые из них необходимо тщательно расследовать. И насколько я знаю, источник информации для этих сообщений говорил не от имени ОБСЕ, а в своем личном качестве, а ОБСЕ это не подтверждает. Но мы считаем, что должно быть тщательное расследование, и поверьте, тот, чья ответственность за подобного рода действия будет обнаружена, будет предан правосудию – это все, что я могу сказать».*

«Мы не хотим заранее судить о возможном результате расследования, но для меня и для грузинской стороны совершенно ясно, как началась война», – сказал Ираклий Аласания в третий раз.

Отвечая еще два раза на вопрос о хронологии событий 7-8 августа, постпред Грузии призвал *«иметь в виду весь процесс, который привел к вспышке конфронтации»*, а также заявил, что *«российское вторжение не вызывает сомнений, военные приготовления не вызывают сомнений».*

Итогом сложившейся ситуации стало неоднозначная реакция западной прессы и уже к тому времени, безусловно, напряженная атмосфера приобрела еще более нежелательную «двуликость». В данном примере Ираклий Аласания в своих ответах демонстрирует тактику обобщения. В комментариях по данному вопросу он настаивает на «проведении расследования», во всех шести случаях повторяется одна фраза, что само собой обращает на себя внимание аудитории. Также в определенной категории вопросов, таких как общие вопросы, где подразумевается ответ «да» или «нет», или же вопросы, где могут быть лишь два ответа, как в данном случае: «Кто начал войну? Россия или Грузия?», тактика обобщения не может быть успешной априори. Это можно объяснить тем, что аудитория ждет или конкретного ответа на вопрос или комментариев по действиям одной и другой стороны, из которых можно сделать определенный вывод. В данной же ситуации посол сначала указывает на необходимость расследования и неоднозначность ситуации, а заканчивает ответ фразой *«российское вторжение не вызывает сомнений, военные приготовления не вызывают сомнений».* Нелогичность построения элементов коммуникации привело к появлению заметки в NY Times, в которой сообщается, что наблюдатели ОБСЕ выразили сомнения относительно утверждений Грузии о том, что действия Тбилиси в Южной Осетии были оборонительными. Из этого следует, что неудачно выбранная тактика уклонения в последующем интервью поставила дипломата и

позицию Грузии в невыгодное положение, так как вызвала недоумение и обратила на себя внимание СМИ, политического содружества и общества в целом.

Похожая ситуация сложилась вокруг бывшего госсекретаря США Хилари Клинтон, которая в марте 2010 года на вопрос о том, какие ограничения по противоракетной обороне накладывает на Вашингтон новый договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ), ответила: *«Подписанный договор крайне важен для сторон... Мы верим, что Россия и США, будучи самыми мощными ядерными державами, ответственны за соблюдение режима нераспространения»*. Реакция СМИ не заставила себя ждать, статья с заголовком: «Клинтон не ответила на вопрос по ПРО в договоре о СНВ» вышла на следующий день после интервью. Такой же случай произошел, когда на вопрос о возможном участии в президентских выборах Хилари Клинтон ответила: «И меня, и президента волнует, что будет с нашей страной. **Не думаю, что мы можем предвидеть, что будет завтра, что в следующем году»**». Ответ бывшего госсекретаря цитировался во многих печатных изданиях с указанием на уход от темы и также ссылкой на слова Хилари Клинтон о том, что она «все еще является госсекретарем» и что она «вне политики». Госсекретарь США использовала в своем ответе тактику обобщения в первом случае и тактику игнорирования в ответе на вопрос о возможности участия в президентских выборах, которые в данном случае были явно не самым лучшим выбором, что подтверждается реакцией прессы.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что в процессе коммуникации тактика уклонения от прямого ответа реализуется набором определенных тактик: тактики повторов и переспросов; тактики задержки ответа; тактики смягчения категоричности ответа; тактики обобщения; тактики поддакивания; тактики собственно имплицитного отказа; тактики игнорирования; тактики иронии; тактики намека; тактики условия; а также комбинированными тактиками (включающими различные сочетания тактик).

Анализ показывает, что одним из главных компонентов схемы коммуникативной тактики уклонения от прямого ответа является реплика - формально-структурная единица мены коммуникативных ролей.

Тактика уклонения от прямого ответа реализуется в случае отражения говорящим собственного противоречивого эмоционально-психологического состояния, порожденного обстоятельствами; построения говорящим речи по типу внутреннего монолога – описания или размышления, сконцентрированного на самоанализе; переживания говорящим статусной неуверенности при наличии субординативных отношений; желания говорящего удовлетворить свои субъективные интересы и достигнуть поставленных коммуникативных целей.

Безусловно, новым и интересным этапом в развитии не только общества, технологий, но также дипломатии и политики можно считать возникновение социальных сетей, живых журналов, различных форумов. По мнению уже упомянутого выше посла США Майкла Макфола: «Десятилетиями Госдепартамент практикует то, что мы называем публичной дипломатией. У нас есть сотрудники, которые этим занимаются посредством традиционных СМИ, и все это очень важно. Однако, живя в 21 веке, мы должны использовать и новые платформы, такие как Фейсбук и Твиттер, потому что именно там люди получают новости и общаются. Мы должны

организовывать публичные события и выходить на прямое общение с людьми, как я делал это сегодня вечером с американским сообществом. Мы должны пытаться налаживать общение с людьми по всем возможным каналам, особенно в такой обстановке, когда возникают трудности в донесении». Бесспорно, в наше время Интернет является одним из ключевых атрибутов жизни общества, который делает ее во многом проще из-за доступа к большому объему информации. Официальные сайты, Твиттер, Фэйсбук и другие онлайн ресурсы дали возможность появиться совершенно новому и недостаточно изученному виду коммуникации. Данная тенденция может ознаменовать новое веяние в дипломатии и способствовать возникновению стратегий и тактик не только в искусстве уклонения от ответа, но и в широком спектре коммуникации, которая в век высоких технологий вышла на новый уровень развития.

Литература

Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И.Н. Борисова Русская разговорная речь как явление городской культуры. – АРГО, 1996. – 21-30 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Иссерс О.С. – 6-изд., - ЛКИ, 2008. 42-45 с.

Ковалев А.Н. Азбука дипломатии Текст / А. Н. Ковалев. - М: Интерпракс, 1993. - 240 с.

Официальный сайт первого канала: интервью Владимира Познера с Майклом Макфолом. URL: <http://www.1tv.ru/prj/pozner/vypusk/13482>. (дата обращения 24.05.2010)

Официальный сайт газеты Сегодня.ua. URL: <http://www.segodnya.ua/world/poctpred-hruzii-pri-oon-ne-smoh-otvetit-na-voproc-kto-nachal-vojnu-v-ocetii.html>. (дата обращения 18.11.2010)

Официальный сайт Владимира Познера. URL: <http://vladimirpozner.ru/?p=2910> (дата обращения 2.10.2010)

С.Ю. Куликов

УДК 81'23

ОДНОРЕФЕРЕНТНЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ СЛОВА И ИХ ФОРМАЛИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЭТНОФОБОНИМОВ)

В статье рассматривается один из малоизученных пластов лексики – однореферентные оценочные слова. Наиболее часто однореферентные слова применяются для демонстрации личных пристрастий или обвинений в расовой, религиозной и этнической нетерпимости. Массовость проявлений ксенофобии в Интернет-пространстве заставляет лингвокриминалистов использовать автоматизированные программные комплексы для идентификации и первичной классификации различных проявлений ксенофобии. На примере частного случая ксенофобии – этнофобонимов демонстрируются способы реализации оценочных значений по отношению к однозначно идентифицируемым внетекстовым объектам. В работе также описывается методика тезаурусного описания маркеров проявления этнической ненависти. Указывается место тезауруса (базы данных) по этнофобонимам в рамках автоматизированного рабочего места эксперта-лингвокриминалиста.

Ключевые слова: лингвокриминалистика, компьютерная лингвистика, автоматическое извлечение мнений, тезаурусное описание лексики, восприятие текста.

Sergey Yu. Kulikov

SINGLE-REFERENCE OPINED WORDS AND THEIR FORMALIZATION (THE CASE OF ETHNOPHOBONYMS)

The article deals with a lesser-described lexical class – single-reference opined words. Most often single-reference words are used to demonstrate personal likes or to make accusations of racial, religious or ethnic hatred. The huge number of xenophobic messages on the Internet makes it necessary for forensic linguists to use computerized tools for identification and initial classification of xenophobic cases. We demonstrate various means of opined word usages referring to an unambiguously identified extratext object describing a special case of xenophobia – ethnophobia. The paper also describes a thesauri-based method of finding ethnic hatred cases in text. The place of the ethnophobonymic thesaurus (a database) in a forensic linguist's toolkit.

Keywords: forensic linguistics, computational linguistics, opinion mining, thesauri-based lexicon description, text perception.

Изучение оценки в языке ведется с разных сторон в течение нескольких десятков лет [Арутюнова 1988]. В последние два десятилетия усилился интерес к оценочным явлениям в тексте со стороны компьютерной лингвистики. Это выразилось в появлении комплексного направления, получившего наименование автоматического извлечения мнений [Liu 2012].

Одним из аспектов автоматического извлечения мнений является идентификация участков текста, содержащих различного рода ненормативную лексику, в т.ч. контент противоправного характера. В связи с ростом ксенофобских настроений

в Интернете многие Интернет-СМИ и сайты вводят предварительную модерацию комментариев. В настоящее время в Российской Федерации ведется разработка системы, позволяющей в автоматическом режиме осуществлять идентификацию и классификацию противоправного контента [Васечкин и др. 2014: 5–6]. В разрабатываемой системе учитываются различного рода призывы и иные прямые проявления ненависти. В статье мы рассматриваем случай обвинения лиц в подобных проявлениях при помощи лексических средств.

Объектом нашего исследования являются однореферентные оценочные слова. Предметом исследования был выбран класс слов, обозначающих этнофобию. Цель исследования – разработать адекватный формат описания указанного лексического класса. Для решения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: 1) выявить параметры, позволяющие отделить лексику, обозначающую этнофобию, от сходных явлений, 2) определить способы словообразования подобной лексики, 3) создать лексическую базу данных, ориентированную на максимальное текстовое покрытие. Для решения названных задач были использованы следующие методы: корпусного и компонентного анализа, метод тезаурусного описания лексики.

Однореферентные оценочные слова

Сочетаемость свойства различных классов оценочных слов неоднократно становились объектом изучения в работах по автоматическому извлечению мнений. При этом предметом изучения являлись валентностные свойства глаголов и типы оценочных прилагательных (усилители, уменьшители и нейтрализаторы оценки). Референтные свойства оценочных прилагательных получили подробное освещение в работах многих исследователей, обзор которых приводит Б. Лю [Liu 2012]. Основным наблюдением стало следующее: в различных подъязыках и для различных референтов одни и те же оценочные слова могут нести различную оценку. Например, предложение *A funny movie* – несет положительную оценку для объекта ‘movie’ (‘фильм’). Но то же прилагательное может нести отрицательную оценку в контекстах поведения прибора или устройства, например, *a site dedicated to all those embarrassing funny auto-correct texts from iphones*. Разница в восприятии оценочных слов может также зависеть от участников ситуации, например, предложение *В IV квартале текущего года установилась высокая цена на бензин* будет негативно воспринято автовладельцами и позитивно владельцами автозаправочных станций.

Следует заметить, что некоторые оценочные слова отражают лишь конкретные объекты или классы объектов. Сначала рассмотрим некоторые случаи словообразования оценочных слов, характеризующих отдельные классы объектов. Наиболее частым случаем является использование приставки *недо-*. Прототипическим словом для данного дериватологического класса является нацистский термин «*недочеловек*»¹. В качестве современных примеров можно привести слова *недобанк* и

---

¹ Ср. значение приставки *недо-* в [Словарь 1958: 802]: «сложная приставка, придающая слову значение неполноты, недостаточности действия, отсутствия нужной меры, нормы, степени и т.п.». Таким образом, можно говорить о вторичном значении приставки, со смещением значения из снижения степени слова (соответствие лексической функции *AntiMagn*) в придание негативного значения (*ЛФ AntiBon*).

недомагазин. В качестве примера употребления можно привести такое предложение: *Вывод: БРС – это недобанк, это кредитная лавка, можно пойти работать, если у вас нет опыта работы (не на длительный срок) и есть желание узнать всё о кредитах картах и т.д.*² В качестве корня, который подвергается модификации, может использоваться любое родовое понятие, например, нижнего уровня иерархии – *-банк, -магазин, -продавец, -министр, etc.*, верхнего уровня – *-организация, -учреждение, -сотрудник, etc.* Другим способом словообразования подобных слов является словосложение. При этом один из компонентов сложного слова обязательно должен быть выражен оценочным словом³. К таким словам можно отнести политические неологизмы «пжив» ('партия жуликов и воров' – референт политическая партия «Единая Россия»⁴) и «воршебник» ('вор+волшебник' – изначальным референтом был глава ЦИК РФ Чуров, затем в качестве референта стал подразумеваться любой сотрудник избирательной комиссии). В качестве примеров использования можно привести следующие предложения. *В своем интервью на Эхе воршебник Чуров прямо обвинил телевизионщиков в искажении фактов⁵. Потому что до ручки нас так или иначе доведут эти воршебники изумрудного города⁶. Но вопрос остается открытым: действительно ли ЕдРо больше не воспринимается как ПЖиВ?⁷*

Оценочные слова, относящиеся к отдельным объектам, образуются по сходным деривационным правилам. При этом референт может содержаться в слове, а может задаваться имплицитно. К первому типу относятся различные способы «персонофобии», которые рассматриваются ниже. Второй тип включает слова, характеризующие действия или свойства конкретного лица, типа «*нанопремьер*» и «*либералиссимус*». Например, *Нанопремьер Медведев высказался в духе нацистки Светы из Иваново: «зарплата растет, социальные условия улучшаются, детей в школах стали кормить лучше»⁸. В девяностых годах на вопрос о национальности либералиссимус ответил журналистам, что мама у него русская а папа – юрист⁹.*

Этнофобия, социофобия, персонофобия и религиофобия

В последнее время в прикладном языкознании наблюдается тенденция, направленная на активное привлечение технологий, основанных на знаниях. К числу подобных технологий относятся прежде всего размеченные корпуса текстов и специализированные лингвистические ресурсы (например, тезаурусы, лексические базы данных типа WordNet, VerbNet, FrameNet), онтологии). В [Васечкин и др. 2014: 12] предполагается использование редактируемых пользователем словарей¹⁰, что позволяет подключать дополнительные внешние ресурсы.

---

² <https://www.banki.ru/services/official/bank/response/523933/>

³ В данную группу входят слова, обозначающие различные «фобии» и «филии», которые будут рассмотрены ниже.

⁴ Включая членов данной партии

⁵ <http://nearch78.livejournal.com/8178.html>

⁶ <http://www.komarovskiy.net/forum/viewtopic.php?t=22630&postdays=0&postorder=asc&start=675&sid=409b049e00561699b920fde7066d5139>

⁷ <http://svpressa.ru/politic/article/63081/>

⁸ <http://sturmnovosti.co/view.php?COLLCC=1448022774&id=38688>

⁹ <http://tomsk.fm/watch/47431?from=157652>

¹⁰ без уточнения данного термина

В системах, ориентированных на фильтрацию противоправного контента, принята тройная классификация лексики (применительно к словам, обозначающим ксенофобию). Эта классификация опирается на типы правонарушений из Уголовного Кодекса РФ, а именно – возбуждение социальной, этнической и религиозной ненависти (розни). Таким образом, из различных типов ксенофобии выбираются только термины, относящиеся к социофобии, этнофобии и религиознофобии. Необходимо отметить, что данные явления на текстовом уровне соотносятся с оскорблениями (чаще всего путем сравнения с неодушевленными предметами). Другим значимым явлением в Интернет-коммуникации являются обвинения в разжигании того или иного вида розни. Данные обвинения строятся на основе приписывания тому или иному человеку свойств этно-, социо- или религиознофобов. Наиболее частыми моделями являются следующие: 1) X есть prefix-фоб-(ка), где X – имя человека, prefix – указание на конкретное проявление ксенофобии, в скобках указан факультативный компонент, относящий слово к лицу женского пола; 2) prefix-фобск* (действие) X. К первой модели относятся, например следующие предложения: *Однако, отметил он, «решать, что вредоносно, а что полезно, должны не исламофобы, не владеющие даже арабской графикой, а признанные во всем мире специалисты-исламоведы»¹¹. Рогозин - ксенофоб, юдофоб, американофоб? Ох, сомневаюсь я...¹²* Приведенные ниже примеры иллюстрируют использование второй модели. *После скандала с высказываниями российских политиков о казахстанской государственности и о нагнетании в этой стране русофобских настроений в Казахстане заявили о возможности «негативных вызовов», связанных с безопасностью¹³. Равно как и о том, как абсурдно было вменять девушкам надуманный христианофобский мотив вместо очевидного политического¹⁴.*

Анализ текстов при помощи регулярного выражения $\backslash w+(?>фоб)\backslash w^*$ демонстрирует наличие форм, которые можно отнести к «персонофобии». Например, *а ты бушафил или обамафоб? Я - путинофоб и медведефоб¹⁵*. Отличия персонофобии от других проявлений ксенофобии очень существенные. Во-первых, персонофобия не является преступлением. Во-вторых, она вписывается в традиционную картину мира, занимая примерно ту же нишу, что слова *враг* и *недруг*. При этом необходимо отметить, что явные проявления неприязни к конкретному лицу (особенно при помощи расистских высказываний) могут привести к восприятию явления персонофобии как чего-то недопустимого, например, *Что касается моих предпочтений, то могу сказать, что я не за Обаму, я против «обамофобии», как очень точно выразился уважаемый Буквоед¹⁶*.

Компонентный анализ ксенофобонимов¹⁷ позволяет довольно легко выявить деривационные модели. Помимо указанных выше моделей с компонентом -фоб, допустимы компоненты – ненавистник/ца. Различия между этими словообразователь-

¹¹ http://www.newsru.com/religy/22sep2014/gainutdin_spisok.html

¹² <http://democracy.ru/article.php?id=1081>

¹³ <http://www.newsru.com/world/18sep2014/kazakhstan.html>

¹⁴ http://www.atheism.ru/library/efimov_1.phtml

¹⁵ <http://otvet.mail.ru/question/18545290>

¹⁶ http://berkovich-zametki.com/Guestbook/guestbook_okt2012_2.html

¹⁷ Т.е. слов, обозначающих различные проявления ксенофобии.

ными моделями заключаются в силе негативной оценки.

Разница в словообразовании между основными классами ксенофобонимов заключается в референтном статусе первого деривационного компонента. Для социофобонимов – это наименования социальных групп, например сексуальных меньшинств, представителей власти, футбольных фанатов и др. Для религиофобонимов – это наименования конфессий. Для этнофобонимов – это названия этнических групп. Персонофобонимы образуются от фамилий или прозвищ конкретных людей, чаще всего широко известных.

Отличительной чертой этнофобонимов следует признать возможность замены названия этнической группы на название страны, ассоциируемой с данной этнической группой. Например, слово *англофобия*, образованное от топонима *Англия*, имеет тот же референт, что и *англичанофобия*. Частотное соотношение между названием этнической группы и названием страны зависит от двух параметров: 1) длины слова (чем длиннее слово, тем менее частотным будет образованный от него этнофобоним), 2) удобство произнесения (чем сложнее фонетический комплекс на стыке частей этнофобонима, тем реже он будет использоваться).

Тезаурусное описание этнофобонимов

В практике информационного поиска давно успешно применяются разнообразные информационно-поисковые тезаурусы. Их основным назначением является увеличение полноты выдачи за счет увеличения длины запроса синонимами (и некоторыми другими семантическими отношениями) слов в запросе.

В отечественной науке уже предпринимались попытки тезаурусного описания фобий [Хайруллин 2013: 30]. В отличие от нашей работы в процитированной статье под фобиями понимаются психические заболевания. Ещё одним отличием от нашего исследования является многоязычность корпусного словаря (тезауруса) В.И. Хайруллина. Принципиальным представляется и выбор английского языка в качестве исходного. Подобный подход облегчает составление тезауруса, однако не способствует учету межчастеречного варьирования во флективном языке при функционировании лексических единиц в тексте.

Разработанная нами база данных по этнофобонимам в настоящее время насчитывает 85 лексических входов¹⁸. Под лексическим входом понимается единица языка, имеющая своим референтом страну (регион проживания) и ее жителей. Данная единица является объектом оценки и основным элементом (MAIN), подвергающимся модификациям. В качестве типов связей для оценочных отношений основного элемента используются следующие – синонимическая (SYN), агентивная (AGENT), общая (GENERIC), модификатор (MODIFIER). При комбинации признаков используется служебный тип MULT, который позволяет дополнять атрибут типа (или подтипа). Общая оценочная связь соответствует наименованию понятия (название фобии). Агентивная связь обозначает деятеля, совершающего действие этнофобного характера. Модификаторная связь описывает дополнитель-

---

¹⁸ Фрагмент базы представлен в приложении. Для удобства восприятия исходный формат базы данных заменен на соответствующий ему формат xml.

ный оценочный параметр, который может выражаться действием или свойством субъекта. Параметр ID указывает на порядковый номер внутри блока. Параметр POS обозначает часть речи, к которой принадлежит слово. Параметр SENTIMENT описывает оценку объекта, приписываемую данным словом. Параметр INT соответствует интенсивности оценки (т. е. ее силе). В параметре VALUE задается лемматизированная форма слова.

Общую оценку, обозначаемую параметром GENERIC, можно проследить на приведенных ниже примерах. *Как все эти годы на выходе была русофобия, так и сейчас на выходе русофобия* (объект оценки – Россия/русский). *Вот у нас почему-то нет укрофобии, нет латвофобии, литвофобии, германофобии, финофобии, американофобии*¹⁹ (объекты – Украина/украинец, Латвия/латвиец, Литва/литовец, Германия/германец, Финляндия/финн). *В регионе, а особенно у стран, которые непосредственно граничат с Китаем – это Казахстан и Кыргызстан – довольно высок уровень т.н. «китаефобии» или иначе «чайнафобии». О «чайнофобии», стратегии Пекина и китайском языке*²⁰ (объект – Китай/китаец).

Носитель оценочного действия, описываемый при помощи параметра AGENT, может обозначаться не только при помощи собственно лексем с компонентом -фоб, но и другими способами, что можно продемонстрировать на следующих примерах. *Судя по стене в Одноклассниках, папаня тот еще украинофоб и «антифашист», – сообщает журналист*²¹ (объект – Украина/украинец). *Это человек, известный в мире как русофоб ещё с доперестроечных времен. Если сравнивать известного в кругах правозащитников политического заключенного не единожды, диссидента, антисоветчика Джамилева, и вполне успешного такого советского чиновника Чубарова, то понятно в чью сторону больше доверия скапливалось*²² (объекты – Россия/русский, СССР). *Вы, тролли, настолько ущербны, что не понимаете, что критикуя представителя нашего народа за малейшую провинность, идете на поводу не только и не столько у чеченофобов, сколько у кавказофобов, и, следовательно, у врагов России*²³ (объекты – Чечня/чеченец, Кавказ/кавказец).

Модификаторы-прилагательные довольно часто игнорируются разработчиками отечественных систем автоматической обработки естественного языка при использовании зарубежных технологий, направленных на анализ английского языка, по причине большей вариативности средств передачи референциальных значений в текстах на русском языке. Это приводит к значительному падению полноты выдачи информационно-аналитических систем. Приведем примеры модификации оценочных агентов, которые обозначаются параметром MODIFIER. *«Благо он неплохо разбирается в мусульманских течениях – несколько лет назад мне довелось читать его аналитическую записку о мусульманских сектах в Крыму, которые проводили свою русофобскую и антиправославную политику по линии межджиса крымско-татарского народа и подконтрольного ему ДУМ Крыма», – отметил со-*

¹⁹ https://www.facebook.com/764151920310984?comment_id=764812533578256

²⁰ <http://azh.kz/ru/news/view/19514>

²¹ <http://www.newsru.com/russia/22aug2014/bmd.html>

²² <http://actualcomment.ru/daycomment/1494/>

²³ <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=11&PubID=54515>

*беседник портала*²⁴ (объект – русский, опосредованный объект – Россия). *Конашенков* связал появившуюся информацию и с тем, что владельцем изданий, первыми сообщивших о «захвате», является олигарх *Игорь Коломойский*, с которым связывают антироссийскую пропаганду и другие действия против Москвы²⁵ (объект – Россия). По части истерии, носящей укрофобский характер, российские СМИ дают фору всем мировым СМИ²⁶ (объект – Украина/украинец). Еврофобская «Европа за свободу и демократию» избрала своим кандидатом родившуюся в Сомали активистку за права женщин *Айаан Хирси Али*, ставшую известной на Западе и недавно получившую гражданство США²⁷ (объект – Европа). Посмотрите, как на фоне амерофобской истерии из Путина сделали эталон противозападной политики²⁸ (объект – Америка/США).

Существенным представляется следующее положение: база данных принципиально открыта и может быть использована для описания других типов ксенофобонимов. Например, параметром GENERIC для объекта *ислам* может быть описано существительное *исламофобия* в следующем контексте: *Комментируя гневный пост бывшего французского госсекретаря по делам семьи, глава французского бюро по наблюдению за исламофобией Абдалла Зекри заявил изданию France 24, что заявленный Морано постулат о необходимости уважать ценности Французской Республики означает необходимость уважать ценности всех ее граждан - в том числе и мусульман*²⁹.

Заключение

В статье продемонстрированы возможности использования тезауруса (базы данных) для решения задачи идентификации в тексте участков, которые могут содержать в себе обвинения в проявлении различного рода ненависти. Описанный тезаурус направлен на максимальное текстовое покрытие предметной области этнофобонимов. Открытость архитектуры тезауруса позволяет использовать его для моделирования других разновидностей потенциальных обвинений в ксенофобии.

Тезаурус может быть использован при автоматической генерации запросов в информационно-аналитических системах, являющихся автоматизированным рабочим местом эксперта-лингвокриминалиста.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

Васечкин Д.В., Зайцев И.Н., Осипов С.А. Система мониторинга средств массовых коммуникаций в Сети «Интернет». Подсистема обработки текстовой информации ИСМК. Частное техническое задание. – М., 2014. – 45 с. URL: http://www.rfs-rf.ru/idc/groups/public/documents/grhc_native_files/017740.pdf (дата обращения: 01.10.14).

Словарь современного русского литературного языка. Том 7 «Н». Ред. Ф.П. Сороколетов, Ф.П. Филин. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 1470 с.

Хайруллин В.И. Корпусный словарь фобиотерминологии // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 2013. - № 4. – С. 30–32.

Liu, B. Sentiment Analysis and Opinion Mining. Synthesis Lectures on Human Language Technologies # 16. 2012. xiv, – 165 p.

Приложение

Фрагмент базы данных

```
<ONTO-CLASS VALUE="UNLAWFUL BEHAVIOUR MARKERS">
<ONTO-SUBCLASS VALUE="ETHNIC PHOBIA">
<ENTITY-CLASS ID="1" VALUE="RUSSIA">
<ENTITY ID="1" TYPE="MAIN" POS="NOUN" VALUE="Россия" />
<ENTITY ID="2" TYPE="GENERIC" POS="NOUN"
SENTIMENT="NEGATIVE" INT="HIGH" VALUE="руссофобия" />
<ENTITY ID="3" TYPE="SYN" SUBTYPE="GENERIC" SYNID="2"
POS="NOUN" SENTIMENT="NEGATIVE" INT="HIGH" VALUE="руссофобство"
/>
<ENTITY ID="4" TYPE="AGENT" POS="NOUN"
SENTIMENT="NEGATIVE" INT="HIGH" VALUE="руссофоб" />
<ENTITY ID="5" TYPE="MODIFIER" POS="ADJECTIVE"
SENTIMENT="NEGATIVE" INT="HIGH" VALUE="руссофобский" />
<ENTITY ID="6" TYPE="MULT" SUBTYPE="MODIFIER_ACTION"
POS="VERB" SENTIMENT="NEGATIVE" INT="HIGH"
VALUE="руссофобствовать" />
<ENTITY ID="7" TYPE="GENERIC" POS="NOUN"
SENTIMENT="NEGATIVE" INT="EXTREME" VALUE="русоненавистничество"
/>
<ENTITY ID="8" TYPE="AGENT" POS="NOUN"
SENTIMENT="NEGATIVE" INT="EXTREME" VALUE="русоненавистник" />
<ENTITY ID="9" TYPE="MODIFIER" POS="ADJECTIVE"
SENTIMENT="NEGATIVE" INT="EXTREME" VALUE="русоненавистнический"
/>
<ENTITY ID="10" TYPE="GENERIC" POS="NOUN"
SENTIMENT="NEGATIVE" INT="LOW" VALUE="нерусофильство" />
<ENTITY ID="11" TYPE="AGENT" POS="NOUN"
SENTIMENT="NEGATIVE" INT="LOW" VALUE="нерусофил" />
<ENTITY ID="12" TYPE="MODIFIER" POS="ADJECTIVE"
SENTIMENT="NEGATIVE" INT="LOW" VALUE="нерусофильский" />
<ENTITY ID="13" TYPE="SYN" SUBTYPE="GENERIC" SYNID="2"
POS="NOUN" SENTIMENT="NEGATIVE" INT="HIGH" VALUE="россиефобия"
/>
<ENTITY ID="14" TYPE="MODIFIER" POS="ADJECTIVE"
SENTIMENT="NEGATIVE" INT="HIGH" VALUE="россиефобский" />
<ENTITY ID="15" TYPE="MODIFIER" POS="ADJECTIVE"
SENTIMENT="NEGATIVE" INT="HIGH" VALUE="антироссийский" />
<ENTITY ID="16" TYPE="SYN" SUBTYPE="MAIN" SYNID="1"
POS="NOUN" VALUE="русский" />
</ENTITY-CLASS>
</ONTO-SUBCLASS>
</ONTO-CLASS>
```

Арушанова А.Г., Рычагова Е.С., Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Проблемы развития речи в психолингвистическом и лингводидактическом освещении. – М.: Ключ-С, 2014. – 341 с.

Публикация рецензируемой коллективной монографии совпала с 70-летием со дня рождения выдающегося отечественного психолингвиста А.М. Шахнарovichа, который постоянно проявлял интерес к лингводидактическим проблемам и продуктивно их разрабатывал в теоретическом, экспериментальном и прикладном аспектах [Сигал, Юрьева 2011]. Не случайно эта книга является данью памяти об А.М. Шахнарovichе, научные идеи которого, высказанные в последней четверти XX века, имеют огромное значение для современной психолингвистики развития и дошкольной лингводидактики. Как известно, А.М. Шахнарovich прямо указывал на то, что психолингвистика не должна отказываться от решения «задач, связанных с необходимостью эффективно управлять развитием речи ребенка в дошкольный период, представляющий собой важнейший этап развития человеческой личности» [Шахнарovich 1985: 4].

Развитие речи понимается коллективом авторов как сложный, значительно растянутый во времени процесс приобретения индивидом родного языка, его языковых средств как способов выражения тех знаний, которые появляются, постоянно обогащаясь, в ходе общепсихического развития. Этот процесс характеризуется непрерывностью, наиболее интенсивен он в дошкольные годы, отмеченные стремительным развитием у ребенка когнитивных структур, знаний о предметном мире и формах социальной кооперации, накоплением опыта речевого взаимодействия с окружающими людьми.

В рецензируемой книге показано, что на современном этапе изучение развития речи возможно не иначе, как на основе междисциплинарного подхода, обогащающего прежде всего дошкольную лингводидактику, в которой сейчас на первый план выдвинуты проблемы воспитания языковой личности. Важно отметить, что в книге представлено развернутое и аргументированное описание модели такого воспитания, основанной на идее взаимодействия – в ходе развития речи – собственно речевых действий с предметно-практическими, игровыми действиями ребенка посредством управления формированием его речевой активности со стороны педагога. Подчеркнем, что подобная модель (или, иначе говоря, программа) полностью соответствует прикладным установкам, содержащимся в психолингвистической концепции А.М. Шахнарovichа.

Коллективная монография состоит из предисловия, четырех больших исследовательских глав и списка использованной отечественной и зарубежной литературы, включающего около 600 источников и практически исчерпывающего все классические и новейшие публикации по проблеме развития речи детей дошкольного возраста.

В главе I «Эволюция метода в изучении детской речи: от описания к объяснению», написанной Н.М. Юрьевой, освещается проблема метода в исследовании детской речи, дается описание экспериментально-генетического метода, раскрываются особенности применения экспериментального психолингвистического подхода к изучению развития речи дошкольников.

Методологическая ценность этой главы состоит прежде всего в следующем. Область знания, охватывающая проблемы речевого онтогенеза, является частью психолингвистики и, можно сказать, к настоящему времени превратилась в психолингвистику речевого развития. В центре ее внимания находится процесс развития речи в детском возрасте, в ходе которого происходит овладение ребенком средствами и способами речевого общения. Несмотря на успехи в области изучения речевого онтогенеза, до сих пор существует необходимость в обращении к проблеме метода, поскольку исследователи часто ограничиваются лишь констатацией внешних фактов речевого развития, не затрагивая их внутренней природы и качественных изменений в развитии наблюдаемых явлений.

Н.М. Юрьева дает подробную и всестороннюю характеристику деятельностного направления в изучении онтогенеза речи, восходящего к теоретико-экспериментальным исследованиям школы Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. Она показывает, что современные принципы, на которых строится изучение различных явлений онтогенеза в отечественной науке, берут свое начало в экспериментально-генетическом методе, требующем воссоздания в эксперименте самого процесса развития изучаемых явлений. Этот метод нацелен на установление генетически наиболее простого и «неразвитого» состояния объекта или явления, благодаря чему становится возможно определить этапы и механизмы его эволюции.

А.Г. Арушанова в главе II «Принцип спонтанности в становлении языковой личности» рассматривает речевое развитие дошкольника в контексте становления языковой личности через обращение к тем социальным связям, в которые включен ребенок, к опыту совместной деятельности и общения взрослого и детей, приобретаемого в условиях детского сада, т.е. в рамках педагогического процесса, целенаправленно организуемого воспитателем. Как показано в этой главе, для дошкольной лингводидактики в наши дни становится актуальным поиск новых путей и подходов к развитию языковой личности и формированию коммуникативно-речевых способностей дошкольников уже в начальный период речевого онтогенеза.

Проведя анализ проблемы становления языковой личности, А.Г. Арушанова высказывает мысль о том, что если найти механизмы реализации ребенком своей личности, то возможно обеспечить оптимальное развитие языковой и коммуникативной компетенции каждого ребенка, наиболее полную реализацию его потенциальных способностей. Предложенная ею оригинальная модель педагогического процесса, охватывающая непосредственно дидактические игры с предметным содержанием – фонетическим, лексическим, грамматическим, самостоятельные игры, самостоятельную инициативную игровую и речевую активность детей, является реализацией принципа «спонтанности» (А.В. Запорожец) в процессе становления языковой личности дошкольника.

Важно сказать о том, что данная во многом новаторская модель воспитания детей дошкольного возраста включает в себя как обучение речи и речевому общению, так и самостоятельную инициативную речь детей, их общение и диалоги. Причем именно совместная деятельность детей и взрослого, равно как и детей друг с другом, предстает здесь в качестве метода формирования диалогического общения (ср. такие формы, как совместная дидактическая игра с лингвистическим содержанием, сюжетно-дидактическая игра, игра-драматизация, совместное рас-

сказывание и др.).

В главе III «Смысловое восприятие свободного словосочетания (экспериментальное исследование)» К.Я. Сигал обнаруживает те психолого-речевые операции и стратегии, которые обеспечивают смысловое восприятие окказионального словосочетания с метафорой взрослыми носителями языка. Сопоставление результатов этого эксперимента с результатами известного эксперимента А.М. Шахнаровича и Н.М. Юрьевой, посвященного пониманию метафоры детьми-дошкольниками [Шахнарович, Юрьева 1988], позволило раскрыть онтогенетическую перспективу смыслового восприятия словосочетаний с метафорическим компонентом.

Представляется, что обращение не только к развитию речи детей дошкольного возраста, но и к психолингвистическим механизмам, включенным в речевую деятельность взрослых носителей языка, вовсе не противоречит экспериментально-генетическому методу. Ведь, как известно, для того «чтобы вскрыть природу явления, лучше всего начать его изучение в его зрелом, наиболее завершенном виде» [Бессонов 1988: 34].

Главу IV «Развитие диалога сверстников в детском саду» Е.С. Рычагова посвятила созданной ею модели речевого воспитания детей 4–5 лет, построенной на основе диалога как субъект-субъектного взаимодействия и игры как формы организации такого диалога. В ходе комплексного экспериментального исследования, включающего констатирующий, пилотажный и формирующий эксперименты с несколькими группами детей, Е.С. Рычагова разработала инновационную систему коллективных речевых дидактических игр, крайне важную в практике развития речи в детском саду.

В этой главе показано, что механизм саморазвития языковой и коммуникативной компетентности тесно связан с формированием у детей элементарного осознания звучащей речи, в том числе и диалогической, с активизацией ориентировки детей на языковые средства и на партнера-сверстника. Причем обе эти ориентировки складываются под влиянием организованной системы мотивации, в которую входят игровое и диалогическое взаимодействие детей в играх-драматизациях и инсценировках, а также дидактические речевые игры в форме диалогов.

Многолетний эксперимент свидетельствует о том, что в онтогенезе диалог предстает не только как необходимая часть процесса развития коммуникативной способности индивида, но и как важный лингводидактический инструмент, опосредующий формирование языковой и коммуникативной компетенции языковой личности в дошкольном детстве.

В заключение стоит отметить глубокое методологическое единство рецензируемой коллективной монографии. Во-первых, как последователи и ученики А.М. Шахнаровича, авторы книги в едином направлении развивают его общие положения применительно к сложнейшей проблеме соотношения и взаимовлияния разных наук, имеющих общую предметную область – речевую деятельность человека на различных этапах ее становления и формирования. Во-вторых, результаты исследований, представленные в каждой из глав, указывают на ценность и важность экспериментальной исследовательской работы в научном поиске и лингвистов, и лингводидактов.

Каждый из авторов книги и все они вместе убеждают читателя в том, что

именно на основе конкретных экспериментальных данных с привлечением лингвистических и лингводидактических исследовательских процедур и методов анализа становится возможным доступ к неявным, скрытым, но психологически реальным механизмам, процессам и факторам, влияющим на развитие и формирование речи и – в целом – на становление языковой личности человека.

Литература

Бессонов Б.Н. Герменевтика. История и современность / Б.Н. Бессонов // Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – С. 5–36.

Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Памяти А.М. Шахнаровича (1944–2001) / К.Я. Сигал, Н.М. Юрьева // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 1. – С. 182–190.

Шахнарович А.М. Семантика детской речи. Психолингвистический анализ. Автореферат дис. ... докт. филол. наук / А.М. Шахнарович. – М.: ИЯз АН СССР, 1985. – 40 с.

Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. К проблеме понимания метафоры / А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 108–118.

И.А. Арсеньева

А.М. Калюта. «Словарь ассоциативных норм турецкого языка» – Минск, БГУ, 2014. – 207 с.

Словарь, изданный в Белорусском государственном университете, продолжает серию исследований ассоциативных норм различных языков, которые уже несколько десятилетий активно ведутся в рамках психолингвистики и направлены прежде всего на изучение национально-культурной специфики языкового сознания этноса. Таким образом, этот словарь пополнил ряд известных и широко используемых российскими и зарубежными учеными словарей, таких как Русский ассоциативный словарь, Ассоциативный тезаурус русского языка, Славянский ассоциативный словарь, и подобных им словарей ассоциаций, созданных на материале индоевропейской, тюркской и финно-угорской языковых семей.

Уникальность данной работы состоит в том, что в ней впервые были изучены ассоциативные нормы турецкого языка, что не просто дополняет ассоциативную лексикографию в целом, но и открывает перспективу создания ассоциативного тезауруса тюркских языков.

Работа над словарем длилась три года, с 2004 по 2007 гг. Его основой стали результаты, полученные в ходе обработки данных свободного ассоциативного эксперимента, который проводился традиционным методом письменного анкетирования среди обучающихся различным специальностям студентов Эрджиевского университета в городе Кайсери провинции Внутренняя Анатолия. В исследовании А.М. Калюты достаточно равномерно были представлены женщины и мужчины, т.е. автор придерживался общепринятых требований к составу участников эксперимента, хотя следует отметить, что опыт дифференцированных по полу польских норм показал, что лишь сравнительно редкие и специфические ассоциации получают существенные различия у лиц разного пола. Это же замечание касается и профессиональных различий в реакциях: такие различия наблюдаются, как правило, только у специальных терминов, выдвигаемых в качестве стимулов, а также у не самых частых ассоциаций на обычные стимулы.

Возраст испытуемых: 17-25 лет, эксперимент проводился анонимно для его участников, которые должны были сообщить о себе только самые общие данные (пол, возраст).

Как это принято в мировой практике начиная с создания первого в мировой науке словаря ассоциативных норм английского языка в эксперименте Кент-Розанова, А.М. Калюта строит свой словарь на реакциях, полученных от 1000 испытуемых. Строго говоря, статистические критерии доказывают, что те ассоциации, которые возникли в ответ на заданный стимул у двух десятков испытуемых, обязательно повторяются в другом аналогичном эксперименте. Более того, на практике число повторяемых ответов гораздо больше, и это позволяет многим исследователям ограничивать число респондентов 500. Таким образом, с точки зрения надежности числа участников эксперимента, словарь А.М. Калюты находится на уровне мировых стандартов.

Экспериментальный список слов-стимулов включал 100 слов классического словаря Кент-Розанова, несколько измененный с учетом национальной специфики (так, слово *Bible* было заменено на *Kuran*, а *priest* на *Imam*) и дополненный еще 60

словами, важными с точки зрения носителя турецкого языка. Именно такой список, по мнению автора, дает возможность выделить как универсальные, так и национальные черты в образе мира различных народов. В общей сложности список включал 104 существительных, 38 прилагательных и 18 глаголов, что практически полностью обеспечивает международную и межъязыковую сопоставимость ассоциативных норм. Следует отметить не только сопоставительное представление, но и переводной характер словаря: эквиваленты стимулов и ассоциаций переведены на русский язык. Так же, между прочим, поступили создатели венгерского ассоциативного словаря, что сразу же сделало словарь доступным для использования в широкой аудитории (в венгерском словаре даны переводы стимулов и пяти первых реакций на русский и английский языки). Само собой разумеется, что переводы не могут не иметь приблизительного характера, но это, однако, не снимает их важности для иноязычных пользователей словаря.

Еще раз подчеркнем, что Словарь ассоциативных норм турецкого языка дает исследователю уникальную возможность проникнуть в мир образов сознания носителей турецкой культуры, которая до сих пор не изучалась с данной точки зрения. Прежде всего, представленные в словаре данные позволят получить более точное представление о «реальном», отраженном в словесной памяти носителей языка, окружении слова-стимула. При этом важным является тот факт, что они включают как лексическую парадигматику (то есть слова того же типа, что заданное, синонимы, антонимы, входящие в ту же лексическую или тематическую группу), так и синтагматику (слова, сочетающиеся часто со словом-стимулом), расширяя таким образом наши представления об устройстве естественного словаря. Более того, сравнивая материалы турецкого словаря с данными других аналогичных словарей, исследователь может выявить как общечеловеческие, так сказать, психологически обусловленные ассоциации, так и ассоциации, различные в разных языках; увидеть специфику и общность в структуре лексики разных языков, родственных (при сравнении, например, с данными киргизского или казахского языков) и совершенно различных (при сравнении, например, с данными русского, белорусского или английского языков).

С точки зрения практической данные об нормативных ассоциациях носителей турецкой культуры нужны сегодня для широкого круга лиц. Учитель-словесник и методист почерпнет в словаре данные о естественных лексических окружениях слов в сознании учащихся, что важно при преподавании, как родного языка, так и при обучении турецкому как иностранному. Литератор, вообще работники слова (лектор и под.), сможет также выявить то или иное слово, используемое в качестве центрального или ударного (особенно в рекламе). Психиатр сможет, в соответствии с принятыми в практике тестами, проверить, насколько словесные реакции пациента соответствуют или не соответствуют норме. Возможны и другие применения ассоциативных данных.

Заслуживает одобрения развернутое предисловие к словарю, в котором эксплицируется сам эксперимент (описание списка слов, предъявляемых испытуемым, анкеты, задания, состава и количества испытуемых и др.), его структура, а также указываются некоторые направления использования словаря. Материалы «Предисловия» будут полезны для тех, кто собирается использовать словарь на практике.

В силу того что представляемый словарь является первым словарем, созданным на материале турецкого языка, он предполагает и дальнейшие исследования. Так, вполне возможно расширить объем словаря за счет обратного указателя от ассоциации к стимулу. Это не только значительно обогатит сведения о лексическом окружении слова-стимула, но и позволит получить данные о системности образа мира турецкого народа, выявить сходства и различия между системным видением мира народов, которые говорят на языках, принадлежащих к различным языковым семьям.

А.П. Клименко, И.А. Бубнова

Псих

Арсеньева Ирина Альбертовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 3, Российского университета дружбы народов, e-mail: arsenyeva@yandex.ru

Белов Вадим Алексеевич, кандидат филологических наук, директор библиотеки, старший преподаватель кафедры менеджмента Череповецкого государственного университета, email: belov.vadim.a@gmail.com

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Института гуманитарных наук ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет», e-mail: aribubnova@gmail.com

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: goldinve@yandex.ru

Друцэ Анна Юрьевна, аспирант кафедры зарубежной филологии, Московский городской педагогический университет, e-mail: any2501@gmail.com

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, e-mail: akirilina@inyaz-mil.ru

Кирсанова Инна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, e-mail: inna_kirsanova@mail.ru

Клименко Анна Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии Минского государственного лингвистического университета e-mail: annaklimenko32@gmail.com

Куликов Сергей Юрьевич, аспирант Института языкознания РАН, sukulikov@gmail.com

Лобанова Лидия Петровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: lydia.lobanova@mail.ru

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: denisrich2708@yandex.ru

Никуличева Дина Борисовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора германских языков Института языкознания РАН, e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

Нистратов Александр Алексеевич, научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: a.nistratov@mail.ru

Ощепкова Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков МФТИ (ГУ), e-mail: maposte06@yandex.ru

Сдобнова Алевтина Петровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедры начального языкового и литературного образования, Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, sdobnovaar@yandex.ru

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН, e-mail: kjaseagal@yandex.ru

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ФГСН Российского университета дружбы народов, e-mail: word@list.ru

Смит Дэвид Хортон, почетный профессор социологии в Бостон Колледж, США, e-mail: dhortonsmith@hotmail.com

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: st.anna@bk.ru

Тарасов Евгений Федорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: eft35@mail.ru

Чернышова Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, докторант отдела психолингвистики Института языкознания РАН, Борисоглебский филиал ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», доцент кафедры теории и практики начального образования, e-mail: elena-chernishova@yandex.ru

Шахнарович Александр Маркович

(1944-2001), доктор филологических наук, профессор, академик РАН, 1993-2001 гг. заместитель директора Института языкознания РАН по научной работе, создатель и первый руководитель отдела экспериментальных исследований речи.

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть представлена в печатном и в электронном виде или отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

На отдельном листе (в отдельном файле) прилагаются сведения об авторе:

- фамилия, имя отчество;
- ученая степень;
- ученое звание;
- место работы;
- должность;
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- контактный телефон;
- адрес электронной почты, который будет опубликован в журнале.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по контактными адресам и/или телефонам, указанным в заявке.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И СТРУКТУРЕ СТАТЬИ

Статья должна содержать:

- название (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
- инициалы и фамилию автора/авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на русском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова (5-7 слов) на русском языке;
- название статьи и фамилии автора/авторов на английском языке (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на английском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова на английском языке (5-7 слов).

Основной текст статьи должен содержать:

- Введение – с указанием на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы;
- Основную часть (может содержать разделы);
- Заключение (выводы) – с указанием новых результатов, их теоретического или прикладного значения;
- Библиографический список.

ОФОРМЛЕНИЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере на одной стороне листа (для печатного варианта); формат – А4; поля – 2,5 смс каждой стороны (не более 30 строк на одной странице; 60 знаков в строке включая интервалы между словами); размер

шрифта – 12; гарнитура – NewTimesRoman; абзацный отступ – 1,25 см; интервал между строками – 1,5 см.

Все страницы рукописи в печатном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в число страниц рукописи включаются таблицы, рисунки, подписи к рисункам, библиографический список).

В электронном варианте статьи страницы не нумеруются.

ЗНАКИ, ЦИФРЫ, ФОРМУЛЫ

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также символами: O (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или буква «i»).

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отделяют пробелом от смежных символов.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ.

Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями.

Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, заменяя их подписями.

Подписи приводятся шрифтом одной величины.

На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

ТАБЛИЦЫ

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью.

В названии таблицы и в ячейке таблицы после названия точка не ставится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Библиографический список оформляется в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц для каждого источника. Размер шрифта – 12; междустрочный интервал – 1,0.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Единым форматом оформления пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСТАТЕЙНОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic

alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // *Ret. Libr.* – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Автореферат:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Аналитический обзор:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Патент:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Материалы конференций, симпозиумов, конгрессов, форумов и т.д.:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. – 350 с.

Марьянских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Интернет-документ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 20052007. URL: <http://www.nlr.rifawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/>

memoflatchford.htm (дата обращения 23.08.2007).

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ

125009, Москва, Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1
Институт языкознания РАН, к. 47
Отдел психолингвистики
Телефон: (495) 690-14-64
E-mail: editorial-vpl@yandex.ru

GUIDELINES TO PREPARING AND SUBMITTING A MANUSCRIPT

Papers should be submitted either in printed and electronic format or sent to the e-mail editorial-vpl@yandex.ru.

An attached file, separate from the paper, should contain the following information about the author(s):

- name and surname;
- academic degree;
- academic title;
- place of work;
- position;
- business and personal address;
- telephone number;
- e-mail address which will be published in the journal.

Papers are reviewed and selected. The result of the review and selection process is announced to the author at the addresses or by the telephones provided in the submission form.

The editorial board is responsible for prioritizing papers which receive a favourable review.

Publications are free.

CONTENT AND STRUCTURE REQUIREMENTS

Papers should include:

- title (capitalized, boldfaced, centered);
- author's name and surname (small letters, boldfaced, centered);
- summary in Russian (up to 200 words);
- key words in Russian (5-7 words);
- title and the author's name and surname in English (small letters, boldfaced, centered);
- summary in English (up to 200 words);
- key words in English (5-7 words).

The text of the paper should contain:

- Introduction with a brief account of the background and rationale of the work.
- Main body (it may contain a few short subheadings).
- Conclusion putting the main findings and their value for the field.

References.

FORMATTING

Papers should not exceed 40,000 symbols.

Our preferred format for text is Microsoft Word. We prefer the use of 12-point Times New Roman. Format – A4; margin – 2,5 cm; paragraph break – 1,25 cm; space between lines – 1,5 cm. Pages should not be numbered.

TABLES

Tables should be only used for presenting data which cannot be stated in the text. Words in tables are typed in its full forms.

Table and cell titles do not take full stops.

REFERENCES

References are each numbered, ordered alphabetically. Please use 12-point Times New Roman, single space.

In the body of the text please use the following format: [Name year: page(s)] (e.g. [Ivanov 2000: 18]).

Please follow the style below in preparing reference lists.

Examples of reference lists

Journal paper:

Адорно, Т.В. К логике социальных наук // Вопр. философии. – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // Ret. Libr. – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Monograph:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Thesis synopsis:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Thesis:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Analytical review:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Patents:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Conference abstracts:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. - 350 с.

Марьинских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Digital and Internet sources:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 20052007. URL: <http://www.nlr.rifawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логонова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/memoflatchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

ADDRESS OF EDITORIAL BOARD

125009, Moscow, B. Kislovski per., 1/1

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, room 47

Department of Psycholinguistics

Telephone: (495) 690-14-64

E-mail: editorial-vpl@yandex.ru